

ПОПЫТКА – НЕ ПЫТКА

фантастический роман-утопия

Елена Хотулева

Annotation

Главная героиня мечтает превратить Россию в идеальную страну. Узнав, что ее друг изобрел машину времени, она решает обратиться за помощью к Сталину, который, по ее мнению, заложит в 1937 году основу нерушимой державы. Удастся ли ей убедить Сталина в своей правоте, во что превратится Россия, если сработают компьютерные программы, и что станет с миром... Об этом читайте на страницах романа.

Елена Хотулева

Попытка — не пытка

* * *

Я прислонилась к парапету смотровой площадки и с досадой посмотрела на высотку МГУ. Где-то там, в том мире, куда еще совсем недавно я легко заскакивала с помощью машины времени, это здание он посвятил мне. Это и еще семь... Точнее, шесть, потому что в моей реальности восьмой дом в Зарядье так и не был построен.

Низкие облака шарахались от шпиля и убегали в сторону области. Под ногами раздавалось кряхтение воробьев. Вчера я могла изменить ход мировой истории. Сегодня я размышляю, как жить дальше.

Я до одури сжала в руке острый ключ от автомобиля и камнем ухнула в воспоминания...

* * *

В тот день, а было это несколько месяцев назад, я зашла перекинуться парой словечек с Натанычем.

— Привет, как скрипишь?

— Как телега, везущая на погост девственницу! — Мой престарелый и вечно диссидентствующий друг был в хмуром настроении.

Усевшись на хроменькую табуретку, я стала чесать языком:

— Знаешь, работодатели исчерпали до дна свою совесть и теперь бродят по столице как есть, бессовестные и злые. За переводы они платят копейки, да и то только после того, как станцуешь перед ними непристойный ритуальный танец. Нет, я не говорю, что все плохо! Когда работа имеет место быть, то жизнь становится просто как нуга в шоколаде — вроде сладко, а зубы сводит. Просто хочется немного, ну граммов примерно сто пятьдесят, спокойствия и мира в душе...

Он прервал меня, грохнув на стол щербатую чашку с утопленным в ней пакетиком чабрецового чая:

— Пей. И молчи. Потому что когда начинают говорить такие, как ты, сводит судорогой даже зубные протезы.

— Скажешь, что я не права?

— Ох, ты знаешь, мне таки за жизнь уже пришлось сказать столько, что кажется, мой говорильный аппарат издох еще в прошлом тысячелетии.

Это он загнул. Уж мне-то было известно, что ругать всех и вся он мог днями напролет. Этой трепалогией он заразился еще в молодости, когда корчился в подобии рок-н-ролла и носил неприлично узкие брюки. Заразился и не нашел панацеи.

Наверное, именно поэтому я с ним дружила. Стоило рассказать ему о хоть сколько-нибудь важной для меня вещи, как он сразу же выворачивал все наизнанку и начинал меня смешить. Теперь я думала о его скрюченных в пароксизме отчаяния протезах и хохотала.

— А что такого веселого я сказал? Ты приходишь к старому больному человеку, начинаешь закатывать свои прекрасные глаза, костеришь всех хоть как-то преуспевших и хочешь, чтобы я соглашался с тобой, как пионер на Красной площади? Кстати, о Красной площади! Не нравится мир за окном — сходи на ретродискоотеку.

Я поперхнулась чаем. Этого только не хватало. Со школы не выношу дискотек.

— Натаныч, дорогой! Ты меня не понимаешь. Мир мне нравится. Просто мне противны эти взаимоотношения, когда работать надо не головой, а когтями и зубами. Да и вообще! — Я стала размахивать руками, как голландская ветряная мельница. — Где равенство, где братство, где свобода? Хочу жить при коммунизме, когда каждому — по потребностям, а от каждого — по способностям.

Он уставился на меня печальным барбосом:

— Ты, когда в квартиру заходила, об косяк случаем не ударилась?

— Нет, знаешь, не ударилась. И справедливости ради хочу задать тебе вопрос: ты что, доволен жизнью?

Смахнув на пол крошки от печенья, Натаныч тяжело вздохнул и стал нудно, как ослик из старого мультика, рассказывать о своем бытии:

— Ну, в общем я не жалуюсь... Сдаю квартирку моей покойной кухни, старой девы, получаю льготы как ребенок репрессированных родителей, сижу за новеньким компьютером и ради удовольствия разрабатываю всякое разное уникальное и непременно достойное Нобелевки...

— И что же таки ты разработал? — ехидно спросила я, подражая его интонации.

Он, как водится, решил уйти от ответа и затыкнул волюнку:

— Было время, я подрабатывал патентами... Придумывал неперегорающие лампочки со встроенными диодами. Проектировал компактные гидростанции, которые без плотин могли электрифицировать целые колхозы. Однажды запатентовал двигатель, работающий на подсолнечном масле...

Я решила вернуть его к тематике более актуальных исследований:

— Это все ерунда. Ты лучше скажи, можешь ли ты переделать этот мир.

К моему удивлению, вместо словесной дребедени Натаныч произнес пафосную речь:

— Да, милое и не созревшее мозгами создание! Я придумал нечто такое, что при определенных обстоятельствах произведет такой нейтронный взрыв в мозгу политиков, что они разрыдаются, бросятся мне на шею и начнут вращать нашу миленькую планетку в сторону процветания.

Он с любопытством посмотрел на меня, видимо надеясь на шквал восторженных вскриков, и тихо добавил:

— Только я еще не догадался, кто именно сделал самый значительный ляп в организации мироустройства.

— А это важно?

— Очень! Хочу понять, кого пренебреженно надо кокнуть в прошлое, чтобы настоящее уподобилось садам Семирамиды. Вот подумываю о Гитлере. Но знаешь, все больше прихожу к выводу, что на него не повесишь, к примеру, ответственность за мировой терроризм, да и к распространению наркотиков он не причастен. Тут надо рыть глубже и искать, так сказать, ключевую фигуру...

— Ты что ли машину времени изобрел? — безразлично прервала его я, зная по опыту, что все изыскания Натаныча, о которых он мне, как правило, подробно рассказывал,

хоть и были действительно гениальными, но до сих пор ограничивались только какими-нибудь говорящими кофемолками да танцующими батареями центрального отопления.

Вместо ответа мой друг метнулся к входной двери, ужасающе скрежетнул гигантским ржавым засовом, вернулся ко мне и вполголоса произнес:

— Да, машину времени. И она таки прекрасно работает.

Собственно, с этого все и началось. Потому что дальше для нас обоих наступила жизнь, полная почти что шизофренических событий.

* * *

От удивления я покачнулась на табуретке, зацепилась колготками за неровность на деревянной ножке стола и, плеснув на юбку чай, прошептала:

— А как ты проверил, что машина функционирует?

Сама того не ведая, я нажала на спусковой крючок Натанычева красноречия.

— О! Это не так-то просто рассказать! Точнее, нет... Сиди, молчи и слушай. Потому что сейчас, да, да, таки в этот самый распрекрасный момент твоей жизни ты узнаешь... И я приложу к этому максимум усилий... Так вот, ты узнаешь, как великие ученые на собственном опыте проверяют свои бессмертные открытия. Да! Да! Я! Я изобрел машину времени и испробовал на себе. Это было всего один раз. Но как важен этот один раз для мировой науки... Да что там наука! Он важен для истории!

— Ты что, в прошлое летал?

— Летал. Летал и вернулся — вот что главное. Вернулся целым и невредимым! И если тебе интересно, а я ведь знаю, что ты безудержно любопытна и даже нескромна в своей любознательности, то я тебе расскажу, куда именно я решил отправиться.

— К Гитлеру? — решила подколоть его я.

Он передернулся, будто проглотил личинку короеда:

— С ума сошла?

— А куда?

— Маму свою повидать хотел. Она ведь умерла, когда мне было чуть больше года. Вот слетал, познакомился и возвратился обратно.

Почему-то в этот момент меньше всего меня интересовала история его детства, которую за время нашего знакомства он рассказывал мне многократно. Я была настолько недовольна безработицей, ростом цен, инфляцией, межнациональной рознью, наркоманией, коррупцией да и вообще всем происходящим в стране, что решила перейти от слов к делу:

— Очень за тебя рада. И все же! С помощью твоей великой машины можно хоть что-то изменить в плачевном положении нашего отечества?

Он почесал лысеющий затылок и посмотрел на меня поверх очков-половинок:

— Вот не люблю я, когда ты припираешь меня к стенке и задаешь эти дурацкие прямые вопросы.

— Значит, ты врал, когда рассказывал про Гитлера и рыдающих от счастья политиков?

Оказалось, что он не врал. Просто приукрашивал, как это и положено великим деятелям науки. Да и что он такого сказал? Ну пошутил ради красного словца, что хотел укокошить Адольфа. И про проблемы мирового терроризма зря брякнул — не волнуют они его вовсе. А что волнует? Да, собственно, больше ничего. Ведь это все он изобрел только для того, чтобы

увидеть живыми своих родителей. Теперь дело сделано, и машина как-то даже и не нужна...

— Так не пойдет! — ультимативно заявила я, возмущенная его мещанскими настроениями. — Если ты ее действительно сконструировал, то теперь от меня не отвертись. Историю буду вершить я. А ты будешь действовать под моим начальством.

— Ну... Ну... Ну... — мычал он и задумчиво рассматривал пятно на линолеуме. — Ну если ты такая идиотка... То тогда, конечно, можно попробовать что-то изменить. Но ты же знаешь, что последствия могут быть катастрофические.

Я пропустила его комплимент мимо ушей и начала громко рассуждать:

— Да, ты прав! В ранней молодости я действительно читала много научной фантастики. И как дважды два знаю, что просто так, бездумно и безответственно, в прошлом не ковыряются, потому что машина времени запросто, как сливной бочок туалета, может смыть настоящее в полный хаос. Но соблазн сделать из нашей страны конфетку столь велик, что удержаться невозможно. Что отделяет нас от счастливой жизни? Какая-то пара-тройка полетов в прошлое, разборки с кем-то из великих и замечание следов. Все! Дело, как говорится, в шляпе. Неприятности долой, даешь благосостояние и спокойную счастливую жизнь! Натаныч! — Я громко захлопала в ладоши. — Я тебя обожаю! Нам осталось только догадаться, куда лететь и с кем говорить.

— А ты чего, собственно, хочешь добиться? — почему-то свистящим шепотом спросил он.

Покусав губы, я была вынуждена признаться в некоторой некомпетентности:

— В принципе... Я хочу, чтобы моя родина, а под ней я понимаю СССР...

— СССР? — уцепился за слово мой друг. — Если ты хочешь Союза, то тебе к Горбачеву Михал Сергеичу. Вот с ним и веди душеспасительные беседы. Я тебя отправлю в 1985 год, и там ты скажешь нашему последнему генеральному секретарю: не правы вы, дорогой мой товарищ, не надо вам республики отпускать на вольные хлеба да всякую перестройку устраивать.

— Нет, это глупо, — очень серьезно заявила я. — Надо понять, на каком этапе была допущена принципиальная ошибка в управлении государством.

Великий изобретатель воспрянул духом и оживился:

— Принципиальная ошибка? Да я просто спец по принципиальным ошибкам! Я тебе назову имя того лоха, из-за которого мы имеем то, что имеем. Его зовут Николай Второй. Это он до того страну распустил, что большевички твои любимые власть захватили. Вот его и надо первым к стенке ставить.

Я ударила ребром ладони по исцарапанной столешнице:

— Ставить к стенке никого не будем! Это, знаешь ли, не метод. Николай Второй, кстати сказать, святой, и трогать его не надо. Да и вообще, я же ясно сказала, что хочу жить в СССР. И при чем тогда тут твой Николай?

Оказавшись в интеллектуальном тупике, Натаныч зажег газ и поставил на огонь чайник. Я сидела молча и подпрыгивала стоптанным шлепанцем. Отсутствие глубоких знаний истории тяготило и навевало мысли о тщетности существования. Иметь такой инструмент в руках и абсолютно не понимать, как его применить на практике! Эта мысль просверлила бы дыру в моем мозгу, если бы горькие раздумья не прервал истошный писк мобильного. Оказалось, что сын забыл ключи и бьется в дверь нашей квартиры, как Финист Ясен-сокол. Устремившись его спасать, я ушла домой и оставила Натаныча допивать в одиночестве свой веникоподобный чай.

Ночь я провела в кошмарах. Мне снилось, что Николай Второй в алом шелковом халате, сидя на хромом осле, выезжает на площадь и отдает приказ гильотинировать Гитлера. После этого сводный Краснознаменный оркестр играет гимн СССР, и в небо взлетает дирижабль с портретом Столыпина. Проснувшись ни свет ни заря, я потопала на кухню пить кофе.

Тяжелые, как гантели, думы давили на мозг и не позволяли расслабиться. Почему я вообще так сразу ему поверила? Может, Натаныч не изобретал никакой машины и вся эта сказочка была придумана лишь для борьбы со скукой? А вот еще вариант: он действительно смастерил что-то там похожее на временной портал, но использовать его можно только для просмотра прошлого, а никаких серьезных действий нам осуществить не удастся. Но, с другой стороны, я не могла отрицать, что Натаныч — гений, каких свет не видывал. И уж если кому и суждено было в наши дни изобрести машину времени, то, конечно, именно ему — человеку с мозгом робота и внешностью засушенного таракана.

— Надо с кем-то посоветоваться, — пробормотала я себе под нос и, увидев на часах вполне приемлемые для разговора цифры 8.00, стала звонить троюродной сестре-историку, которая днями и ночами писала монографии в каком-то архиве.

Быстро договорившись о встрече, я осой вылетела из дома и уже спустя полчаса сидела на кухне у Галины.

— Я не совсем поняла, о чем ты хочешь со мной побеседовать, — она произносила слова очень аккуратно и в нос, будто бы всю жизнь провела в парижском пансионе. — Ведь я исследую историю первой половины двадцатого века, причем не всех государств, а только СССР и Германии.

— Это подходит! — Мне очень хотелось побыстрее избавиться от нудных вступлений и перейти к делу. — Вот скажи, если бы тебе, как специалисту, дали машину времени, то как бы ты стала исправлять мир?

Галя нервно завязала узелком розовый носовой платочек:

— Ты говоришь о мечте каждого настоящего историка. Велик, ох как велик соблазн поставить эксперимент и узнать, что было бы, если бы... Но это невозможно...

— Возможно или нет — дело десятое. Ты по существу говори! Кто виноват? Что с ним делать?

Я была уверена, что в ответ она снова занудит и будет мурыжить меня часа два, рассказывая о том, что история — наука, существующая вне экспериментов. Однако вопреки моим ожиданиям она вдруг выдала перл:

— Искать надо не слабого и глупого, а сильного и мудрого! — После этого, кажется, впервые в своей благочестивой жизни сестра сверкнула на меня глазами и томно произнесла: — Если бы я могла улететь в прошлое, то отдалась бы на милость Александру Македонскому. Думаю, что со мной он бы сумел превратить землю в Эдем...

Каким образом в ее образованном сознании возник столь парадоксальный образ, я разбираться не стала. А сославшись на срочные дела, постаралась скоренько с ней проститься и вернулась домой. На часах было 10.30 — время, когда Натаныч еще спал сладким сном, отдыхая после традиционных ночных экспериментов. Делать мне было нечего: сын уже ушел в институт, мои переводы ждали согласования у заказчика, приготовленный вчера обед занимал полхолодильника, а что касается пыли, то на нее я

предпочла не обращать внимания и погрузилась в трясинообразные думы.

Итак. Искать надо сильного и мудрого. Мудрого и сильного. Сильного и мудрого.

— Поняла! — возопила я в пустоту квартиры и снова ушла в себя.

Здесь, в этом времени, найти ответ на вопрос о том, как создать идеальную страну, невозможно. Невозможно просто потому, что, во-первых, никто из ныне здравствующих политиканов не имеет понятия, как сделать этот мир лучше, а во-вторых, мало кто из власть имущих на самом деле в этом заинтересован. В итоге задача сводится к поиску некогда жившего высокопоставленного патриота, который сможет самостоятельно все продумать, применить на практике и заставить историю развиваться в нужном направлении. И уж конечно, это будет не Николай Второй.

— Натаныч! Просыпайся! — заорала я в трубку, когда сонный голос послал меня рыть траншеи в Гонолулу. — Я сейчас к тебе поднимусь для серьезного разговора. Оркестр можешь отпустить — в почестях я не нуждаюсь.

Он встретил меня на пороге, сонно качаясь, как камыш на ветру:

— Между прочим, я сплю-таки не просто так... Не за ради эфемерного удовольствия, как ты могла бы предположить. Я сплю, чтобы дать своему организму силы для новых великих свершений. А ты нарушаешь нейронные процессы в моем мозгу, тем самым лишая человечество уникальных разработок...

Я потащила его на кухню, где от свиста одуревал чайник, и толкнула в дерматиновое кресло.

— Садись, завтракай, а я буду рассказывать. Тебе предстоит много думать, поэтому постарайся основательно подкрепиться. Готов?

Он кивнул, подтянул к себе котелок с овсянкой и начал слушать мою пламенную речь.

— Итак, мы оба были не правы, когда думали о том, кто сильнее всех напортачил в прошлом нашего несчастного государства. Это был неверный путь! Искать надо лидера, который сможет не только исправить ошибки дней давно минувших, но и изменить ход истории. Короче, находим политического гения, рассказываем ему все как есть, он решает, как быть, принимает необходимые меры — и мы все живем в счастливой и процветающей стране!

— Может, к Троцкому обратиться? — предположил Натаныч, тщательно жуя кашу.

— Нет, он пустобрех. Я его не люблю, — категорически отрезала я, чем вызвала вскрик негодования у своего собеседника.

— Люблю, не люблю — это понятия, подходящие для первой брачной ночи! — назидательно завопил он. — Ты тут не жениха себе выбираешь, а судьбу, можно сказать, целой империи пытаешься решить! Что это за инфантильный подход? Давай серьезно говорить. Вот слух ходил, что Столыпин предлагал гениальные реформы...

— Ой!

— Что еще?

— Мне сегодня его портрет снился, — прошептала я.

Натаныч в негодовании стукнул котелком об стол:

— Знаешь, что я скажу? И ты таки не обижайся. Мне кажется, что тебе просто-напросто нечем заняться. Вся твоя беда в том, что ты неприлично рано родила, ну просто как пигмей какой-то в хижине на экваторе. И что ты теперь имеешь в своей жизни?

— Ну? — Я с вызовом скрестила на груди руки.

— Вот тебе и ну! Работаешь дома, с переводами не перенапрягаешься, на сына своего

Глеба времени много не тратишь, так как он весь в учебе и в своей очаровательной пышнотелой подружке, развлекаешься танцами живота...

— Не танцами живота, а фламенко!

— Это дела не меняет! Так вот. Мужа ты бросила миллион лет назад, а последнего любовника свела в могилу.

— Он сам умер! — грозно поправила я и смахнула с ресницы навернувшуюся скупую слезу.

— Неважно! Суть в том, что ты воспринимаешь все как игру. И несмотря на то что цель поставила перед нами именно ты, относишься к ней в высшей степени несерьезно.

— И что вы предлагаете, ваше наисерьезнейшее величество?

— Думать! Думать-таки головой, а не пятой точкой! Погрузиться в изучение материалов, анализировать, кто и что хотел сделать для процветания России. Троцкого она, видишь ли, не любит! А ты с ним хоть словом перемолвилась? А? Нет! Вот потому и считаешь, что его надо со счетов сбрасывать. А может быть, с человеком стоит поговорить по душам, рассказать, что тут у нас происходит, глядишь, он и присоветует, как быть...

Я точно помню, что именно в этот момент меня и посетила та идея, из-за которой следующие месяцы я провела в адреналиновом бреду.

— Натаныч! — Я крепко сжала его конопатые пальцы. — Нам нужен Сталин! Только он способен разобраться во всем этом сгустке экскрементов!

— Он же жлоб.

Такой ответ поставил меня в тупик:

— Что значит «жлоб»? Что это вообще за слово такое — «жлоб»? Я его, к примеру, не употребляю, так как доподлинно не знаю, что оно означает. Поясни, будь любезен.

Натаныч сложил губы трубочкой и присвистнул:

— Жлоб — это... Ну, как тебе объяснить... Жлоб — это жлоб. И этим все сказано.

Я развела руками:

— Ну, тогда вычеркиваем Сталина из списка приглашенных. Раз ты его не любишь... Ой... — Я осеклась и прикусила язык, вспомнив нотацию о первой брачной ночи.

А Натаныч тем временем перешел в измененное состояние сознания. Вытащив из верхнего ящика тумбочки свой паспорт, он ткнул мне в нос второй разворот и заорал:

— Что здесь написано?!

— Выдан пятым отделом милиции третьего РУВД УВД... — с опаской прочитала я.

— К лешему все эти УВД и РУВД! Какой год рождения здесь стоит?!

— 1937-й, допустим.

Он зло швырнул паспорт обратно и с треском задвинул ящик:

— Да, вот именно! Я родился весной 1937 года. А летом 1938-го моих родителей арестовали по 58-й статье. Их собирались отправить в лагерь, но потом передумали и расстреляли неизвестно где и непонятно за что! И после этого я должен любить Сталина?!

Ну и что я могла ему возразить? В очередной раз рассказать о том, что мой прадед вместе со всей своей многочисленной семьей в это время жил припеваючи в пятикомнатной московской квартире и пользовался служебным автомобилем как видный энергетик и участник реализации плана ГОЭЛРО? Ответить мне было нечего, и я стала хлебать остывший чай с неизменно отвратительным чабрецом.

После пятиминутного молчания Натаныч успокоился и, махнув рукой, произнес:

— А на самом-то деле только твой Отец народов и смог бы разобраться в том

кордебалете, который творится за окном. Положа руку на сердце, нельзя не признать, что он обладал-таки глобальным мышлением и смог бы понять, в какую именно сточную канаву катится этот мир. Но кто же отважится подойти к нему хоть на метр?

Обрадовавшись, что вопрос о репрессиях временно снят с повестки дня, я одернула футболку и звонко выпалила:

— Я готова рискнуть ради отечества!

— Дура, — лаконично заявил мой интеллигентный оппонент. — Как есть дура. И чтобы ты раз и навсегда уяснила, что лететь к Сталину равносильно самоубийству, я назову тебе всего четыре буквы. Да, да! Всего таки четыре маленькие буковки русского алфавита. Нэ. Кэ. Вэ. Дэ. Все. Этого, я считаю, достаточно.

— НКВД? — тихо прошептала я, зачем-то скосившись на дверь. — Ты так думаешь? А может быть... Хотя, впрочем... Но была же хоть какая-то возможность поговорить с ним тет-а-тет?

Натаныч откинулся на спинку кресла, осмотрел меня с головы до ног и предложил:

— А давай переоденем тебя в пионерку и отправим на Первомайскую демонстрацию вручать ему цветы?

— Ты серьезно?

— А что? Росточка ты дюймовочного. Телосложения практически изможденного. Выглядишь молодо. Если заплести тебе косички, повязать красный галстук, то за букетом никто и не заметит, что ты — шпионка из удаленного будущего.

— Ну а дальше-то что? — все еще принимая его издевательства за стратегический план, спросила я.

Более не в силах сдерживаться, Натаныч расхохотался:

— А дальше скажешь ему: «Спасибо вам, товарищ Сталин, за наше счастливое детство! Помогите нам обеспечить не менее счастливую старость!» Отвесь поясной поклон и вручи пачку деловой прессы за последние два дня.

— Ты меня достал! — Я встала из-за стола и стала ходить взад-вперед.

Через некоторое время, когда мы уже сидели в комнате, мне в голову пришла мысль:

— А давай подделаем пропуск в Кремль, и я схожу к нему на прием! Знаешь, у Паши, ну, у друга моего сына, отец работает на киностудии каким-то главным по реквизиту. Он однажды ребятам на маскарад давал костюмы петлюровцев. Вот он-то наверняка сможет мне состряпать нужную бумажку или корочку. Не знаю, как там это выглядело. А? Что ты скажешь?

Натаныч оторвался от монитора, куда глазел уже добрых десять минут, и, кусая измочаленный хвостик карандаша, спросил:

— Нет, что скажешь ты, когда наберешься наглости заявиться с этой липовой ксивой к нему в кабинет?

— По ситуации разберусь! — с запалом ответила я. — Ты, главное, меня туда забрось, ну а уж там мое красноречие поразит его до глубины души. Да и потом, я думаю, что если он узнает, откуда я прилетела, то выслушает меня с большим интересом.

По глазам Натаныча я догадалась, что вся эта история начала его серьезно увлекать. Правда, зная его, я понимала, что о благосостоянии родины он вряд ли печется — на это ему, скорее всего, было наплевать, так как его вполне устраивало существующее положение дел. Но зато он загорелся моей идеей как исследователь временного пространства. И именно на это я сделала ставку. У нас начинал складываться прекрасный творческий союз: он —

чокнутый ученый, умеющий перемещать людей в прошлое, я — безбашенная патриотка, желающая превратить Россию в страну-утопию. Я все решила, и теперь от цели меня отделяло только одно: я не знала, какой именно момент истории оптимален для серьезного разговора.

— Как ты думаешь, в каком году мне имеет смысл с ним встретиться?

— В 1879-м! Удавишь его в младенчестве — и дело с концом! — Натаныч снова проявил себя некрофилом.

— Ну хватит уже! — рассвирепела я. — Пора разрабатывать стратегический план. У тебя есть какая-нибудь старинная одежда?

Он пошлепал в прихожую и с грохотом вытащил откуда-то огромный чемодан.

— Тут валяются какие-то шмотки моей дорогой кузины. Кажется, там было что-то и от ее матери. Вот. Думаю, это вполне подойдет.

Он бросил мне пропахшее нафталином ситцевое платишко и пару стоптанных туфель. В таком виде идти в Кремль было просто неприлично. Поняв, что только на киностудии мне удастся найти полное снаряжение для импровизированной экспедиции, я распрощалась со своим теперь уже деловым партнером и отправилась домой, звонить отцу Павлика.

* * *

Пережив сорокаминутное плутание в коридорах «Мосфильма», я наконец нашла нужный павильон и устремилась к слоноподобному человеку в джинсовом комбинезоне:

— Здравствуйте, Александр! Я так вам благодарна за помощь. Вы даже не представляете, насколько важны для меня все эти вещи, о которых я говорила по телефону!

Он смущенно гоготнул и поставил передо мной серый ящик из-под какого-то оборудования:

— Вы садитесь, а я покажу, что смог нарыть.

Оказалось, что, пока я стояла в заторе на Бережковской набережной, ему удалось проделать колоссальную работу. Кроме шикарного платья, в котором какая-то сериальная дива изображала Еву Браун, и пары туфель, оставшихся от старого кинофильма про разведчиков, Александр исхитрился отыскать свеженькое удостоверение личности, выписанное на имя Ворошилова.

— Вы не волнуйтесь, это недоразумение мы сейчас исправим, нужную фамилию впишем, и все будет в ажуре, — поспешил заверить меня мой благодетель. — Вы кого играть будете в своей самодеятельности?

— Э... Как это объяснить... — Я пробуксовала и никак не могла сочинить хоть что-то правдоподобное.

— Ну на чье имя корочку-то выписывать? — обеспокоено спросил он.

— На мое, — не подумав, выпалила я. А потом пояснила: — Такая вот фантазия у нашего режиссера. Ему кажется, что у меня очень звучное имя, и он решил дать его главной героине.

Ничуть не удивившись, Александр удовлетворенно угукнул, потер руки и принялся что-то химичить в непонятно откуда взявшемся ноутбуке. А еще через некоторое время после продолжительной возни с цветным принтером и кучей подручных материалов мастер поддельных документов выдал мне серпастую и молоткастую книжечку.

— И что, вы думаете, что с этим меня пропустят к Сталину? Эти удостоверения действительно так выглядели? — с опаской пробормотала я, рассматривая уж слишком очевидную подделку.

Он рассмеялся:

— Ну какая вам разница, как они выглядели на самом деле? Главное — чтобы зритель был доволен. И, кстати, если уж вы так интересуетесь Сталиным... У меня тут есть еще разовый пропуск к нему на прием. Я вам бланк распечатаю, а вы сами впишете свои данные и дату посещения. Вы уж извините, но мне пора бежать.

Он сунул мне пропуск, быстро распрощался и исчез за полотном черного сатина. Что было делать? Я воззрилась на документы и пришла к выводу, что мне опять необходима помощь сестры.

— Галя, Галя... — заныла я в сотовый, когда она наконец соизволила снять трубку. — Мне до зарезу нужна консультация. Это по твоей любимой теме. Ты будешь просто счастлива найти ответ на поставленный вопрос! Согласна? Тогда срочно выезжаю в архив.

Перехитрив автомобильные пробки, я быстро приехала по указанному сестрой адресу и, бегом преодолев несколько огромных лестничных пролетов, оказалась в комнате-норе, полной пропыленных папок и книг.

— У тебя тут мило, — еле сдерживаясь, чтобы не чихнуть, прошептала я. — Чем занимаешься?

Галина тяжело вздохнула и туго затянула поясok на халате цвета индиго.

— Понимаешь, — всхлипнула она, — я начала писать новую книгу о кардинальном изменении в межличностных отношениях коммунистической молодежи в период с 1919 по 1926 год. А начальник сказал, что эта тема компрометирует меня как ответственного работника нашего учреждения. Теперь ставит палки в колеса и грозит увольнением. А я столько бессонных ночей потратила на поиск фактов!

— Ему не нравится, что ты в сторону сексуальной тематики ушла? — сочувственно спросила я.

В ответ она махнула какой-то обгоревшей картой:

— Что ты! Нет! Он просто очень зашоренный человек и считает, что все основные изменения произошли с 1920 по 1924 год. А это неправильно, понимаешь... Совершенно неправильно... — Она расплакалась и уткнулась в неизменный батистовый платочек.

Не зная, что сказать ей в утешение, я сморозила глупость:

— Да наплюй ты на это. Подумаешь, годом раньше, годом позже...

— Ну как ты можешь такое говорить? — прорыдала сестра. — Монография должна перевернуть все представления о половом вопросе в среде коммунистической молодежи! Это же так важно...

— Да, да, понимаю... — Я погладила ее по голове и перевела разговор в более интересное для меня русло. — Ты мне скажи вот что. Есть у тебя данные о том, в каком году Сталин был, так сказать, в наилучшей форме? Ну, то есть когда он был способен решать самые сложные задачи и разрабатывать всевозможные немыслимые управленческие схемы?

Услышав знакомые слова, Галина утерла слезы, заботливо спрятала карту в картонную папку, завязала бантик и начала бубнить себе под нос. После пятиминутных и совершенно безрезультатных попыток понять, о чем она толкует, я взмолилась:

— Ты можешь говорить хоть на пару децибел громче? В конце-то концов, мне нужен только год, когда у Сталина была, как это сейчас говорят, активная жизненная позиция, а

также я должна знать точные день и час, в которые он стопроцентно сидел у себя в кремлевском кабинете и в одиночестве занимался делами.

Продолжая бубнить, сестра юркнула под стол, шумно повозилась там, как голодная мышь в амбаре, и вернулась на место, сияя улыбкой и рассматривая через лупу какой-то пергаментный листочек:

— Думаю, это было в 1937 году. Не буду приводить тебе доказательства корректности принятого мной решения, так как, узнав мои доводы, любой косо мыслящий историк бросит в меня камень... Но я на сто процентов уверена в своей правоте!

— А дату? Ты можешь назвать мне дату?

Вместо ответа Галина открыла крохотный сиреневый блокнотик с белыми бабочками и что-то старательно в нем написала.

— Вот! — Она положила передо мной выдранную страницу. — Мне доподлинно известно, что в этот день он был у себя и не проводил никаких совещаний. Но я не могу не поинтересоваться, зачем тебе все это нужно.

Мне было приятно, что после заминки с Александром к проявлению сестринского любопытства я успела подготовиться основательно.

— Понимаешь... — Я скромно потупила взор. — У меня есть один друг, специалист по эпохе сталинизма. Он сейчас пишет книгу про репрессии. Это такой художественно-публицистический труд, в котором среди документов и сухих фактов встречаются мини-рассказы. Ну и ему для создания одного из таких фрагментов не хватало информации. Вот я решила помочь и обратилась к тебе.

— Понятно, — с легкой грустью произнесла Галя. — А что же он сам ко мне не пришел за консультацией? Постеснялся? Мне было бы так интересно узнать, что он думает о половом вопросе в начальный период сталинского правления.

— Ну, он, знаешь, живет в другом городе. Если приедет в Москву, то я вас обязательно познакомлю, — заверила я сестру и, поговорив еще минут пятнадцать о разных семейных делах, распрощалась и ушла.

По дороге я всячески укоряла себя за то, что не показала ей поддельные документы. Она бы сразу определила, можно с ними соваться в Кремль или лучше выкинуть их прямо здесь — подальше от ежовых рукавиц сталинского наркома. Впрочем, будь что будет! В крайнем случае меня просто не пропустят и я буду вынуждена искать более надежные способы организации исторической встречи.

Немного успокоившись, я совершила бросок на блошинный рынок, где приобрела вполне достойную сумочку предвоенной эпохи. Потом вернулась домой, состряпала ужин, оставила сыну записку, что ушла в гости, и, дрожа от предвкушения великих свершений, стала собираться.

В темпе напялив свое кинематографическое платье, я уложила волосы во вполне приемлемую для 1937 года прическу, выписала пропуск на указанную сестрой дату, прыгнула в немного великоватые туфли и, взяв в руки сумку с липовыми документами, пошла наверх к Натанычу.

* * *

Увидев меня в проеме своей двери, гений научной мысли присел на корточки, хлопнул

ладонью по коленке и закричал:

— Ба! Да это кого ж я вижу у себя в гостях?! Скажите, вы к нам прямиком из театра Мейерхольда? И какую таки пьесу вы собираетесь играть в моем клоповнике?

Я оттолкнула его и чинно прошествовала вглубь квартиры.

— Хватит дурить. Пора делать первый шаг к светлому будущему! Запрягай своих компьютерных коней и отправляй меня вот сюда! — Я ткнула ему в нос листок из Галиного блокнота и два поддельных документа.

Натаныч манерно схватился за сердце, застучал пузырьком корвалола по краю ликерной рюмки и, упав на продавленный диван, выдохнул:

— Ну почему, почему в 1937 год? Почему все-таки к Сталину? Почему по таким сомнительным пропускам? И зачем тебе, в конце-то концов, этот проклятый социализм со всеми его извращениями? Неужели ты хочешь превратить наше справедливое демократическое общество в северокорейский кошмар?

Пришлось читать ему политинформацию о моих амбициозных планах. Нет, понятное дело, ни о какой Северной Корее речь не идет — это все мы уже проходили, когда маршировали с идиотскими транспарантами и с презрением пялились на портреты выживших из ума членов Политбюро. Я мечтаю о справедливом государстве, в котором все, абсолютно все будет гармонично и прекрасно. И, к слову сказать, мечтаю об этом далеко не я одна: по данным свежего соцопроса, больше половины населения нашей страны хотят послать ко всем чертям всю эту здоровую конкуренцию, которая двигает мир в направлении бездонной пропасти.

— Но при Сталине же не было никакой, абсолютно никакой гармонии! — взвыл Натаныч, воздев руки к облупившемуся потолку.

— Вот именно! — парировала я, протянув ему еще одну порцию корвалола. — Не было! А не было потому, что он не знал, какие именно ошибки допустил во время своего правления. И если я в 1937 году объясню ему, что именно будет происходить в стране спустя почти шестьдесят лет после его смерти, то он раскинет мозгами, сообразит, как именно надо управлять государством, и там, в прошлом, создаст нормальную базу, на которой в последующие годы вырастет это пресловутое идеальное общество. Вот так... — Я выдохлась и села на лохматый пуфик.

После минутного молчания Натаныч горько вздохнул:

— Парня по имени Томас Мор помнишь? Он на эти грабли в 1516 году наступил. Только в отличие от тебя он лишь накатал фантастическую книжечку про счастливую страну Утопию, а ты собираешься вселенский переворот произвести в реальности. Это кошмар! Понимаешь, кошмар! И самое кошмарное в этом кошмаре то, что весь этот процесс должен запустить я вот этими вот руками.

Он помахал передо мной растопыренными пальцами.

Я грустно сидела на пуфике и понимала, что моя идея на грани провала. Человек просто не хотел смотреть правде в глаза и признавать, что его машина — ключ к нормальному человеческому существованию. Миллионы людей, разбросанных по просторам нашей обкусанной перестройкой родины, вот уже сколько лет мечтали только об одном — о мирном настоящем и будущем для себя и своих детей, в котором все смогут нормально жить, реализовывать свои способности и, так сказать, получать за это достойное материальное благополучие.

Однако настроение моего друга-оригинала менялось, как погода на Рижском взморье.

И, к моей несказанной радости, он произнес:

— Знаешь, а мне вдруг стало ясно, что сказал бы по этому поводу сам Сталин!

— И что же?

Он перешел на сильный грузинский акцент и продекламировал:

— Попытка — не пытка! Правда, товарищ Берия?

Мы расхохотались, вспомнив этот старый дурацкий анекдот, и я поняла, что в ближайшее время мы все-таки приступим к генеральному плану реконструкции СССР.

— Кстати, — заявил Натаныч, перезагружая компьютер, — я догадался, почему ты выбрала для визита именно 1937 год.

— Ну и почему?

— Из-за Берии. Ты боишься нарваться в темном кремлевском коридоре на дорогого Лаврентия Павловича, а потому лезешь туда задолго до его перевода в Москву! — Он захихикал и, присоединив к USB-порту раздваивающийся на конце провод, скомандовал: — Иди сюда! Бери в руки электроды и садись на ковер.

— И где я окажусь, когда телепортируюсь? — с опаской поинтересовалась я, устраиваясь в центре облысевшего орнамента.

— Аккурат во дворе моего родного дома в Зачатьевском переулке. Там есть уголок, в который никогда не заглядывала ни одна живая душа. Прямо за мусорными бачками. Когда откроешь глаза, сразу вставай, а то тебе вредно на земле сидеть.

— А что мне надо будет сделать, чтобы вернуться? — Я крепко сжала в кулаках два медных штекера.

Натаныч сел возле меня в позу лотоса и стал давать наставления перед полетом:

— Когда сработает таймер, ты попадешь обратно автоматически. Но знаешь, я долго думал и пришел к выводу, что для первого визита тебе будет вполне достаточно ста восьмидесяти минут. За это время ты успеешь гуляючи дойти до Кремля, поболтать по душам со всеми постами охраны, добраться до кабинета Великого кормчего, сказать ему пару слов и испить чашечку кофе, которую тебе, несомненно, подадут как дорогому гостю из будущего.

Мне захотелось задать ему еще несколько вопросов, но он перебил меня, сделав последнее и довольно неприятное предупреждение:

— Послушайся моего совета! Внимательно следи за часами. И если во враги народа тебя запишут сразу, то постарайся изо всех сил тянуть время. Иначе тебя по-быстрому шлепнут без суда и следствия, а мне придется объяснять милиции, как на этом ковре оказался труп моей соседки с огнестрельным ранением в черепушке.

Несколько озадаченная таким поворотом разговора, я покрепче прижала к себе сумочку и скомандовала:

— Хватит болтать! Жми на газ!

В ответ на это Натаныч метнулся к клавиатуре и ткнул пальцем в клавишу Enter. Я же, живая и невредимая, оказалась, как он и обещал, за мусорными бачками среди гнилой капусты и картофельных очисток.

* * *

Быстро вскочив на ноги, я одернула платье, поправила прическу и, обогнув дом, вышла

на улицу. Это было потрясающе! Я оказалась в настоящем 1937 году, с его коротко стриженными пионерами, с его девушками-комсомолками в беленьких носочках, с его импозантными мужчинами в широких брюках и неизменных шляпах...

К сожалению, времени любоваться на окружающих у меня не было, поэтому я быстро спустилась к тому месту, где некогда стоял храм Христа Спасителя, а оттуда бодро прошествовала к Кремлю.

На первой проходной я затаила дыхание и дрожащими руками вручила свой разовый пропуск коменданту. Он внимательно посмотрел на меня, изучил переделанное удостоверение Ворошилова, проверил содержимое моей пустой сумочки, что-то кому-то сказал и, отдав честь, указал, куда следует идти дальше.

Все складывалось как нельзя лучше. После ненавязчивого обыска я проскочила на ура второго коменданта; третьего, можно сказать, вообще не заметила. И так шаг за шагом наконец оказалась у дверей заветного кабинета.

Человек, фамилию которого я, кажется, когда-то знала, но никак не могла вспомнить, поднял телефонную трубку и четко произнес:

— Она здесь. Да. Есть! — Он посмотрел на меня сквозь злой прищур и сказал: — Товарищ Сталин вас ждет, заходите.

Была бы я тогда повнимательнее к деталям, я бы, конечно, заподозрила неладное еще на первой проходной. Но, увы, я настолько обнаглела от сознания собственной исторической уникальности, что, на свою беду, просто не желала обращать внимания ни на какие проблески подозрительности по отношению к моей персоне.

Я открыла дверь, вошла в кабинет и, увидев, что Сталин, на мой взгляд, мало чем отличается от своих плакатных изображений, смело произнесла заготовленное приветствие:

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! Меня привело к вам крайне важное дело.

— И какое же дело? — сказал он, попыхивая трубкой.

— Ну... В это будет сложно поверить, но я прибыла сюда из будущего. Моя миссия — рассказать вам всю правду о судьбе нашего государства...

— Понятно. Именно для этого вы явились в Кремль с откровенно поддельными документами. Мне сообщили о вашем появлении с первого поста. — Он сделал паузу и внимательно посмотрел на меня. — И, знаете, мне стало интересно, какую цель преследует невооруженная женщина со странным удостоверением личности, которое по номеру совпадает с удостоверением товарища Ворошилова.

После этого он быстро поднял телефонную трубку и сказал:

— Уведите эту сумасшедшую.

В тот же миг в кабинете как из сказки появились два бравых молодца в форме, сцапали меня под белы ручки и выволокли вон. А спустя каких-то минут тридцать я уже сидела в омерзительных лубянских застенках и искоса рассматривала циферблат наручных часов, который пророчил мне довольно длительную процедуру допроса.

— Имя? — рявкнул из-за стола рябой мужик с рожей прирожденного убийцы.

— Елена. — Я решила говорить правду, чтобы подавить его боевой дух своей непростой биографией.

— Отчество?

— Григорьевна.

— Фамилия?

— Санарова.

— Год рождения?

— 1971-й, — с гордостью произнесла я, наивно предполагая, что таких изобретательных дур Лубянка еще не видывала.

— Кто помогал вам подделывать документы?

— Знакомый.

— Ясно. — Следователь удовлетворенно потер руки. — Вражеский заговор!

Выйдя из-за стола, он стал ходить взад-вперед у меня перед носом:

— С какой целью вы проникли в Кремль?

— Я буду говорить только лично со Сталиным! У меня для него конфиденциальная информация!

Последние слова я сказала напрасно. Прежде чем соваться в 1937 год, мне следовало хоть немного ознакомиться с правилами поведения на допросах и сформировать в уме что-то типа путеводителя по Лубянке под названием «Что отвечать людям в форме, чтобы прожить лишних полчаса».

Но я этого не сделала. И именно поэтому сразу после своей изысканной реплики получила сначала кулаком по физиономии, а потом, уже после того как свалилась на пол, несколько ударов сапогом по разным выступающим частям тела.

Придя в себя после потери сознания, я поняла, что лежу на ледяном полу в какой-то слабо освещенной камере. У меня больше не было ни часов, ни сумочки, ни документов. Была только красная пелена, сквозь которую я разглядывала танцующие перед глазами пурпурные пятна.

Вскоре раздался дикий лязг, дверь открылась, и меня рывком поставили на ноги:

— Вперед! По коридору! Руки за спину!

Что еще можно сделать, чтобы продлить эту увлекательную экскурсию, как мне советовал Натаныч? Подвернуть ногу? Наброситься на конвойного? Я продолжала мусолить эту ерунду до тех пор, пока не услышала за спиной звук, напоминающий взвод курка. «Опаньки! Сейчас меня пристрелят», — почему-то весело подумала я и, не удержавшись на ногах, к своей безграничной радости, наконец-то упала на ковер к Натанычу в родной 2010 год.

— А-а-а! Батюшки милые, что ж это делается-то! — истошно заорал мой друг. — Я же говорил! Я же предупреждал, что нэкэвэдэ тебя погубит!

Пытаясь его уговорить, я вытянула вперед измазанные кровью руки и прошамкала опухшими губами:

— Спокойно, я в норме. Звони 03. А то мне кажется, что у меня сотрясение мозга.

Он бросился истерически кричать в телефон, потом убежал прочь, приволок зачем-то моего сына, и после того как они оба завыли надо мной, как профессиональные плакальщики, наконец-то приехала скорая помощь и без лишних сантиментов эвакуировала меня в нейрохирургическое отделение института Склифосовского.

* * *

Рано утром сильно грассирующий мужской голос вырвал мой пострадавший мозг из объятий сна:

— Просыпайтесь, мне нужно задать вам несколько вопросов.

Открыв глаза, я увидела человека в форме и с перепугу возопила:

— Нет! Убирайтесь прочь!

Милиционер вздрогнул и поспешил призвать меня к порядку:

— Вы успокойтесь. Все будет хорошо. Расскажите, пожалуйста, поподробнее, как было дело.

Я попыталась отмахнуться от него, как от комара:

— Никакого дела. Шла вечером, кто-то напал, было темно...

— Вас ограбили? Вы запомнили приметы нападавших? Что у вас украли?

Я посмотрела на него с сочувствием. Кого он хочет расколоть на сознанку? Меня, врага народа со стажем? Не выйдет!

Промучившись со мной добрых четверть часа, он ушел, ничего не добившись. Следом появился невыспавшийся Глеб с сумкой, полной больничного обмундирования и столовых приборов.

— Мама! Ну как это так? Они тебя обворовали? Да? Что забрали?

Растрогавшись, я погладила его по руке:

— Сумочку сперли, часы бабушкины старые... Документы...

— На автомобиль! Теперь восстанавливать придется? — начал паниковать он.

Я заверила его, что автомобильные права, равно как и мой здравый смысл, остались при мне и что он может спокойно отправляться на лекции.

Покинув меня в подавленном настроении, Глеб освободил место для Натаныча, который заявился в палату с огромным букетом полосатых тюльпанов.

— Героиня ты наша! — запричитал он, совершенно не обращая внимания на недоуменные лица моих соседок по палате. — Таки ты же можешь собой гордиться! Ты обдурила этих лохов с мокрыми от крови петлицами. Показала им шиш и, можно сказать, подписала им всем выговор и понижение по службе. А может быть, даже не просто понижение, а перевод в загробный мир.

— Ты в этом уверен? — прошепелявила я.

— Ха! А как ты думаешь, что они доложили наверх, когда ты просто-напросто испарилась у них из-под носа?

Натаныч зашелся в приступе смеха и спросил, вытирая слезы:

— Ну что, путешественница, надеюсь, с полетами покончено?

Я помахала у него перед глазами забинтованной рукой:

— Не тут-то было! Во мне проснулся революционный дух! Теперь твоя задача — сделать так, чтобы я переносилась не в дурацкий замусоренный двор, а напрямую в кремлевский кабинет. Больше я не буду связываться с пропускной системой: от нее одни неприятности.

Натаныч растерянно заморгал рыжими ресницами:

— Но я же настроил машину на Зачатьевский переулок. Выверял все до миллиметра. Ходил там буквально с астрлябией в руках!

— Ну вот, потренировался — и вперед. Теперь иди на экскурсию в Кремль и там своей астрлябией замеряй, что к чему.

— Да кто ж меня туда пустит? — возмутился он.

— А ты свои связи восстанови, заяви о важном физическом исследовании... Короче, времени у тебя предостаточно, ровно столько, сколько будет проходить мой фингал. Поэтому оставь меня тут страдать в одиночестве и иди готовься ко второму раунду

Провалившись в больнице чуть больше недели и выяснив, что ни сотрясения, ни переломов у меня нет, я, полная плещущей через край энергии, вернулась домой. Ребра еще болели, поэтому передвигаться и дышать мне приходилось предельно осторожно. Я потихоньку занялась хозяйственными делами, отнесла в химчистку пропитанное кровью мосфильмовское платье со слегка оторванным рукавом, перевела пять небольших рекламных каталогов и стала обдумывать, как следует дальше общаться со Сталиным.

В принципе его реакция на мое выступление была вполне нормальной, учитывая наличие роковых пропусков, которые чуть не свели меня в могилу. Странно, что он вообще допустил меня до разговора, ведь большую часть таких прытких визитеров наверняка останавливали на самом первом посту. Значит, мое поведение в чем-то было неординарным!

— А следовательно... — Я нарисовала на липком желтом листочке-стикере большой восклицательный знак. — Следовательно, стоит продолжать в том же духе и теперь самым фактом появления доказать ему, что я не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Рассмотрев в зеркале свой синяк, который из синего стал уже желто-коричневым, я позвонила Натанычу:

— Ты дома?

— Нет, сижу в приемной у Берии и выписываю для тебя мандат, разрешающий коверкать нашу историю.

— Поняла, сейчас поднимусь.

Оказалось, что Натаныч всю неделю выполнял мое, как он сказал, непосильное задание. И чего он только не предпринимал, чтобы определить координаты кабинета, где я должна была появиться в 1937 году. Он уже почти дошел до премьер-министра, но, вовремя остановившись, вспомнил о некогда прогремевшем заговоре полотеров, из-за которого в 1935-м его любимое нэкэвдэ расстреляло целый эскадрон уборщиц и специалистов по натирке паркета.

— И я таки сделал ход конем! — гордо произнес он, кладя на стол листок, исписанный кучей мелких циферок. — Представь себе, что всего за три штуки целковых я уломал мужика, который периодически пылесосит сакральное помещение.

— Какое помещение? На что ты его уломал? — удивилась я.

— Какое-какое... То, где когда-то лежал ковер, на котором тебя сцапали товарищи.

— И он провел тебя в Кремль?

Натаныч гордо взглянул на меня сквозь залапанные очки:

— Ну зачем мне ходить и напрягаться? Это, знаешь ли, утомительно для моего чахлого организма. Я вручил этому милому мужичку прибор, разумеется, моего собственного изобретения, он пришел с ним на работу, поставил в нужную точку, нажал маленькую лиловую кнопчку и... произвел все нужные замеры.

Я недовольно всплеснула руками и ойкнула от резкой боли в помятом ребре:

— Да как ты мог положиться в таком ответственном деле на какого-то типа с пылесосом? А если он засунул прибор в книжный шкаф? Тогда я по твоей милости телепортируюсь прямо на страницы «Капитала» Маркса?

— Спокойно! — Чудо-гений пододвинул ко мне чай и банку вареной сгущенки. — Это надежный парень. Мы с ним опрокинули по рюмочке. Он рассказал мне о своей жизни. Короче говоря, не волнуйся, все данные у меня в компьютере.

Решив довериться природной интуиции Натаныча, которая, кстати сказать, не обманула его насчет финала моего первого путешествия, я сняла эту тему с повестки дня, съела ложку сгущенки, через силу выпила полчашки чая и перешла к техническим вопросам:

— А скажи-ка мне, дорогой друг, если кто-нибудь когда-нибудь завладеет машиной времени, то он сможет разобраться в ней без твоего ведома?

Натаныч замахал руками:

— Это невозможно! Решительно невозможно! Понимаешь, ведь, строго говоря, никакой машины нет. Есть программа, которая отправляет материальные предметы в прошлое. Заметь, именно в прошлое, а не в будущее или альтернативное настоящее.

— Какое еще альтернативное настоящее? — не поняла я.

Он замялся, явно жалея, что сболтнул лишнее:

— Я не хотел тебе говорить... Но в последние три дня я много работал и пришел к выводу, что изменить мир, где мы живем, будет не так-то просто.

— Здрасьте, приехали! А ради чего же я тут жизнью рисковала, здоровье свое тратила?

— Нет, нет... Все возможно, — поспешно затараторил Натаныч. — Просто когда там, в 1937 году, действительно что-то кардинально изменится, то здесь мы это сможем заметить только после того, как я запущу еще одну программу.

— А ты ее уже написал?

— Да. И пришел к выводу, что если сначала изменения произойдут только в параллельном мире, это будет прекрасно. Так мы хотя бы не обрушим настоящее в Тартар, а сначала проинспектируем, что именно творится в альтернативной реальности.

Разобравшись с временными парадоксами, я вернулась к проблемам безопасности:

— И все-таки, какая степень защиты у твоего изобретения?

Натаныч вскочил с кресла, поставил одну ногу на ящик с картошкой и, подняв вверх указательный палец, гордо произнес:

— Никто! Никто, кроме меня, не сможет даже запустить мою временную программу! И знаешь почему?

— Ну?

— Потому что я защитил ее не каким-нибудь банальным паролем, который взломает любой начинающий хакер. Я создал уникальную систему, систему интеллектуального анализа и глобального сопоставления данных. Если объяснять очень упрощенно, так, чтобы любой примитивно мыслящий гуманитарий типа тебя смог хотя бы примерно осознать масштабность моего мышления, то следует сказать вот что: корректная работа так называемой машины времени зависит от моего настроения и самочувствия в конкретную секунду. И если данные, которые постоянно считываются с моего организма, не совпадут с данными, снятыми с меня же, но через окружающую среду, а также не будут каждую минуту подкрепляться вводом субъективной оценки происходящего, которая анализируется с поправкой на личностную дельту, то программа не только не запустится, а самоликвидируется без какой-либо возможности восстановления.

— Это очень хорошо, — подытожила я. — И раз ты такой у нас гениальный, то иди отдыхай. Потому что дня через три ты будешь отправлять меня во второе путешествие.

Как и было запланировано, в середине недели я пришла к Натанычу в полной боевой готовности. На мне было отутюженное и зашитое платье Евы Браун, не пострадавшие в первой экспедиции туфли советской разведчицы и наручные кварцевые часы известной японской фирмы, которые пришлось надеть вместо потерянных бабушкиных.

— К полету готова, — заявила я, усаживаясь на проплешину ковра.

Но гений отечественной мысли не торопился:

— И на сколько тебя забрасывать в этот ад крошечный на этот раз? — спросил он, аккуратно раскладывая на столе бинты, йод и прочие предметы первой медицинской помощи. — Ты снова хочешь посетить наших друзей чекистов или теперь мы займемся чем-то менее экстремальным?

Я посмотрела на тонкие стрелочки и, в сотый раз проанализировав свою идею, ответила:

— Ровно на десять минут. Причем транспортируй меня именно в тот момент времени, когда я исчезла из расстрельного энкавэдэшного коридора. Думаю, это будет остроумно — нарисоваться в Кремле, испарившись с Лубянки.

Захихикав, Натаныч сунул мне штекеры, несколько раз глубоко вздохнул и кликнул по клавише.

Через секунду я поднялась с пола, к великому удивлению Отца народов.

— Это что еще за фокус? — спросил Сталин, опешив от моего неожиданного появления.

— А это, Иосиф Виссарионович, не фокус, а обдуманное действие патриотки! — почему-то громко выпалила я и встала, уткнув руки в боки. — Вот сейчас вам позвонят и скажут, что меня не смогли пристрелить, так как я растворилась в воздухе. Итак... — Я показала на телефон, явно беря будущего генералиссимуса на понт, поскольку уверенности в этом телефонном звонке у меня не было никакой.

Однако фортуна была ко мне благосклонна. Услышав обещанный звонок, Сталин поднял трубку.

— Слушаю. Что?! Сбежала? Как это понимать? Что значит «исчезла»?! Разберитесь там со всеми, кто виноват! — Он бросил трубку и жестом пригласил меня сесть. — Итак. Вы утверждаете, что пришли из будущего. И теперь хотите что-то рассказать мне о судьбе Советского Союза?

— Так точно!

— Тогда для начала объясните, как вам удалось переместиться сюда с Лубянской площади.

Я посмотрела на часы. У меня было еще семь минут.

— Товарищ Сталин, — рубанула я правду-матку. — Буду откровенна. С Лубянской площади я переместилась не сюда, а в больницу. А после того, как я неделю пролечилась в 2010 году, я вернулась к вам. Думаю, что по моему лицу и платью заметно, что сюда я не из санатория НКВД пришла, где из меня отбивную пытались сделать.

— Продолжайте, — довольно заинтересованно сказал мой собеседник, набивая и закуривая трубку.

— Так вот, — послушно кивнула я, — через несколько минут мне придется исчезнуть и вернуться обратно в будущее. Но пока я еще здесь, хочу сказать, что вам стоило бы меня выслушать, так как я поведаю не только о том, что ждет СССР в период вашего правления, но и о том, что произойдет со страной много позже. А это, знаете ли, не особенно вам понравится.

— И что вы предлагаете? — спросил он, окутывая себя облаком дыма.

— Назначьте мне аудиенцию. Я появлюсь и спокойно все вам доложу. Только дайте слово, что меня больше не отправят к этим костоломам. Иначе никакого конструктивного диалога у нас не получится.

Он усмехнулся:

— Значит, вы настроены на диалог. Кстати, как вас зовут?

— Елена Санарова.

— Хорошо, товарищ Санарова. Я выслушаю ваши сказки и даже посмотрю еще раз на фокусы, которые вы тут демонстрируете. Приходите сегодня в шесть вечера прямо сюда, как вы это проделали только что. Я смогу уделить вам ровно два часа.

Я радостно улыбнулась и встала:

— Спасибо вам большое. Буду в назначенный срок. До свиданья...

Договорить мне не удалось, так как сработавший таймер вернул меня домой.

— Ну как? — озабоченно уставился на меня Натаныч. — Жива?

— Да! — выдохнула я. — Чаю мне, срочно! А лучше кофе. Сейчас приду в себя и мигом обратно, пока у меня запал не прошел.

— Может, завтра? — с надеждой шепнул он. — Подготовишься, напишешь тезисный план своего выступления...

— Нет, иначе я не смогу победить свой страх.

— А все-таки тебе страшно?

Я побежала ставить чайник и прокричала из кухни:

— Знаешь, я вообще поражаюсь, как с ним рядом люди могли находиться. Он просто парализует собеседника. У него биополе убойное. Когда с ним разговариваешь, не то что страх, ужас суеверный испытываешь.

— А я тебе говорил: иди к Троцкому, — хохотнул Натаныч, приплепав на кухню. — Он, говорят, душка был. И не страшно, и интересно.

— И бессмысленно, — отрезала я, насыпая кофе в мятую медную турку. — Меня не привлекают революционеры-неудачники, которых ледорубами убивают. Ты же знаешь, мне нужен гений политической мысли. Можно сказать, наиболее харизматичная фигура двадцатого века!

— Ну-ну... Ну-ну...

Мы сели за стол и провели в молчании минут сорок, погруженные каждый в свои думы. После этого я подправила макияж, покрутилась перед зеркалом и, усевшись в точку отправления, схватила электроды.

— Давай! В 18.00 этого же дня. И пусть мне сопутствует удача!

— Прошу садиться, — вполне доброжелательно сказал Сталин, когда я встала перед ним по стойке смирно. — Ваше появление сопровождается довольно сильным шумом. Это специально?

— Не знаю, — помотала я головой. — Скорее всего, это издержки путешествий во времени.

Усевшись за стол, я несколько секунд помолчала, чтобы справиться с трясучкой, которая, как я уже успела заметить, нападала на меня при одном только виде товарища Джугашвили. Потом несколько раз вздохнула и спросила:

— Можно приступать?

— Разумеется, — он откинулся на спинку стула и стал с интересом наблюдать за мной, будто бы я была не русскоговорящей женщиной, а папуасом, прибывшим в Кремль по заданию подпольной компартии острова Новая Гвинея.

Отступать было уже некуда. И я начала свой нелегкий монолог, в который попыталась вложить как можно больше имен, дат и поражающих воображение фактов.

Начала я с пакта Молотова — Риббентропа, фашистской угрозы и приближающегося нападения Германии, в которое он, Сталин, не будет верить до последней секунды. Потом я плавно перешла к событиям первых дней войны, с чувством рассказала о том, как быстро немцам удастся завоевать огромные территории, расписала то, как мы отстоим Москву и чего будет стоить эта победа. Затем прошлась по самым важным событиям Великой Отечественной, сгущая краски разными примерами наподобие того, как на немецкие танки выпустят красную конницу. При этом не преминула донести до сведения своего слушателя положение дел в блокадном Ленинграде и описать то, во что превратится Сталинград в результате боевых действий.

На этом месте нервный спазм у меня прошел, я вошла в раж, вскочила со стула и, жестикулируя, начала расхаживать по кабинету. Далее я подробно рассказала обо всех важных событиях войны, о «большой тройке», о действиях союзников, взятии Берлина, капитуляции Германии и разделе Европы.

Сталин слушал, храня гробовое молчание. Причем по выражению его лица было невозможно догадаться, что именно он думает о моем выступлении. Оставаясь во тьме неведения, я продолжила распинаться и, поведав ему обо всем, что будет твориться в мире и в СССР в первые послевоенные годы, решила перейти к более сложной части программы.

— А после вашей смерти...

Внезапно он перебил меня, наконец-то решив задать хоть какой-то вопрос:

— И что, вам действительно известно, когда именно это произойдет?

— Конечно! — ответила я, схватившись за подвернувшуюся под руки спинку стула. — Пятого марта 1953 года! Но важно не это, а то, что уже в начале 1956 года состоится двадцатый съезд КПСС, на котором Хрущев осудит культ вашей личности и враз, отныне и навеки, убедит практически всех в том, что вы — персонифицированное зло, виновное во всех смертных грехах.

— А если поподробнее и без этих лишних слов? — Сталин закурил и взглянул на часы.

Мне пришлось рапортовать ему обо всем, что я знала про двадцатый съезд, а потом перейти к детальному описанию «оттепели». От души раскритиковав многогранные действия Хрущева, не забыв при этом припомнить ему историю с Крымом, я переключила свое внимание на Брежнева. Тут я уже завелась не на шутку, поскольку издержки эпохи застоя я испытала на собственной шкуре. И рассказав ему все, начиная с тотального

дефицита и заканчивая деградацией системы в целом, я наконец-то перешла к Горбачеву, перестройке, а оттуда к развалу СССР и переделу собственности в золотые 1990-е годы.

Посмотрев на часы и увидев, что времени хоть на какой-то диалог у меня остается совсем мало, я, набравшись смелости, произнесла:

— Иосиф Виссарионович, думаю, что на этом мне стоит прерваться, поскольку рассказ о том, что происходит в стране в последнее время, может занять еще часа полтора.

И в кабинете повисла тишина. Не зная, что делать, я тихонько села на стул и, как гимназистка, сложила перед собой руки. Он продолжал хранить молчание, однако внимательно смотрел на меня, вероятно, размышляя, какая именно психиатрическая лечебница примет меня наиболее охотно.

Наконец после не очень продолжительных раздумий Сталин сказал:

— Это все довольно интересно. Но пока, кроме вашей удивительной способности появляться здесь из ниоткуда, я не видел ни одного доказательства того, что вы действительно приходите из 2010 года. А без этого, как вы понимаете, все ваши слова — не более чем разыгравшиеся женские фантазии.

Тут до меня наконец-то дошло, насколько я была наивна, когда хотела обтяпать это дело с кондачка. Ситуация была какая-то провальная. Как я вообще могу доказать ему, что я из будущего? Притащить с собой образцы нанотехнологий? Показать ему кино с 3D-графикой? Или добыть в архивах секретные материалы о том, кто правит миром? Мне оставалось три минуты. За это время я должна была придумать нечто, что позволило бы продолжить работу над гармонизацией отечества. И тут меня осенило.

— Товарищ Сталин! Скажите, пожалуйста, когда мне можно будет посетить вас в следующий раз. И я предоставлю вам исчерпывающие доказательства своей правоты.

Он заинтересованно и даже несколько удивленно посмотрел на меня и, мельком взглянув на какие-то записи, ответил:

— Завтра. В четыре часа. Только не раньше, так как у меня будет важное совещание.

— А на сколько мне прийти? — спросила я, чувствуя, что сильно рискую ему надоесть.

Он отложил в сторону трубку и встал:

— Это всецело зависит от вас, товарищ Санарова. Только вы можете знать, сколько понадобится времени, чтобы убедить меня в том, что я два часа потратил не на выслушивание сомнительных рассказов, а на знакомство с информацией, которая хоть как-то сможет пригодиться мне в работе.

Мы оба посмотрели на циферблат. Стрелки сдвинулись, и я оказалась возле спящего на диване Натаныча.

* * *

— Эй, проснись! Таймер сработал! — Я потянула своего друга за истрепанную штанину. Он дернулся, резко сел и захлопал на меня глазами, как сова:

— В нэкэвэде была?

Отбросив электроды в сторону, я встала и прошлась по комнате:

— Нет. В кабинете сидела. Рассказывала ему о культе личности и падении Берлинской стены.

— Ну и как он? Прослезился поди? Растрогался да и сказал, что снимает Молотова с

поста председателя Совнаркома и назначает тебя на эту почетную должность?

Я плюхнулась на любимый пуф:

— Шутки в сторону! Дело принимает серьезный оборот. Он требует от меня доказательств.

— Доказательств чего? Твоей вменяемости? Принеси ему справку из психоневрологического диспансера.

— Натаныч, дорогой! — Я пересела к нему на диван. — Мне пришло в голову, как надо поступить. Понимаешь, я ему обещала, что к следующей встрече подготовлю набор фактов. Поэтому давай ты по-быстренькому разработаешь программку, которая сможет хоть на пятнадцать минут переместить его в наше время. И тогда никаких проблем не будет.

— Ага! Только зачем же на пятнадцать минут? Давай-таки сразу на годик, — весело сказал Натаныч. — И в Кремль к президенту нашему на прием! То-то ему будут рады. Так прямо и скажут: добро пожаловать, дорогой товарищ Сталин! Народ просто мечтает о вашем чудесном воскрешении. Приходите, располагайтесь и воротите тут у нас все то, что там не успели. Тебе последние мозги на Лубянке отшибли? Да?

Я щелкнула пальцами:

— Ну а как ему еще доказать, что это правда? Миллион вариантов перебрала — ни один не подходит.

Натаныч злорадно усмехнулся:

— Он тебя послал искать доказательства? Вот иди и ищи. А меня в это не впутывай. Хватит того, что я помогаю тебе искажать историю и общаться с человеком, который страну в крови утопил. Так что давай-ка голову подлечи да и поразмышляй о том, как втолковать твоему драгоценному вождю, что на его совести — миллионы ни в чем не повинных жизней.

Мысленно плюнув и на Натаныча, и на его политические взгляды, я сухо распрощалась и ушла. Мне хотелось только одного — принять горизонтальное положение и спокойно подумать о том, как быть дальше.

Однако расслабиться мне не дали. Как только я пришла домой, на сотовый позвонил мой жмот-работодатель и стал гундеть, что к утру ему понадобится срочный перевод какой-то брошюры. Поэтому мне пришлось броситься к ноутбуку и аккордно переписывать на русский язык изыскания турецких специалистов в области производства концентрированных фруктовых соков.

Поздно ночью, отослав злосчастный файл, я поняла, что от усталости и умственного перенапряжения превратилась в какую-то истерзанную тряпку. Я упала на кровать и ненадолго заснула.

Резкий звонок телефона заставил меня вернуться к действительности.

— Спишь? — Голос Натаныча звучал виновато.

— Гуляю по подземному царству Аида. А который час?

— Три. Самое время творить политический беспредел.

— И что? — Я с трудом сдерживалась, чтобы не послать его ко всем чертям.

— Знаешь, мне пришлось заново переписать программу, которая превращает альтернативную реальность в реальность существующую. Предыдущая была какая-то несовершенная. Зато теперь, если тебе удастся довести дело до конца, я смогу одним нажатием кнопки запустить итерационную трансформацию мира.

— А завтра можно это выслушать?

— Можно, но только после того, как ты ответишь мне на один вопрос. От твоего ответа

зависит цель моих дальнейших ночных бдений. — Теперь он говорил, как шантажист из фильма про гангстеров.

Тяжело вздохнув, я свернулась комочком и прошептала:

— Отвечу. На что хочешь отвечу, только не заставляй меня лететь к Троцкому.

Он расхохотался:

— Представляешь, я сейчас просканировал математическую модель двадцатого века, которую создал, пока ты в больнице прохлаждалась, и с удивлением выяснил, что, оказывается, именно Сталин добился самых внушительных достижений в развитии страны.

— И для этого тебе матмодель потребовалась? А учебника истории недостаточно? Задавай уже свой дурацкий вопрос, я спать хочу.

— Скажи мне... Ты сможешь убедить его выпустить всех репрессированных на свободу?

— Обязательно. И уголовников тоже. Ты вроде со мной на Лубянке не был, а мозгами как-то ослаб. Спокойной ночи! — Я бросила трубку и наконец-то заснула.

* * *

Проспав до половины первого, я вскочила обновленная и готовая к серьезным умственным нагрузкам. Итак, доказательства! Я подошла к окну и, смакуя пряный кофе, по привычке стала рассматривать торчавшие на горизонте леденцовые башни «Москвы-Сити». А может, принести ему фотографии с видами столицы? Так он убедится в том, что город 1937 года отличается от города 2010-го, как Жмеринка от Шанхая.

Или нет... Переписать в ноутбук как можно больше информации о его правлении, накачать туда всяких политических статей да и поставить ему все это на стол. Что он на это скажет?

А еще лучше... Сделать и то, и другое, только несколько иначе...

Окрыленная посетившей меня долгожданной идеей, я бросилась к компьютеру и в течение нескольких часов сохраняла всевозможные страницы любительских и профессиональных сайтов по истории. Сделав внушительную подборку сведений, я переделалась и пошла наверх к Натанычу, проситься отправить меня в полет.

— Явилась-таки? — спросил он, добродушно похлопывая меня по плечу.

— Да. И давай постараемся обходиться без воинственных разборок.

— А я что? — Он прижал к груди худые волосатые руки. — Я таки из самых мирных побуждений... Ну сказал что-то лишнее, но мне же можно... Я гениальный.

— Ладно, гениальный! — Я села на диван и постучала пальцем по принесенному ноутбуку. — Смотри, это я должна взять с собой. Может быть, он впечатлится.

Натаныч потянул за хвостик питающий провод:

— А вот сей предмет тебе, скорее всего, не пригодится. У него в элитных кремлевских розетках наверняка напряжение 127 вольт, а не 220.

— Ничего, я по-быстрому, на это аккумуляторного заряда должно хватить.

— И это весь план? Печально, печально... — разочарованно пробормотал мой хамоватый гений. — А ты не боишься, что это невероятное для 1937 года устройство, на котором, кстати сказать, откровенно написано, что его произвели в Китае, натолкнет вождя на мысль о твоей принадлежности к иностранной разведке?

Я шумно выдохнула:

— С ним можно бояться абсолютно всего. Я тебе это авторитетно заявляю. Дышать, сидеть, говорить... Только и остается, что надеяться на его здравый смысл. И именно на это я и уповаю.

— И все-таки очень хорошо, что Берии нет рядом. — Натаныч потер руки и стал загружать компьютер. — А то тебе бы там быстренько растолковали и про здравый смысл, и про достижения китайских производителей.

Усевшись на ковер, я забеспокоилась:

— Слушай, а на сколько мне лететь? Вдруг он все-таки решит отправить меня на допрос? А у меня больше нет желания устраивать шоу-программу для ЧК.

Натаныч задумался:

— Да... Это задача! Ежовщина, понимаешь ли в самом разгаре. Идут массовые аресты. А тут ты — вся такая невинная в своих возвышенных рассуждениях о двадцатом съезде и перестройке. Даже не знаю, что сказать. Может, будешь появляться у него каждые пять минут? За это время тебя хоть из Кремля вывести не успеют.

— Нет... Ладно. Это все нервы... — Я вцепилась в электроды и прижала к себе ноутбук. — Отправляй меня в 16.00 следующего дня. Ну, скажем, минут эдак на девяносто.

— Есть, товарищ первый советник главы государства! — рявкнул Натаныч и стукнул по кнопке.

Я переместилась в кабинет и, к своему удивлению, увидела Сталина не за письменным столом, как я ожидала, а прямо возле того места, куда я телепортировалась. Это меня напугало еще больше.

— Добро пожаловать, — сказал он и подал мне руку. — Как я понимаю, вы принесли обещанные доказательства?

— Это только их вторая половина.

Мы сели за стол, и я стала объяснять:

— Иосиф Виссарионович, я долго думала и пришла к выводу, что мои аргументы должны состоять из двух частей. Начнем с первой. Я хотела взять с собой фотографии Москвы 2010 года, но потом поняла, что вы можете заподозрить меня в подделке. Поэтому я попрошу вас выдать мне фотокамеру с пленкой. Я сделаю снимки, а ваши люди проведут экспертизу и напечатают фото.

— И вы думаете, что справитесь с нашей древней техникой? — он иронично посмотрел на меня.

Его хорошее настроение навевало невеселые мысли. С чего бы это он так развеселился? Может, товарищ Джугашвили меня просто дурит и никакие доказательства ему не нужны, так как он уже давно пришел к выводу, что я не визитер из будущего, а артистка эстрады? Или он выслушает меня, а потом прикажет грохнуть прямо здесь, в Кремле... Я задумалась, но вовремя вспомнив, что надо отвечать на вопрос, сказала:

— Не беспокойтесь. У меня большой опыт работы с самыми разными фотоаппаратами. Пусть назовут мне чувствительность пленки, а об остальном я позабочусь.

— Это хорошая идея, товарищ Санарова. — Он снял телефонную трубку и сказал: — Распорядитесь, и пусть в течение часа мне принесут опечатанную и заряженную фотокамеру.

Потом он указал на ноутбук и спросил:

— Ну и что это за вторая часть? Секретное оружие?

— Нет, что вы! — перепугалась я. — Это... Это такая машина, которая хранит в себе информацию. В 1937 году ничего подобного вроде бы нет. Я сейчас включу и покажу вам материалы и изображения различных документов, в которых описано то, о чем я говорила в прошлый раз. Можно?

— Разумеется! — Сталин снова смотрел на меня как на какую-то говорящую диковинку. Дождавшись окончания загрузки, я повернула к нему ноутбук и, извернувшись змеей, стала показывать всевозможные карты военных действий, сканы открытых государственных документов разных времен и фотографии политических деятелей.

Примерно через час после начала моей презентации в кабинет принесли листок с описанием пленки и фотокамеру. Видимо, это было последнее слово импортной техники, так как по виду оно сильно смахивало на бабушкин трофейный аппарат, которым она умудрялась снимать меня аж до начала восьмидесятых годов.

— Ну что ж... — Сталин привычно откинулся на высокую спинку стула. — Постарайтесь сфотографировать наиболее узнаваемые, но в то же время сильно изменившиеся места нашей столицы. Ну и, конечно, Дворец Советов.

— Это могу вам гарантировать! — закивала я, предвкушая его удивление, когда вместо неосуществленного дворца он увидит восстановленный храм Христа Спасителя.

— Итак, — показал он на ноутбук. — Можете выключить. На несколько дней это останется здесь. Моим специалистам будет полезно взглянуть на ваше доказательство собственными глазами.

— Нет, это невозможно! — взбунтовалась я. — Во-первых, он мне нужен для работы. А во-вторых, информация в нем предназначена только для вас.

В ответ на мои слова Сталин рассмеялся:

— Товарищ Санарова! Вы же у нас такая умная и просвещенная женщина. Все знаете о будущем, рассказываете мне о деталях моей жизни. И вдруг... Говорите мне «нет»? Это звучит довольно странно.

Я прикусила язык и, не зная, что сказать в свое оправдание, пробубнила:

— Он питается от напряжения 220 вольт. Вот шнур.

— Значит, договорились. А кстати, вы сказали, что он нужен вам для работы. Насколько я понимаю, вы можете приходить сюда в любое время, когда захотите?

— Да.

— Тогда о какой вы говорите работе? Отправляйтесь домой, займитесь фотосъемкой — и сразу обратно. Я буду ждать вас во вторник, скажем, в пять вечера. Сколько у вас осталось времени?

— Меньше минуты, — сказала я, взглянув на часы. — Большое спасибо, что смогли уделить мне внимание.

Он кивнул. И в этот момент я вернулась в 2010 год.

— Что? Ты попала под статью «Полная конфискация имущества»? — захихикал Натаныч. — Где комп? Отобрали?

— Отобрали, — развела я руками. — Обещали вернуть взамен на фотки Москвы. Вот посмотри. Чудо-фотоаппарат 1937 года выпуска.

Натаныч зацокал языком, разглядывая камеру:

— Ты таки глянь, как его опечатали! Тут же государственное клеймо стоит. Поди попробуй вскрой. Это ж надо, какая секретность. Да ты у нас просто по службе

продвигаешься. Скоро тебя назначат личным фотокором Отца народов. Будешь для него события из горячих точек снимать.

Я забрала у него фотик и встала:

— Ладно, пойду гулять по столице. А то мне за ноутбуком вернуться надо — у меня в нем вся работа осталась.

— Ну, ну... — закивал Натаныч, провожая меня до двери. — Не забудь щелкнуть станцию метро «Курская». Это единственное место, которое его порадует, так как там слова из старого гимна в вестибюль пришпандорили. Наверное, типа тебя поклонники режима постарались.

* * *

Рванув напрямик в центр города, я начала работу с Красной площади. На счастье, у меня действительно был некоторый опыт, а потому незатейливая конструкция предвоенного фотоаппарата не доставила мне никаких неудобств.

Я пружинила кроссовками по выпуклой брусчатке и выбирала наиболее удачные, по моему мнению, ракурсы. Мне очень хотелось, чтобы кроме архитектурных достопримечательностей в кадр попали люди 2010 года. Поэтому, прежде чем сделать каждый снимок, я долго примерялась.

В итоге я засняла группу молодежи на фоне Спасской башни, над воротами которой была отчетливо видна открытая недавно икона. Уделила внимание углу, куда одновременно попали Исторический музей, собор Казанской Божией Матери, Воскресенские ворота и группа негритянских товарищей. Потом дошла до середины площади и запечатлела проем между Спасской башней и Покровским собором, сквозь который было хорошо видно Свиссотель «Красные холмы».

Поняв, что дело движется в нужном направлении, я вприпрыжку переместилась на Манежную площадь, где щелкнула памятник Жукову со стоящими возле него невестами, комплекс фонтанов и скульптур с очень удачно появившейся скинхедовской группировкой, а потом пробежала вдоль Манежа, чтобы сфотографировать торчащий из-за стены Кремлевский дворец съездов.

Передохнув в каком-то мерзостном кафе, я отдышалась и пошла выполнять данное Сталину обещание относительно Дворца Советов. Затем, прокатившись одну остановку на метро, я дошла до середины Крымского моста и увековечила Петра Первого вместе с «Красным Октябрем» и Центральным домом художника, а также попавший в кадр речной трамвайчик.

Несколько притомившись, я в сотый раз отругала себя за то, что не поехала делать фотосессию на своей машине, и голоснула разбитую «девятку» с престарелым узбеком за рулем.

— Туристка? — спросил он, скосившись на мой фотоаппарат.

— Нет. Корреспондент газеты «Удивительная жизнь москвичей».

— И чем удивляете?

— Видами зданий и сооружений.

Оказалось, что мой разговорчивый шофер много лет проработал в какой-то архитектурной мастерской Ташкента. Он захотел приобщиться к созданию «репортажа» и

сообщил, что самый лучший вид на небоскребы «Москвы-Сити» открывается с Третьего транспортного кольца. Мы рванули туда, а после — на площадь Киевского вокзала, где я зачем-то потратила пленку на многонациональную толпу народа, торговый центр и пешеходный мост.

— Мне еще нравится Кутузовский проспект, — заявил мой новоиспеченный помощник. — Там сталинские масштабы хорошо видны.

Понятно, что, услышав это заявление, я не могла не сфотографировать проспект вместе с Триумфальной аркой. А после этого всерьез задумалась о том, стоит ли показывать Сталину изображение какой-нибудь высотки. Не лучше ли предоставить ему возможность дойти до идеи создания советских небоскребов самостоятельно? Но тут в дело снова встрял узбекский гуру.

— Москва без Университета — что Париж без Эйфелевой башни, — заявил он и быстренько домчал меня до Воробьевых гор, откуда я засняла МГУ и панораму столицы, которую, на мое счастье, в этот день было довольно неплохо видно. На этом месте выяснилось, что у меня осталось всего два кадра. Их я потратила на фото собственного дома, являющего собой яркий пример типового малогабаритного жилья конца 1960-х годов, и на вертолет МЧС, который как по заказу приземлился у меня под окнами.

* * *

Вечером, после того как сын ушел на традиционное свидание со своей любимой Машей, я переоделась и поднялась к Натанычу.

— Ну что, досье собрала и обратно?

— Да. Отправляй меня вот сюда, — чтобы он ничего не напутал, я написала на обрывке газеты дату и время.

Разматывая длинные провода, Натаныч стал меня пилить:

— Что-то ты неразговорчивая какая-то стала. Только и знаешь, что командуешь мной да летаешь туда-обратно. Не нравится мне это. Доведет тебя сия история не до создания идеального государства, а до белой палаты в больнице имени Ганнушкина.

— А ты больше каркай! — Я недовольно уселась на пол. — Про нэкэвэдэ свое ты тоже накликал. Теперь не хватало, чтобы еще и палата сбылась.

— Ну хорошо, давай забудем... Это же я так... — Он вручил мне штекеры. — Проявляю, можно сказать, беспокойство за душевное здоровье своей боевой подруги. К катапультированию готова?

— Еще как!

— Тогда скажи, на сколько тебя забрасывать?

— Давай на пару часиков, — не особенно раздумывая, брякнула я.

В ответ Натаныч тихо охнул и нажал кнопку.

— Проходите, товарищ Санарова, — сказал Сталин, когда я явилась пред его светлы очи. — Фотокамеру принесли?

— Да, конечно!

Он вызвал секретаря и приказал ему быстро отдать аппарат человеку с какой-то неразборчивой фамилией.

— Пока они там трудятся, мы с вами кое-что обсудим. Кстати, заберите вашу машину, — он указал мне на ноутбук, возле которого лежал аккуратно скрученный провод. — Можете не волноваться. Ничего с ней не случилось.

Положив компьютер на колени, я вопросительно подняла глаза. Сталин закурил и после некоторой паузы довольно холодно сказал:

— В протоколе вашего допроса написано, что вы родились в 1971 году. Из этого напрашивается вывод, что в настоящем времени должны жить ваши предки. Кто они?

Я похолодела. Только этого мне не хватало. Сейчас он возьмет и одним росчерком пера лишит меня права на существование.

— Иосиф Виссарионович, — проблеяла я овцой. — Если с ними что-то случится, то у меня не будет шансов родиться в будущем. Они верные вам люди. Их не арестовали ни до 1937 года, ни после. Можно я не буду разглашать их имена?

— Разумеется, нет, — отрезал он и положил передо мной лист бумаги и ручку. — Пишите. Подробно. Имена, фамилии, места жительства и работы.

Я была готова разреветься. Натаныч! Верни меня срочно в 2010 год! Что же делать? Что делать? Вот попала! Доносить на собственных родственников, да не просто, а рискуя лишиться жизни и себя, и своих потомков!

Как я ни старалась держать себя в руках, у меня из глаз покатились слезы. Я поняла, каково было жить моим соотечественникам в 1937 году и участвовать в строительстве развитого социализма.

Однако Сталину, как видно, поднадоела вся эта мелодрама, и он в своей ироничной манере сказал:

— Ну что вы, Елена, как вас там по батюшке... Не надо переживать. Мы должны быть с вами в равных условиях. Пока наша с вами история имеет явный перекося: вы знаете обо мне довольно много, я о вас — ничего. Надо исправлять ситуацию. Вытрите слезы и пишите.

Поскольку последние слова прозвучали как приказ, я поняла, что сопротивляться бесполезно. Этот человек заставил капитулировать Германию. Так что же говорить обо мне?

Я тяжело вздохнула и выложила на листок все, что знала обо всех своих предках. За кадром я оставила только то, что мой прадед по отцовской линии был скрытой контрой и даже не разрешал детям, среди которых была моя ныне здравствующая бабушка, приходить к нему в кабинет в красных галстуках и хвалить существующий строй. Как при таком мировоззрении он избежал репрессий и заработал себе имя известного энергетика, оставалось загадкой для всей семьи.

— Вот, — я протянула Сталину злосчастный лист бумаги.

Он забрал его и аккуратно положил в папку:

— Ну что же. Теперь займемся более приятными делами.

Он позвонил секретарю и спросил, сколько еще придется ждать фотографий. Видимо, ему ответили, что понадобится некоторое время. Он приказал поторопиться и, положив трубку, снова обратился ко мне:

— Ваша машина дала мне почву для размышлений. Мои специалисты разобрались в том, как она работает, и я потратил не один час, чтобы ознакомиться со всеми документами, которые вы мне предоставили.

— И что вы об этом думаете? — неожиданно осмелев, вякнула я.

— К сожалению, многое из того, что написано про период до 1937 года, является не более чем фальсификацией. Поэтому доверять информации, касающейся будущего, я не

могу. Хотя... Если считать это правдой, то там действительно много интересного.

Я поспешила оправдаться:

— Понимаете, у меня нет доступа к секретным документам. Я могу черпать сведения только из открытых источников и делать выводы, исходя из официальной истории, которую, правда, периодически меняют и переписывают заново.

— И ваша официальная история утверждает, что с 1932 по 1933 год голод унес жизни нескольких миллионов человек, а точнее... — Он посмотрел на какую-то запись и назвал цифру, которую я собственноручно скачала ему с какого-то исторического сайта.

— Так пишут средства массовой информации.

— И что, этим данным серьезные люди доверяют?

Я развела руками:

— Кто-то верит, кто-то нет. А что было на самом деле?

— На самом деле число жертв преувеличено, — отрезал он.

В этот момент зазвонил телефон, и после недолгого разговора в кабинет принесли фотографии. Напечатанные на больших листах, они выглядели очень даже профессионально. Я подумала, что могу гордиться собой как фоторепортер, и с нетерпением стала ждать реакции Сталина на увиденное.

Сначала он быстро пролистал их, останавливаясь на каждой снимке не более секунды, а потом решил перейти к детальному разбору моих трудов праведных.

— Это здесь зачем? — спросил он, поворачивая ко мне изображение храма Христа Спасителя.

Я не могла сдержать злорадной усмешки:

— А это, Иосиф Виссарионович, Дворец Советов. Точнее, то, что сейчас стоит на его месте. Присмотритесь, ведь это не тот храм, который взорвали в 1931 году.

Он, видимо, глазам не мог поверить и сказал:

— Но там уже заложен фундамент и идет активное строительство.

— Да, фундамент есть. Но когда начнется война, все, что успеют построить... А надо сказать, что построят очень мало... Так вот, весь металлический каркас пойдет на нужды военной промышленности. Останется котлован. В шестидесятые годы его используют для открытого бассейна. А в девяностые заново возведут храм. Кстати, он будет с подземной парковкой, то есть гаражами.

— Храм с подземными гаражами? — Сталин еще раз удивленно посмотрел на фотографию и отложил ее в сторону. — Так, разобрались с этим. А все это тоже восстановили? — он показал мне угол возле Исторического музея.

— Да. Причем должна сказать, что процесс восстановления и реставрации церквей идет по всей стране вот уже много лет. И народ, кстати сказать, очень даже рад.

— Допустим. А это чей памятник? — он повернул ко мне Жукова на коне.

В этот момент, видимо, после стресса, который я испытала, настучав на своих предков, мне неожиданно стало как-то весело. Поэтому я перестала себя сдерживать и сказала:

— А это «маршал победы» Георгий Константинович Жуков. Именно он примет в 1945 году капитуляцию фашистской Германии. Ну а все ваши памятники, уж извините, разрушили до основания. Остался только один. Надгробный.

— Почему же вы его не засняли? — спросил Сталин, испепелив меня взглядом.

— Не успела. Чтобы к нему пройти, надо Мавзолей посетить, а в него не каждый день пускают.

Он некоторое время молча рассматривал фотографии, потом показал мне главное здание МГУ:

— Это мне нравится. Ваши пояснения.

Я улыбнулась:

— Однажды этот стиль назовут «сталинским ампиром». Это университет на Ленинских горах — одно из воплощений вашей гениальной идеи о московских высотах.

Он еще раз посмотрел на изображение универа, усмехнулся и предложил мне прокомментировать остальные снимки. Порадовавшись перемене в его настроении, я рассказала про то, как делала свой любительский репортаж, и пояснила, что именно и почему я сняла на пленку.

— Так. Сколько времени вы еще пробудете здесь? — спросил он, когда я наконец-то замолчала.

— Четыре минуты.

— Жаль. Я бы хотел продолжить наш разговор...

Не дослушав, я поспешила его успокоить:

— Это просто. Мне не составит труда вернуться сюда прямо сейчас...

Однако у Сталина возникла принципиально иная идея:

— Нет. Мы поступим по-другому, — заявил он, вставая из-за стола. — Сегодня вечером у меня состоится ужин. Будут гости. Я хочу, чтобы вы присутствовали. Всем скажут, что вы журналистка из какой-нибудь газеты... Сможете появиться здесь в восемь часов?

Я опешила. Такого поворота событий я никак не могла ожидать. А если это подстава? У дверей меня будет ждать «черный ворон» — и все... Пуля из маузера — и конец истории. Но времени на раздумья не оставалось. Прижав к себе драгоценный ноутбук, я с напускной готовностью произнесла:

— Обязательно. А какая форма одежды? Я могу прийти в этом платье?

Он критически осмотрел меня:

— А что-нибудь более нарядное у вас есть?

Уж меньше всего я ожидала, что он окажется эстетом. Я замялась:

— Есть... Но фасон... Коллекция 2009 года...

— Говорите быстрее, — резко сказал Сталин, глядя на часы. — Как оно выглядит?

— Почти до пола, прямое, золотистое, с глубоким вырезом, без рукавов, — залепетала я.

— Хорошо. Думаю, это не будет резать глаз. Жду вас ровно в восемь. Да, и возьмите с собой документы.

— Какие документы? Зачем? — удивилась я.

— Хочу посмотреть хоть на какое-нибудь удостоверение вашей личности.

Прощаться я не успела, так как время истекло.

* * *

Встретивший меня Натаныч был настроен на серьезный разговор.

— Ну и как?! — рявкнул он, изображая тирана. — Рассказывай уже подробно, что там у тебя происходит!

Я села на край дивана. Мне очень хотелось слезно пожаловаться, что я стала стукачкой, но, зная отношение Натаныча к секретным сотрудникам НКВД, я понимала, что моя

исповедь может положить конец нашей дружбе.

— Ох... Ты понимаешь... Все так непросто. Мы два часа провели за разговорами с политике... Обсуждали вопросы архитектуры...

Он взъерепенился:

— Ты таки долго будешь кормить меня сказками? Я идиот, по-твоему, и не вижу, что у тебя там ничего не получается? Что происходит? Говори — или я больше не подпущу тебя к компьютеру!

Пришлось частично рассекретиться:

— Ну, фотографиям он поверил. Видимо, ему по телефону доложили, что это не подделка. Поэтому он с интересом посмотрел их и... Ну, сказал...

Терпение моего друга лопнуло:

— Что ты тянешь резину, как краснодонец на допросе?! Чем закончился ваш разговор?!

Я схватилась за голову и выдохнула:

— Он сказал, чтобы я была у него в восемь часов. Меня отвезут на банкет для партноменклатуры.

Натаныч забежал по комнате с дикими воплями:

— Ты завалила дело! Это финиш! Все, распрягай коней, приехали!!! Какой, к лешему, банкет? Ты сдурела, да? Он решил тебя допросить и шлепнуть. Туда больше нельзя показываться. Ты понимаешь? Все, замяли эту историю! Забыли, как страшный сон, приснившийся холерному больному! Все, что ты там накосячила, уйдет в параллельный мир. А мы будем жить здесь, подальше от всех твоих вождей, идей, утопий и прочего кошмара! Это была идиотская затея. А мою программу надо стереть и никогда не восстанавливать!

На этом месте мы стали вопить дуэтом:

— Программу хочешь стереть?! Значит, тебе нормально вот так вот?! — заорала я, кинув в него плоской диванной подушкой. — Ты у нас в СССР чем занимался? Науку двигал? А что тебе в девяностые сказали? Предложили бизнесом заняться? И что ты, гениальный ты наш, теперь имеешь? Тараканов в раковине и клопов в диване? Да если бы не квартира твоей сестры, ты бы давно сдох, понимаешь, сдох! Или, может, ты качаешь свои идеи на Запад? Да ты вообще кому-то нужен в этом мире как ученый? Ты! Ты! Всю жизнь промечтавший о Нобелевской премии!

— Мне таки предлагали работать на одну иностранную фирмочку, — довольно неумно встрял Натаныч. — Я должен был создать аппарат для энергоинформационной медицины. Но случился кризис, и все накрылось медным тазом. И не говори, что я не сделал вклад в науку! У меня есть благодарность от Косыгина. Он мне лично руку пожимал.

— И кто из нас после этого идиот? У тебя есть шанс перекроить этот мир! Сделать его справедливее! В нем воцарится другое общество, в котором такие люди, как ты, будут сидеть в персональных лабораториях и работать на благо человечества. В глобальных, понимаешь, глобальных масштабах! А ты... Соорудил машину времени и к маме слетал, чтобы на горькую долю пожаловаться? Да ты измени эту долю-то свою!

Натаныч сел на стул и стал нервно стучать ногой по батарее:

— Долю изменить?! Некрасовскими терминами заговорила? А ты таки народ спросила, хочет ли он жить в твоём справедливом обществе?

— Во-первых, достаточно почитать, что этот народ в Интернете пишет. А во-вторых...

— А ты думаешь, что я комментарии к новостям в Интернете не читаю? И ничего не замечаю... Да я, если хочешь знать...

Я в шоке вытаращилась на него:

— Натаныч! Ты что, заходишь в сеть с этого компьютера?!

— А что я, по-твоему, лох какой-то и к выделенной линии не подключен? — посмотрел он на меня свысока.

Мне захотелось его придушить:

— Ты ненормальный? А как же секретность? За таким людьми, как ты, всю жизнь следят! И заметь, не только органы госбезопасности, а иные структуры! А если то, чем мы занимаемся, станет кому-то известно? Ты вообще соображаешь, что тогда с тобой может случиться?

Он съезжился и растерянно развел своими плетеобразными руками:

— Ну а что мне было делать? Второй комп покупать? У меня денег нет. Да и потом, ты ведь права... Кому я нужен со своими гениальными разработками...

Я всплеснула руками:

— Бедный ты наш! Денег у него нет! А куда ты их деваешь, интересно знать? Перечисляешь в фонд жертв Третьего интернационала?

Натаныч потерял агрессивный настрой и стал громко каяться:

— Я на похороны откладываю. Еще брату помогаю, ну тому, помнишь, который в доме престарелых живет... Да и что ты вообще такое городишь? Какие органы? Какие структуры? Обалдела там от страха в своем 1937 году? Этого ничего нет. Все! Все развалилось! Никто ни за кем не следит. Потому что никому ничего не надо. Коммерческие проекты — вот что сейчас востребовано, а я большую часть жизни разрабатывал проекты... Ну, впрочем, вот это действительно секретно...

Мы оба замолчали. Часы сипло прокуковали одиннадцать раз. Я взяла ноутбук и собралась уходить, но Натаныч остановил меня:

— Погоди. Ты знаешь, я все время забываю, что история не изменится до тех пор, пока я не включу вторую программу. Почему-то я все мыслю категориями сорокалетней давности, когда только начал задумываться над проблемой временных парадоксов. И мне кажется, что любой твой шаг запустит необратимые процессы. Но на самом-то деле мы же с тобой договорились, что просто попробуем. Попробуем и ничего не будем менять, пока не удостоверимся, что добились действительно гармоничного общества. А потом, если там, в альтернативной реальности, наступит земной рай, то только тогда мы начнем итерационную переделку мира.

— Что значит итерационную? — устало спросила я.

— Ну, вроде как пошаговую... Хотя это не совсем верно. Я нажму кнопку, и запустится процесс, который будет идти довольно долго. Ну, примерно лет шесть или даже десять. Понимаешь, если представить себе, что там, в прошлом, все стало иначе и весь мир сиюминутно переделался, то тогда здесь не родится множество человек. Это же очевидно. Именно поэтому новая реальность должна наступить здесь постепенно. Так, чтобы в нее попали все ныне здравствующие люди.

— А как это будет выглядеть на практике?

В нем снова проснулся гениальный ученый, его глаза засияли:

— О! Это будет великолепно! Сперва какие-то кадровые передвижения в верхних эшелонах власти. Затем частичное изменение внутренней и внешней политики. Далее серии отставок, изменения финансовых потоков, может быть, даже некоторые природные катаклизмы, которые приведут к принятию важных государственных решений. Потом

пойдет новый виток, за ним следующий. Начнут принимать новые законы, подписывать указы...

Я почувствовала, что заразилась от Сталина критическим отношением к поступающей информации:

— Натаныч, это все очень абстрактно. Поясни мне на примерах. Если у нас самолеты старые, ломаются и падают, то что произойдет, если я там, в 1937 году, что-то сдвину с мертвой точки?

— А я таки тебе скажу, что будет. Старые самолеты будут менять на новые. А эти новые будут производить на заводах, которые вдруг по какой-то причине начнут не просто работать, а работать быстро и гениально. И так во всех сегментах экономики.

— Ну а что, к примеру, будет с крупным бизнесом? — не унималась я.

— А это уже зависит от тебя, моя дорогая! Я же не знаю, какой именно строй ты там у нас заложишь. Может быть, олигархи разорятся в пользу государства вследствие каких-то немыслимых стечений обстоятельств. А может быть, направят свою энергию в нужное русло и будут трудиться не покладая рук на благо отечества. Если бы ты в царской России ковырялась начала, то тогда было бы понятно, что нас ждет хорошо функционирующий капитализм с широченной прослойкой среднего класса. Но тебе же надо было выпендриться! И ты полетела не куда-нибудь, а к Сталину! И теперь никому не ведомо, что он там придумает, чтобы сохранить свою империю для потомков. Если, конечно, ты сможешь ему хоть что-то втолковать.

Я почувствовала, что мы наконец-то близки к мирной развязке переговоров.

— Так. Это я поняла. Ну а как мы со мной-то поступим и с банкетом этим дурацким? Ты уверен, что меня там повяжут?

Натаныч, закатил глаза:

— Слушай, ну я не знаю. Тебе там, в 1937 году, как вообще кажется, ты с вменяемым человеком разговариваешь?

— Ну разумеется!

— Да ты что? — удивился непризнанный кумир Косыгина. — А я был уверен, что он параноик. Может, тогда тебе и стоит на банкет сходить. Хоть поглядишь, как там наша верхушка пировала.

— Я тогда к тебе завтра часов в семь приду. Ладно? Все свои дела закончу, переоденусь — и вперед.

На этом мы и порешили. В итоге я удалилась, полная надежд на светлое будущее, которое очень скоро придет к нам непонятным итерационным путем.

* * *

На званый сталинский ужин вершительница истории товарищ Санарова собиралась довольно долго. Сначала я хотела сходить в салон, чтобы накрутить на голове какую-нибудь фантазию в стиле ретро, но, поговорив со своей парикмахершей, я поняла, что максимум, на который способно это дитя перестройки, — причесать меня как Марину Ладынину из фильма «Свинарка и пастух». Такой вариант меня совершенно не устраивал, и я решила, что все сделаю сама. Поэтому полдня я провела в маминых алюминиевых бигудях, благодаря которым к вечеру имела легкую головную боль, торжественную прическу 1937 года выпуска

и отличное настроение.

Далее я занялась макияжем. Надо сказать, что все последнее время я старалась предельно осторожно пользоваться косметикой, чтобы не шокировать своим видом тонкие чувства нашего будущего генералиссимуса, однако ради своего первого бала я решила накраситься посильнее. Сделав себе великолепные глаза с помощью удлиняющей туши, теней и подводки, я в соответствии с последним писком предвоенной моды увеличила губы и накрасила их вполне приемлемой по цвету помадой. В результате я стала напоминать себе сильно отощавшую Людмилу Целиковскую. И поскольку ее образ меня вполне устраивал, я перешла к заключительному этапу подготовки.

Держа данное Сталину слово, я нарядилась в длинное золотое платье с глубоким вырезом, надела свои разведтуфли и дополнила весь этот наряд накинутым на плечи тонким прозрачным шарфом.

В 18.45 я положила паспорт в клатч, который, по моим расчетам, все должны были принять за обычную театральную сумочку, и позвонила Натанычу.

— Карета уже подана? — спросила я, услышав в трубке его хриловатый голос.

— А как же! Крысы стали кучерами, мыши — телохранителями, а тараканы — сексотами нэкэвэдэ.

— Тогда иду.

Я выскочила из комнаты и врезалась в сына, который что-то искал на коридорных книжных полках.

— Ой, мам! Ты куда это собралась?

— На банкет.

Я попыталась его обойти, однако он не торопился так просто отпустить меня из дома и загородил проход:

— А с кем?

— Глеб, отстань. Одна иду.

— А кто тебя проводит?

— Проводит... Проводит... Сталин Иосиф Виссарионович меня проводит.

Он хихикнул и, попрощавшись, сказал, чтобы я не забыла взять сотовый.

— Обязательно! Он там мне будет просто необходим...

Быстренько добежав до девятого этажа, я впорхнула в уже открытую дверь.

— Да! — восхищенно встретил меня Натаныч. — И чего ты тратишь время и летаешь в 1937 год? Давай на чуток попозже и прямо к Берии! Он бы уж там с тобой поговорил о сексуальной революции и половом вопросе...

Я постучала ему в грудь сумочкой:

— Надоел ты уже со своим Берией. Он у тебя в каждой бочке затычка. Давай-ка лучше думать, на какое время таймер устанавливать.

— Да... Да... Таки это же вопросик серьезный... — протянул Натаныч и уселся верхом на стул. — Это тебе, знаешь ли, не фунт изюма — испариться с пира на глазах всего Политбюро. Здесь надо все хорошенько обмозговать...

— Ну сколько это все там у него обычно длилось? — стала рассуждать я. — Часика три? Четыре?

— Четыре? — расхохотался Натаныч. — А до утра не хочешь?

— Да ну... А когда ж они работали-то?

В ответ сын реабилитированных врагов народа сел на любимого конька:

— А они не работали! За них твой народ любимый вкалывал! Строил-таки твое гармоничное во всех отношениях общество на Беломорканале, Угличской ГЭС и прочих великих объектах ГУЛАГа!

— Так... Начинается... Уже мы вроде обо всем с тобой договорились. Разработали план. Поняли, что искореним недостатки строя!

Натаныч всплеснул руками:

— А какого ж лешего ты тогда в 1937 год поперлась? Летела бы в 1919-й и объясняла Владимиру Ильичу, что его строй, оказывается, недостатками страдает!

— Что ты говоришь? — ехидно сказала я, усаживаясь на коврик. — А то, что в Советской России первый концлагерь был создан по приказу друга твоего — Троцкого в 1918-м? Это тебе как? Или в этом тоже Берия виноват, которому тогда только-только совершеннолетие справили?

— Довольно уже! — громовым голосом проревел Натаныч. — Если мы будем постоянно отношения выяснять, как бабы базарные, то вообще никакого результата не добьемся! Села? Вот и сиди, жди, пока я додумаюсь, когда тебя обратно забирать!

Он погрузился в себя и, как загипнотизированный, уставился в одну точку. Минут через пять он снова начал громко меня костерить:

— Из тебя политик — как из меня таки оперная дива! Скажи, ты чем весь день занималась? Кудри свои черные крутила? А книжку какую-нибудь умную почитать ты не додумалась? Фазиля Искандера, например, чтоб хоть как-то представлять, что тебя ждет! Или фильм документальный прокрутила бы, в котором разные знаменитые старушки балерины рассказывают, что на этих приемах делалось!

— А может, это все сплошное вранье! — возмутилась я, подав голос со своего ковра. — Если верить всему, что тут у нас пишут и показывают, так туда и вовсе лететь нельзя.

— Да?! Да?! — Он отставил стул в сторону и пересел к компьютеру. — Бери штекеры! Сейчас я тебя за плохое поведение запихну туда часов на восемь!

Сжав электроды, я начала шумную акцию протеста:

— Натаныч, не смей! Опомнись! Что я буду делать там глубокой ночью, когда банкет закончится?!

— На лавочке посидишь во дворе. Кукушек послушаешь! Тебе полезно проветриться, чтобы думалось лучше!

— А если меня в ЧК отправят? Да после восьми часов допроса меня уже никакой Склифосовский не откачает!

— Зато впредь тебе наука будет, что к операции тщательно готовиться надо! — Он зло фыркнул и ткнул в кнопку.

* * *

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!

— Мы здоровались с вами четыре часа назад, — сказал Сталин и встал из-за стола.

— Ой, да... Действительно... Просто у меня там больше суток прошло... И поэтому... — испугавшись такого холодного приема, залепетала я, поднимаясь с пола.

— Документы принесли? — Он подошел и стал критически меня разглядывать.

Я поспешно вытащила паспорт и протянула ему:

— Вот, как вы сказали.

Тщательно изучив все страницы, он вернул мне его со словами:

— Ну, это хоть что-то. Молодец, Елена Григорьевна. Выполняете все мои распоряжения. — Он снова осмотрел меня с головы до ног и усмехнулся: — Хорошее платье. Только боюсь, что, глядя на вас, мои гости про жен своих могут позабыть. Пойдемте, я провожу вас до автомобиля.

Я встала как вкопанная и замахала руками:

— Нет! Нет! Нет! Вы меня не оставляйте. Одна я не поеду!

— Поедете. Еще как поедете! — Сталин открыл дверь, пропустил меня вперед и отконвоировал до черной машины.

Упав на заднее сиденье, я в отчаянии зажмурила глаза. Все. Это все! Если бы мы правда ехали на ужин, то он бы взял меня с собой. А это подстава! Подстава! Да еще этот Натаныч! Из-за его гнусного характера впереди меня ждет восьмичасовой допрос. А может быть, даже расстрел. И почему я такая несчастная?.. По какой такой причине ничего у меня в жизни не складывается?..

Так, безмолвно причитая и мысленно проливая реки слез, я ехала неизвестно куда и боялась даже взглянуть за окно. А напрасно. Потому что когда меня наконец-то привезли, получилось, что я вообще не знала, где нахожусь.

Шофер выскочил, быстро обежал вокруг машины и, распахнув дверку, помог мне выйти.

— Ну что? Добрались наконец? — услышала я за спиной голос Отца народов.

На нервной почве я, как обычно, стала много говорить:

— Ой, спасибо вам большое, Иосиф Виссарионович!

— За что? — удивился он.

— Что на Лубянку не отправили. А то я так боялась, так боялась, что даже не поняла, куда мы приехали.

— Ну, не поняли — и не надо. А Лубянка никуда не денется. Пойдемте, все уже собрались.

Да. Утешать он умел мастерски. Через пару минут мы вошли в большой ярко освещенный зал, где за столами, покрытыми белыми накрахмаленными скатертями, сидело довольно много народу. Некоторые персонажи мне были совершенно незнакомы, а нескольких я узнала сразу, особенно Клима Ворошилова, который стал искоса на меня смотреть. Наверное, кто-то успел ему настучать, что я прошла в Кремль по его удостоверению.

Надеясь, что мне удастся притулиться где-нибудь в укромном уголке, я было рванулась к дальнему краю стола. Однако Сталин остановил меня и указал на место рядом с его стулом. Таким образом я оказалась во главе праздника жизни.

Оркестр играл ненавязчивую музыку. Мне было не по себе от пристальных взглядов мужчин, которые беспрестанно пялились в мою сторону. То ли их шокировало, что хозяин посадил меня рядом с собой. То ли он оказался прав, и я действительно сильно выделялась на фоне их достаточно тусклых и невзрачных жен. Это оставалось загадкой.

Пытаясь успокоиться, я начала разглядывать стол. И это в литературе называли пирами Валтасара?! В сравнении с теми гала-ужинами и банкетами, на которые периодически заставляли меня ходить мои временные работодатели, это был обычный совок. Ни в блюдах, ни в сервировке ничего шикарного и умопомрачительного я не заметила. А потому, почувствовав себя свободно и не обращая внимания на гудящие вокруг разговоры, я решила

спокойненько подкрепиться и выпить немного вина.

Торопиться мне было некуда. Сталин был занят обсуждением судьбы каких-то тбилисских партийцев, которые, как я поняла, умудрились что-то такое вытворить в отношении Военно-Грузинской дороги. А я, наконец-то убедившись, что ни на какую Лубянку меня не отправляют, расслабилась и вся ушла в мысли о том, как именно мне следует рассказывать ему об основной цели моего визита в 1937 год.

Прошло довольно много времени. Поскольку часы я умудрилась оставить дома, процесс как-то вышел у меня из-под контроля. Но думаю, что дело шло к полуночи. Ужин был в самом разгаре. Многие заметно охмелели и вели громкие и достаточно непринужденные беседы. Товарищ Джугашвили вроде как временно забыл про меня и продолжал мимоходом решать всякие вопросы, которыми, по всей видимости, не успевал или не хотел заниматься на работе.

В широком пространстве между столами группа грузинских артистов исполняла народные танцы. Периодически присутствующие громко аплодировали. Все шло как нельзя лучше. Но вдруг солнце моей фортуны снова зашло за грозовую тучу. Отец народов поднял руку. В зале воцарилась гробовая тишина. Все замерли в ожидании какого-то важного объявления.

— Хорошо поработали, товарищи, — сказал, Сталин, обращаясь к танцорам. — Идите отдохните. А у нас другая программа будет. — Он повернулся ко мне и громко сказал: — Пусть теперь наша гостья, товарищ Санарова, нам что-нибудь станцует. А то надоели уже мне эти фольклорные мотивы.

От такого заявления у меня сациви в горле застряло. И как только я могла забыть о том, что рассказывали по телевизору любимые Натанычем старушки-балерины! Это же его коронный финт. Быстро прокрутив в голове все возможные последствия своего отказа, я расплылась в томной улыбке:

— С удовольствием, Иосиф Виссарионович!

И, стараясь быть как можно более грациозной, я вышла из-за стола и лебедушкой поплыла по направлению к оркестру. Меня волновало только одно — знают ли они хоть какую-то испанскую музыку, чтобы я могла выступить с фламенко, кроме которого я вообще ничего танцевать не умела. Подойдя к музыкантам, я сказала:

— Здравствуйте, товарищи. Вы сумеете что-нибудь испанское сыграть? Про фламенко слышали?

— Нет, — с опаской прошептали они. — Может, напоете?

Я напела одну композицию, пощелкала пальцами, топнула каблуком. Потом попробовала вторую.

— А давайте вы лучше что-нибудь русское или грузинское исполните? — с надеждой в голосе предложил их руководитель.

«А! Будь что будет!» — подумала я и, похвалив себя за то, что в свое время не пошла учиться арабским танцам живота, снисходительно молвила:

— Играйте уже цыганочку! С выходом! Только повеселее да так, чтобы на душе радостно стало!

Они закивали и незамедлительно приступили к выполнению моего приказа. А я в лучших традициях цыганщины, широко улыбаясь, пошла исполнять танец для величайшего тирана двадцатого столетия.

«Ведь надо же!.. Прилетела строить идеальное общество, а вместо этого Политбюрс

плясками развлекаю! — думала я и старательно отбивала каблуками дробь. — Нет, это намного лучше, чем в НКВД сидеть и о своей биографии рассказывать, но все-таки... Я — образованный человек, свободный переводчик... А тут танцы, понимаешь ли, ему подавай, будь он неладен!»

С этими мыслями, которые, однако, никак не проявлялись на моем радостном лице, я наконец-то минут через десять закончила отплясывать и остановилась. Тут у меня в памяти всплыло издевательское изречение Натаныча про мой неосуществленный визит на первомайскую демонстрацию. «А что? Надо этим воспользоваться», — решила я и отвесила в сторону Отца народов артистический поклон.

В ответ он встал и зааплодировал. Понятно, что все присутствующие быстренько разразились овациями. Я улыбнулась и подняла с пола шарф, который обронила, пока танцевала.

Дальше события стали развиваться еще более странным образом. Сталин вышел из-за стола, подал мне руку и повел к двери, за которой, как выяснилось, была небольшая комната, где помещались два кресла и небольшой круглый стол. На ажурной скатерти стояла ваза с фруктами, а также бутылка саперави и два бокала.

Мы остались наедине. Он замер возле окна, прислонившись к занавеске, и стал внимательно на меня смотреть. Я начала нервничать. И что все это значит? Продолжение диалога, который мы вели в кабинете? На ум пришел пресловутый Берия. «Вот если бы он меня после танца в комнату потащил, то было бы ясно, с какой целью», — подумала я и, не зная, чем заняться, чтобы как-то прояснить ситуацию, разлила вино по бокалам, один протянула Сталину, а из второго отпила сама.

— А вот в 2010 году бытует мнение, что вашими любимыми винами были киндзмараули и хванчкара, — сказала я и, посмотрев ему в глаза, безрезультатно попыталась понять, что у него на уме.

— Нет, чаще всего я пью саперави, — он сделал глоток и продолжил: — А какие легенды ходят у вас о моей личной жизни?

Я пожала плечами:

— Если говорить о чем-то серьезном, то получается, что личная жизнь закончилась для вас в 1932 году. Ну а остальное не более чем сплетни.

Он мрачно посмотрел на меня:

— Ладно. Оставим это. Лучше пейте вино. Вам нравится?

Рассмеявшись, я сделала еще глоток и сказала:

— И вы еще спрашиваете! Хорошее саперави-то... Мы такой роскоши уже несколько лет лишены.

— В каком это смысле?

— Ну... Вроде как эмбарго...

— Что еще за эмбарго?! — Он резко поставил бокал на стол.

Мне стало совсем весело:

— Видите ли... Россия и Грузия... Дело в том, что наши страны находятся в состоянии... Как бы это лучше сказать... В состоянии конфликта. И поэтому введен запрет на продажу грузинского вина...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сталин довольно близко подошел ко мне и сказал:

— Знаете, товарищ Санарова... Кроме вашего умения хорошо танцевать вы еще

обладаете, так сказать, талантом...

Он сделал паузу, а я вопросительно захлопала своими удлиненными ресницами.

— Так вот. У вас, несомненно, дар есть — убеждать собеседника в своей правоте. Иначе я бы просто не стал с вами разговаривать. Но всякому рассказу должна быть мера.

— Уверю вас, это чистая правда! — Отставив бокал в сторону, я поправила шарф. — Кроме того, разразился южноосетинский конфликт...

— Все!!! Хватит этой чепухи об эмбарго и русско-грузинской вражде! Пойдемте, — Сталин показал мне на дверь в углу комнаты.

Я всполошилась:

— А куда? Зачем?

— О политике там говорить будем. Обсуждать вашу контрреволюционную информацию...

Я и пискнуть не успела, как он за руку втащил меня в соседний кабинет, который оказался ни много ни мало как спальней.

— Что вы так смотрите? — спросил он, поставив меня спиной к платяному шкафу. — Считаете, что я бесконечно могу вашими глазами любоваться, на танцы цыганские смотреть, выслушивать все эти речи зажигательные?..

— С танцами это была ваша идея... — пискнула я, вертясь возле шкафа, как уж на сковородке.

Вместо ответа он крепко сжал меня в объятиях и поцеловал. И тут мою контуженную в НКВД голову переклинило — на меня враз, в одну секунду обрушилась такая нечеловеческая страсть, какой я не испытывала ни разу в жизни. Тоталитаризм, власть, харизма... Все это начисто лишило меня рассудка, и я, забыв обо всем на свете, отдалась своим чувствам.

Надо сказать, что в вопросе межличностных коммунистических отношений, который так тщательно исследовала моя сестра, мы просто нашли друг друга. Понимание между нами воцарилось сразу, поэтому от политических дискуссий мы очень быстро перешли к активным действиям.

— А как же гости? — спохватилась я часа через полтора, почему-то представив себе лицо расстроенного Клим Ворошилова.

— Разберутся гости сами, что им делать. Не маленькие уже, — ответил Сталин и добавил: — Дали им повод для разговоров. Вот пусть сплетничают...

После этого нас снова поглотило Дарьяльское ущелье страсти, и на разговоры мы больше не отвлекались.

В четыре часа утра по местному времени таймер безжалостно вернул меня к Натанычу.

* * *

Когда я в чем мать родила нарисовалась возле драгоценного дивана, мой друг просто подскочил на стуле:

— А!!! Золушка ты недоделанная! Что, вместо туфельки хрустальной лифчик с трусами потеряла?! Мы тебя для чего в прошлое посылали?! Нет, ты-таки скажи мне, для чего?! Чтобы историю исправлять? А ты чем там занимаешься? Верных ленинцев развращаешь?!

— Натаныч, заткнись и быстро дай мне халат! — Я заерзала на месте в тщетных попытках отыскать хоть какую-нибудь тряпку, чтоб укрыться.

— Халат тебе? А может, тебе еще мое благословение нужно? Ты должна была на банкете вопросы государственной важности решать! А вместо этого ты с кем-то в постели кувыркалась! Вот ответь мне, ответь, кого ты там соблазнила?!

— Сначала халат! — прорычала я.

— Да на!!! — вместо халата Натаныч швырнул в меня комком из несвежей рубашки и вытянутых треников.

Я стала старательно застегивать пуговицы:

— Вот я тебе сейчас скажу, а ты меня потом до гробовой доски пилить будешь!

— Знаешь, я таки просто не понимаю, не понимаю!.. — снова возопил мой друг. — Если там Берии нет... И, пожалуйста, не говори, что меня на нем заклинило! Ну, если его там нет, то кто смог тебя так быстро уговорить? У тебя же времени было в обрез?

Я потупилась и молчала, спешно натягивая застиранные штаны. А Натаныч не унимался:

— Это я, идиот, отправил тебя туда на восемь часов. А если бы я таймер еще сильнее прокрутил, то ты бы там родить успела?! Да? Говори уже!

— Что тебе говорить? — сказала я заплетающимся от усталости языком.

— Имя! Имя мне назови!

Я прилегла на диван, подмяв под себя пыльную подушку:

— Тебе тут не нэкэвэдэ, чтобы человека влюбленного допрашивать.

Он с грохотом уронил на пол медную пластину, которой все это время размахивал, как боевым штандартом:

— Наташа Ростова ты наша! Подумайте-таки! Влюбилась она на первом балу! Давай колись уже, как его зовут!

Поняв, что проще уже ему сознаться, чем выслушивать поток ругательств, я зевнула и с блаженной улыбкой произнесла:

— Иосиф Джугашвили.

Мне показалось, что Натаныч сейчас расплачется:

— Ты!.. Ты!.. — Не зная, какую еще гадость кинуть мне в лицо в качестве обвинительного приговора, он закричал: — Ты заклеила позором всю свою семью! Прадед твой небось рыдает на небесах, глядя, как низко ты пала!

— Да брось ты, Натаныч! — рассмеялась я. — Разве ж это падение? Это, наоборот, прыжок с шестом на верхнюю ступеньку лестницы...

Запустив в меня клубком проводов, расстроенный гений пошел к плите и стал шумно возиться с чайником. Немного успокоившись после трудотерапии, он вернулся и стал уже менее зло меня подкалывать:

— Слушай, а скажи-ка мне... Ну все-таки... Ты спуталась с ним по зову сердца или только для того, чтобы страну спасти?

— Чаю хочу... — Я пошлепала босыми ногами на кухню и решила, что притаившийся за мной Натаныч заслуживает откровенного признания. — Во-первых, не спуталась, а ответила взаимностью на проявленные чувства. А во-вторых, сделала я это по причине душевной боли за судьбу отечества и вследствие сильной влюбленности.

Мой распереживавшийся исповедник побросал пакетики чая в страшные кружки с отколотыми ручками, сел в кресло и, громко размешивая сахар, стал копать дальше:

— Слушай, Мата Хари, а ведь у него вкус-то, надо сказать, неплохой. Губа не дура, можно сказать. Шутка ли? Такую бабу отхватить!

— Заткнись, — вяло сказала я и налила чай в блюдце.

Но он даже не думал останавливаться и продолжил столь волнующую для него тему:

— Я-таки раньше думал, что ты стручок засушенный... Что называется, гном чуть подросший. А сегодня на тебя посмотрел без джинсов твоих и кроссовок... Оказывается, ты баба-то хоть куда! Немудрено, что на тебя вождь клюнул. На вид тебе не больше тридцати двух, морда красивая, формы вполне себе выдающиеся...

— Ау! Может, хватит уже? — Я громко постучала ложкой по чайнику.

Однако Натаныч этого даже не заметил и продолжил препарирование моего только что зародившегося романа:

— А кстати... Вот если Великого кормчего нашего я вполне так понимаю и даже оправдываю, то тебя, моя дорогая извращенка, понять никак не могу. Он же, положа-то руку на сердце, далеко не Ален Делон!

Чаша моего терпения переполнилась:

— А я, ты знаешь, не избалована! Ко мне за всю жизнь ни один красивый мужик ближе чем на километр не подходил. И вообще мне, например, хромы нравятся! В них шарм есть...

Натаныч поперхнулся чаем и громко закашлялся. Я от души вдарила ему промеж лопаток. На что, видимо, в качестве благодарности он задал мне новый вопрос:

— Слушай, а он не староват ли для тебя?

— В самый раз... — начала я, но тут же остановилась, так как меня пронзила ужасная догадка. — Натаныч! — Я схватила его за руку. — Быстро скажи, когда Сталин родился. Быстро, а то я от разрыва сердца умру.

— Ну, по официальной версии, в 1879 году, а по неофициальной — в 1878-м... А что?

— Ох... — Я стала считать пульс, который приблизился к ста двадцати ударам в минуту. — Ты представляешь, получается, что он старше меня примерно на девятнадцать или двадцать лет... А это... А это... Это же роковая для меня разница в возрасте! — громко заключила я, вспомнив свою последнюю любовь, оборвавшуюся на пике страсти.

— Роковая?! — Натаныч сложил на груди руки и посмотрел на меня прокурорским взглядом. — Я чувствую, что в итоге роковой она для всей страны окажется, а не для тебя, дуры наивной.

— Все, мне пора домой, — сказала я, поспешно допивая горячий чай. — Ты меня ругаешь. На дворе почти четыре утра. Завтра, то есть уже сегодня, я приду, и мы с тобой будем думать...

— О чем? — Блюстителю моей нравственности расстроено захрустел куском рафинада.

— Как можно выяснить время, когда Сталин меня в кабинете будет ждать. Кстати, я там у него паспорт оставила... Ну и одежду с сумочкой... Надо забрать... — Я встала и, напялив первые попавшиеся мне на глаза тапки, пошла к двери.

Глядя мне вслед, Натаныч пробубнил:

— Паспорт... Сумочку... Ты честь свою там потеряла! Пособница террора...

Больше я ничего не слышала, так как быстро побежала вниз, чтобы завалиться спать. Тихонечко повернув ключ в замке, я на цыпочках вошла в квартиру. Но вместо тишины, темноты и полного покоя меня там ждал сюрприз.

Оказалось, что Глеб и посетившая его по случаю моего неожиданного банкета Маша решили провести время не менее продуктивно, чем я. А поскольку мое возвращение совпало с их несколько припозднившимся ужином, они вышли в коридор поздороваться.

— Мама! Что с тобой?! — услышала я вместо приветствия. — На тебя опять бандиты напали? Платье украли?

Я посмотрела на свое отражение в зеркале и расхохоталась:

— Глеб! Поверь мне! Я в полной норме. Платье под надежной кремлевской охраной. Но если я скажу тебе правду, ты не поверишь, да еще и обидишься, как обычно. А на вранье у меня просто ну никаких, никаких сил сейчас нет... — Помахав им рукой, я ушла в комнату, рухнула на кровать и заснула.

* * *

Окончательно придя в себя лишь к вечеру, я стала думать, когда же именно мне лететь в Кремль. При этом воспоминания о прошедшей ночи погружали меня в сахарно-романтическое состояние и одновременно дарили надежду на то, что теперь моя работа по гармонизации общества пойдет, так сказать, широкими стахановскими шагами.

Разумеется, я не питала слишком больших иллюзий относительно вспыхнувшего ко мне интереса товарища Джугашвили: насколько я поняла, ни романтиком, ни хоть сколько-то сентиментальным назвать его было категорически нельзя. Однако того, что он был ко мне сильно равнодушен, сбрасывать со счетов тоже не стоило. Оставалось только понять, в котором часу Сталин желает видеть меня в своем кабинете.

Я привела себя в порядок, надела киношное платье, более-менее подходящие туфли и пошла к Натанычу.

— Явилась, блудница вавилонская? — Он успел остыть и был в отличном настроении.

— Да, дорогой. Штанишки и рубашечку я тебе позже отдам, когда постираю. А тапочки вот, — Я аккуратно положила их в прихожей.

— Ой ты, боже ж мой! — Натаныч всплеснул руками. — Какая ты сегодня скромная, вежливая. Наверное, чего-то хочешь от меня. Скорее всего, помощи в организации любовного свидания. Ну пойдем, потолкуем...

По традиции я села на диван, а он оседлал свой любимый венский стул:

— Ну? И в чем таки заключается твоя проблема?

Я заломила руки:

— Натаныч! Скажи, что делать. У нас совершенно, совершенно не налажено сообщение с 1937 годом! Просто катастрофа какая-то. Ни имейл написать, ни эсэмэску кинуть, ни позвонить...

Он забарабанил пальцами по деревянной спинке:

— Может, ты ему письмо пошлешь?

— А что, это реально? — удивилась я.

— Ну сама подумай, если машина времени отправляет в прошлое любые материальные объекты, то что ей стоит забросить туда какую-то паршивенькую бумажку?

— Ты гений! — Я потеряла руки. — А у тебя есть во что послание запечатать?

Он скакнул вместе со стулом к бюро и вытащил длинный белый конверт:

— Во, у меня их навалом. В них жильцы деньги за квартиру отдают. Так что давай-ка пересаживайся к столу, бери бумагу и пиши свое любовное послание. А я буду контролировать.

Я попыталась протестовать:

— Это, знаешь, как-то не очень прилично с твоей стороны — смотреть, что я там насочиняю. Все-таки это письмо личного характера...

Он артистично развел руками:

— Отныне твоя искренность по отношению ко мне станет платой за путешествия. Больше никаких тайн, недомолвок и сказок. А иначе я программу сотру.

— Ладно уж, — согласилась я и села к столу. — У меня от тебя секретов нет.

С минуту поразмыслив, я посмотрела на стоящего над душой Натаныча, взяла ручку и, тщательно выводя каждую букву, написала: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! Скажите, пожалуйста, когда и насколько Вам будет удобно меня принять. С уважением, Елена Санарова».

Когда я закончила, мой цензор расхохотался и показал пальцем на бумагу:

— Это что такое? Любовная записка или письмо боссу? И это после бурной ночи? Ты почему его по имени-отчеству называешь?

— А что, мне к генералиссимусу на «ты» обращаться? — Я сложила бумагу и положила ее в конверт.

Натаныч важно поправил сползшие на нос очки:

— Я бы, знаешь ли, на его месте сделал тебе замечание. По моему мнению, такие приседания даже для 1937 года совершенно неуместны. Да и потом, он еще не стал генералиссимусом.

— Ну... Не стал... Не стал... Зато страной управляет... Да и вообще... Я как-то стесняюсь...

Он снова рассмеялся:

— Скромница, давай конверт запечатывай. И напиши сверху, кому письмо адресовано, а то мало ли кто его с пола подберет.

Я быстренько все заклеила, написала сверху: «Товарищу Сталину» — и вручила послание Натанычу.

— Сейчас отошлю, — сказал он, отходя с конвертом к ящику, полному каких-то проводов. — Вот только «крокодилов» к штекерам примотаю.

Минуты через три письмо лежало на ковре с прицепленными с двух сторон электродами, а мой почтальон сидел у компьютера:

— Так! Ну, часам к двум он наверняка-таки на работу приехал. Тем более что кроме как в кабинете, больше ему тебя нигде дожидаться... Поэтому заношу в программу 14.00... А таймер... Наверное, пяти минут ему будет достаточно для написания ответа. Как ты думаешь?

— Давай лучше десять, чтобы наверняка... — предложила я, поняв, что начинаю нервничать. — Слушай, а вдруг он не ответит?

Натаныч посмотрел на меня поверх очков:

— Тебе? Не ответит? Ты в зеркало-то на себя смотрела?

Он кликнул по клавише и конверт испарился.

Мы затаили дыхание и стали ждать. Через пять минут раздался хлопок, и на ковре появился распечатанный конверт. Я схватила его и с замирающим сердцем прочитала: «Жду в девять вечера. Желательно на всю ночь. Иосиф Сталин».

Вывхватив у меня из рук листок, Натаныч запрыгал с ним по комнате:

— Ты погляди! Это ж исторический документ! Любовная записка великого тирана неизвестной возлюбленной! Да за эту бумажонку на аукционе «Сотбис» нам бы столько

деньжищ отвалили!

— Ой, слушай... Хватит скакать! Давай забрасывай меня туда на двенадцать часов, а то я уже совсем распереживалась.

Я села на ковер, зажала в руках штекеры вместе с примотанными «крокодилами» и затаила дыхание.

— На двенадцать не могу... — Натаныч застучал клавишами. — Максимальный срок нахождения живого организма в ином временном пространстве составляет десять часов сорок четыре с половиной минуты.

— А если больше?

— Тогда все! — взмахнул он руками. — Финита ля комедия. Распадешься на молекулы, и ветер прошлого развеет твой прах...

Мне стало не по себе:

— Ужас какой! Давай-ка тогда ровно на десять. Не хочу я закончить жизнь в виде молекулярной кучи.

В ответ он угукнул, поправил свою медную пластину и торжественно нажал пальцем на Enter.

* * *

Когда я оказалась в кабинете, Сталин протянул руку и рывком поднял меня с пола:

— Наконец-то! — Он обнял меня. — Что ты за письмо такое мне прислала? Так и будешь «вы» мне говорить?

Я подумала, что Натаныч как в воду глядел, когда делал мне выговор за неуместную стилистику.

— Ну... Постепенно... — залепетала я, проводя руками по его френчу. — У меня получится себя преодолеть, и когда-нибудь... возможно, я скажу вам...

— Скажешь. Только прямо сейчас скажешь.

— Но понимаете... То есть... — Я скрутила волю в жгут и выпалила: — Понимаешь, ведь я тебя в школе проходила! У меня дома энциклопедия Большая советская с твоими портретами стоит... Я привыкла тебя в военной хронике видеть... И в конце-то концов! Мне сложно так сразу привыкнуть...

— Вот и хорошо, — сказал он, отпустив меня. — Поедем ужинать.

На этот раз, к моей великой радости, он сел со мной в одну машину. По дороге мы практически не разговаривали, так как я с его разрешения все время смотрела в окно. Однако мелькающая у меня перед глазами Москва была настолько неузнаваема, что для меня снова осталось загадкой, куда именно привез нас шофер.

За ужином, когда мы вдвоем сидели в тишине просторной комнаты, Сталин сказал:

— Я бы хотел вернуться к тому разговору, который ты начала в моем кабинете.

— С удовольствием. — Я подумала, что сейчас он наверняка заговорит о войне, однако я ошиблась.

— Допустим, что я поверил тебе и ты действительно из 2010 года, — сказал он, глядя на меня своим жутким взглядом. — Тогда поясни, с какой именно целью ты пришла ко мне.

Я скомкала льняную салфетку. Если он все еще сомневается в моей правдивости, то зачем мне раскрывать карты? Сначала нужно убедить его, что я не вру, а потом уже

загружать своими идеями. Но как, как заставить его доверять мне?

— Понимаешь... Этих целей много... К примеру, эта война... — Я схватилась за Великую Отечественную, как за спасательный круг. — Ты выиграешь ее... Но какой ценой...

— И ты хочешь меня дипломатии научить? — усмехнулся он.

— Ах, нет же! — Разволновавшись, я, как обычно, не смогла усидеть на месте и, бросив салфетку на стол, стала ходить по комнате. — Почему, скажи, почему ты мне не веришь? Ну подумай... Прошло больше семидесяти лет. Люди изменились. Весь мир стал иной. Ты же видишь, что я не такая, как другие...

Он перебил меня:

— Вот с этим я действительно не стану спорить. Ты другая. И только поэтому мы здесь.

— Ты не хочешь меня понять! — Я снова села и стала крутить в руках бокал. — Ты сейчас видишь во мне женщину. Не более того... Ну хорошо... Пусть все идет постепенно... Давай я немного расскажу тебе о том, как мы живем сегодня.

— Ну что же. Мне нравится тебя слушать, говори, что там у вас происходит, — сказал он снисходительно.

И дальше я почти полтора часа потратила на разговоры о том, как живут люди в современной России и в странах ближнего зарубежья. Иногда он останавливал меня, чтобы задать вопрос. А иногда не давал мне договорить, догадываясь, чем я закончу начатую фразу. В какой-то момент я почувствовала, что начинаю ходить по кругу, и сказала:

— Рассуждать об этом можно бесконечно! Может быть, ты хоть как-то прокомментируешь то, что услышал?

Сталин встал, отошел к окну и закурил:

— Фактически ты описала тот строй, с которым мы в семнадцатом боролись. Есть богатые, есть бедные, но нет революции. Значит, все довольны тем, как живут?

— Нет. Нет. Это не так! Социализм не оправдал себя. Но и капитализм — он не идеален. И все это понимают. Просто одних это устраивает, а других — нет.

Он посмотрел на меня с каким-то сочувствием:

— Слушай, сейчас 1937 год. Мы живем в Советском Союзе. Мы строим общество, равного которому нет нигде в мире. И ты хочешь убедить меня в том, что все это рухнет?

— Да! Потому что это действительно рухнет. Потому что это не может не рухнуть, в конце-то концов! — Я села на диван и устало вздохнула. Мне дико хотелось перевести разговор на репрессии, но я понимала, что еще не время. Поэтому я сказала: — Ну, в конечном счете мне не о чем жалеть. Если забыть про мой неудачный визит в НКВД, то в целом я могу быть довольна своей экспедицией. Ведь я познакомилась с тобой.

Перестав курить, он подошел и сел рядом:

— Ты все-таки удивительная женщина. Если внимательно слушать, что ты говоришь, то страшно становится, насколько ты далека от политики. И с такими представлениями ты пришла со мной разговаривать? Ты сама-то это понимаешь?

В отчаянии я положила голову ему на плечо:

— И что же мне теперь делать?

— Спать идти. Вот что тебе делать.

Рано утром я проснулась и быстро посмотрела на часы. До моего возвращения оставалось десять минут. Я хотела вскочить и броситься одеваться, но Сталин поймал меня:

— Подожди. Когда ты снова придешь?

Я грустно усмехнулась:

— Когда позовешь.

— Позову когда? А если я каждый день тебя звать буду?

— Значит, буду приходить... — Я снова дернулась, но он не отпустил.

— Буду тебя ждать в четыре. Мы поговорим с тобой кое о чем. Иди. И не забудь свои вещи. Они в свертке на стуле лежат. Да... И розы заberi. Там в вазе.

Так с огромным букетом непонятно где выращенных роз неведомого сорта и невероятного для 1937 года палевого цвета я оказалась возле крепко спящего Натаныча. Мне не хотелось его будить, и, чтобы как-то обозначить факт своего возвращения, я отыскала на кухне пустую бутылку, налила в нее воды и поставила одну розочку рядом с компьютером.

* * *

Хотя часы показывали шесть тридцать утра, спать я не собиралась. Во мне бушевала такая гамма чувств, что я была рада возможности посидеть и спокойно подумать о своей жизни.

Я сварила кофе, намазала бутерброды и стала разглядывать занимающий полкухни букет. Итак. Подведем итоги и здраво посмотрим на то, что происходит. Во-первых, я возомнила себя уникальной личностью, которая сможет превратить Россию в чудо-страну с совершенно непонятным строем. Во-вторых, я оказалась абсолютно не готова к хоть сколько-то серьезным действиям, поскольку вообще ничего не смыслю в политике и макроэкономике. При этом у меня нет даже зачаточных знаний в политологии и социологии, а в области политтехнологий я вообще, как говорится, тундра нераспаханная. На проверку выясняется, что у меня в голове, как призрак по Европе, бродят лишь обрывочные воспоминания из курса политэкономии, чертова куча исторических догадок, не подкрепленных подлинными документами, а также острое желание во что бы то ни стало сделать счастливыми миллионы людей. В-третьих, я со всем этим поражающим воображение багажом отправилась не к кому-нибудь, а к Сталину — убежденному коммунисту и, строго говоря, жестокому диктатору, который, по всей видимости, из всего, что я успела ему наговорить, серьезно воспринимает не более пяти процентов. В-четвертых, я завела роман с человеком, чувства к которому уже сейчас выжигают мои внутренности напалмом, а в дальнейшем, скорее всего, вообще лишат меня воли и остатков разума. И в-пятых, я совершенно не знаю, как мне быть дальше, потому что я безумно влюблена, потому что я хочу исправить мир и потому что я всю жизнь, как окончательная дура и идиотка, идеализирую мужчин, с которыми сводит меня судьба.

Ощущая себя вконец несчастной, я сделала глоток своего любимого эфиопского кофе, тяжело вздохнула и вдруг увидела в дверном проеме Глеба, лицо которого выражало острое недовольство.

— Мам! Ты что, закрутила с Натанычем? — спросил он и, налив себе чай, уселся с другой стороны стола.

— Ты с ума сошел! — Я не могла не рассмеяться. — С Натанычем? Да как тебе такое на ум пришло? Нет, что ты!

В ответ сын решил поразить меня набором улик:

— Сначала ты несколько дней безвылазно сидела у него дома. Потом ты якобы ушла на банкет, а вернулась не в платье, а в Натанычевых портках и рубашке. А теперь ты уходишь к

нему на всю ночь и возвращаешься с пучком роз! — Он зло посмотрел в сторону растопырившегося букета.

Я вздохнула. Бороться с его ревностью было бесполезно. Это я поняла еще в те далекие времена, когда ему только-только исполнилось семь лет. Надо было срочно выдумать хоть сколько-то правдоподобную историю.

— Глеб... Ты же знаешь, что Натаныч — мой давний друг. Сейчас он заковырялся с одной программой, которая написана на английском. Он иностранного не знает вообще... Поэтому я ему помогаю. Ну не бросать же мне его в беде, в самом-то деле!

— А куда тогда делось платье? И этот куст... Его тебе Натаныч что ли подарил? Никогда в это не поверю. — Он забрал мой бутерброд, видимо решив наложить на меня контрибуцию за плохое поведение.

Мне же пришлось безбожно врать:

— Платье вот, — показала я на бумажный сверток. — В конце ужина я пролила на него коктейль и, расстроенная, поехала домой, но по дороге встретила Натаныча, которого прихватил сердечный приступ прямо в подъезде. Мне пришлось тащить его до квартиры и вызывать скорую. Машина долго не приезжала, мне было липко и мокро в промоченном коктейлем платье, поэтому я переоделась в первое, что подвернулось под руку. Врачи попросили меня на некоторое время остаться. А сегодня я увлеклась, припозднилась, зато перевела довольно большой кусок его программы. И вот в благодарность за спасение и помощь в работе он преподнес мне розы, которые ты, кстати сказать, зря называешь кустом.

— Понятно... — скептически буркнул Глеб. — Пойду-ка я посплю еще пару часиков.

— А ты что в институт не идешь? — закудаhtала я.

Он скептически покачал головой:

— Мам, летние каникулы начались. Я вчера последний экзамен сдал.

Оказывается, я совершенно забыла, что у него была сессия! Какой ужас! Мучимая совестью, я прибралась на кухне и решила посадить себя на несколько дней под замок. Помимо всевозможных мелочей, накопившихся за время моих путешествий, надо мной висел перевод толстенного каталога, который вчера днем мне прислал заказчик, намекнув при этом, что все надо сделать в кратчайший срок.

Я пошла в комнату, включила компьютер и села за работу, тщетно пытаясь не думать о пламенных объятиях товарища Джугашвили.

* * *

Ближе к полуночи, когда я уже в пижаме сидела на кухне и заедала тоску плиткой молочного шоколада, позвонил Натаныч.

— И таки что? — спросил он голосом, жаждущим откровений. — Цветок стоит и чахнет. От тебя весь день ни слуху ни духу. Я страдаю перфекционизмом и в сотый раз переписываю итерационную программу переделки мира. Такое положение дел, знаешь ли, начинает беспокоить.

Меня так и подмывало сказать ему, что сейчас я оденусь и прибегу, чтобы сломя голову лететь в 1937 год. Но я держала себя в руках и придумывала разные отговорки:

— Ох... Меня в сон клонит... Я вообще-то уже в кровати лежу...

— Да? — захихикал он. — А спать-то еще рановато. Давай-ка напяливай хоть что-то

приличное и айда ко мне. Поболтаем.

Быстро запихнув в рот остаток шоколадки, я в темпе натянула джинсы, ковбойку и, надев на босу ногу кроссовки, помчалась наверх.

— Ой, Натаныч! Даже не знаю, как быть... Как быть... — стала я громко сетовать на судьбину. — И на кой я все это затеяла?.. Летела бы Николаю Второму и занималась там сельхозреформами... Или бы к Троцкому твоему пошла, чтобы выяснить, для чего ему красный террор понадобился... А тут... А тут...

— Да, подруга... Развезло тебя, я смотрю... Ну Иосиф Виссарионыч, ну мужик! Такую женщину до депрессняка довел! — Он сочувственно сунул мне под нос тарелку с печеньем. — Расскажи хоть, на чем вы там с ним сговорились.

Я заняла:

— Он сказал, чтобы я в четыре пришла. Вроде как поговорить о чем-то хочет. А я... А я...

— Понял. А ты, как Алеша Птицын, характер вырабатываешь, — хихикнул Натаныч, вспомнив древний кинофильм. — Ну, ну... Пострадай еще денек. От разлуки, знаешь ли, женские чувства прямо-таки пионерским костром разгораются.

Похрустев печенюшкой, я немного успокоилась и спросила:

— А что ты там переписываешь и переписываешь? Ты же говорил, что все готово.

— Понимаешь... — Он стал по своему обыкновению манерно жестикулировать. — Если временную программу, с помощью которой ты летаешь в прошлое, можно было многократно тестировать, ну, к примеру, запуская каких-нибудь хомячков к Иоанну Грозному или шляясь по Москве в обнимку с Айседорой Дункан... То корректную работу итерационной программы проверить практически невозможно.

— Почему?

— Потому что для постановки мало-мальски серьезного эксперимента надо сначала рвануть в прошлое, потом что-то там сильно сдвинуть, а после этого с риском для всего человечества долбануть по кнопке и превратить фантазию в реальность. И ты думаешь, что я могу себе это позволить? — с чувством спросил он.

— Ты ученый, дорогой мой друг, — сказала я, похлопав его по острому плечу. — А значит, без экспериментов мы не обойдемся. Ладненько, пойду-ка я лучше спать. А то мне совсем тошно. И кстати, я так и не поняла, почему ты переживаешь. Слетал бы в какой-нибудь 1968 год, посадил у нас во дворе деревце да и посмотрел, появится оно напротив наших окон с утра пораньше или нет...

Он покачал головой:

— Иди действительно поспи. А я тебе в другой раз объясню, почему деревце твое, полвека назад посаженное, никогда, понимаешь, просто никогда, ни при каких обстоятельствах не появится под окном завтра.

В ответ я махнула на него рукой и ушла, погруженная в свои душевные томления.

* * *

Двое суток я переводила проклятуший каталог про окончательно доставшее меня производство пакетированных соков. Потом полдня помогала Глебу собирать чемодан, так как он ни с того ни с сего купил себе и Маше горящие путевки в какую-то дикую страну

безвизового въезда и спешно готовился к отлету. А вечером после аэропорта я вернулась домой и села за стол, уставившись в экран ноутбука.

Как, как мне уговорить его проникнуться моими идеями и начать думать над созданием идеального государства? Я стала прыгать с одного сайта на другой, по диагонали читая описания всяких исторических событий, потом в сотый раз изучила биографию Сталина, ознакомилась с мнением о нем официальных лиц, проштудировала ошеломляющие данные соцопросов и в итоге пришла к выводу, что во всем этом гораздо больше идеологических штампов, чем правды. Никакого решения у меня в голове не было. И я поняла, что хочу только одного — остаться с ним наедине и послать куда подальше все эти исследовательские догадки и сомнительные документы.

Переодевшись в свою летнюю униформу, я позвонила Натанычу:

— Слушай... Забрось меня в Кремль... Я больше не могу...

В трубке раздался смех:

— Да... Это любовь... Ну давай, приходи ко мне.

Через пять минут я уже сидела на ковре и ждала, когда Натаныч даст мне электроды. На мою беду, он решил их перепаять, но впопыхах уронил на пол кусок канифоли и теперь никак не мог выловить его из-под дивана.

От нечего делать я стала разглядывать убогую обстановку его квартиры.

— Слушай, Натаныч, а это бюро тебе от родителей досталось? — спросила я, глядя на обшарпанные ящички.

— Ха! От родителей! — запыхтел он, шаря линейкой в клубках пыли. — От родителей, моя дорогая идеалистка, мне досталось только имя, с которым меня сначала отправили в детдом, а потом долго и упорно не брали в институт.

— Понятно... Хотя нет, подожди... А с кем же ты тогда жил на Зачатьевском, где я телепортировалась?

Он наконец-то отловил свою канифоль и стал ловко орудовать паяльником:

— С дальними родственниками я там жил. После того, как им все-таки вследствие каких-то удивительно счастливых обстоятельств разрешили меня воспитывать. Ну а та комнатка в коммуналке, где я родился, находилась в доме на Чистаках, которого сейчас уже и в помине нет. Именно туда-то я и ходил, когда испытывал на себе машину времени.

— Да... — сочувственно протянула я. — А все-таки, что там произошло-то в 1938-м?

Он отложил паяльник в сторону и развел руками:

— Ничего неординарного. Мать была учительницей. А отец занимался теоретической физикой... Думаю, что в своих изысканиях он шел в параллели со Шредингером. Хотя... Это не более чем мои догадки, потому как я могу судить об этом только с дядькиных слов.

— А потом?

— Ну, кто-то вроде стукнул на него... Не знаю точно, как именно... Но, дескать, когда Шредингер в 1933-м Нобелевку получил, папаша мой воспринял это близко к сердцу и вроде как озадачился переплюнуть его достижения. Работал он, работал, а потом в 1938-м якобы стал всем рассказывать, что он таки действительно что-то такое открыл. Ну и вроде как было непонятно, откуда он вообще был так осведомлен о том, что за бугром происходит. Короче, долго никто разбираться не стал... Шлепнули — и дело с концом... Ну хватит... Держи давай электроды.

— Нет, подожди! — Я поймала штекеры и положила их на ковер. — Напиши мне, как звали твоих родителей, когда они родились и где жили.

— Зачем?

— Ну мало ли как там у меня разговор повернется... Вдруг что-нибудь получится изменить.

Натаныч тяжело вздохнул и быстро нацарапал на бумажке имена, даты и несуществующий ныне адрес.

— Все, — сказал он, вручая мне листок и штекеры. — Лети уже, а то я еще поработать хочу.

Он ввел в компьютер 16.00 и, поставив таймер на полтора часа, отправил меня в Кремль.

* * *

— Как же я соскучилась, как соскучилась! — запричитала я, повиснув у Сталина на шее. — Нет... Это было непереносимо — не видеть тебя так долго...

— Долго? — удивился он. — У тебя там что, несколько дней прошло?

— Да... Мне надо было переводить... — Я обнимала его, не в силах оторваться. — Понимаешь, срочный заказ...

Он усмехнулся:

— Ты бы лучше синхронно со мной расставалась. Подождал бы твой перевод несколько часов. Никто бы не умер. А то это как-то неправильно получается. Ладно... Что теперь говорить. Пока время есть, пойдем прогуляемся немного.

Мы вышли на улицу и вскоре оказались примерно в том месте, которое изобразил Герасимов на своей еще не написанной в 1937 году картине «Сталин и Ворошилов в Кремле». Я еле сдержалась, чтобы не расхохотаться, подумав о том, что выступаю в роли наркома обороны. Не слишком ли много параллелей с уважаемым Климентом Ефремовичем?

— Ты что такая задумчивая? — Голос Сталина вернул меня к реальности. — Решаешь, что бы еще такого мне рассказать о вашей неразберихе буржуазной?

— Ну, рассказывать-то я бесконечно могу. Был бы еще от этого толк. — Я остановилась и посмотрела в сторону Замоскворечья. — Красота! Так бы и не улетала никуда. Москву бы посмотрела, по улицам прошла... Жаль, что меня по времени ограничили. Не дольше десяти часов за один раз...

Сталин взглянул на меня с плохо скрытой ревностью:

— Скажи мне, а кто тебе помогает? Кто вообще изобрел весь этот механизм, если он вообще существует?

— Все не веришь? — рассмеялась я и, подпрыгнув, села на парапет. — Это машина времени. Ее придумал мой друг... Мы живем в одном доме — он на девятом, а я на шестом этаже...

— Друг, значит?

Меня передернуло от его взгляда, и я решила по-быстрому прояснить ситуацию.

— Да друг, друг действительно... Ой... — Тут я вспомнила о разговоре про отца Натаныча и решила, что надо срочно воспользоваться ситуацией. — Тут такое дело. Я, правда, не знаю даже, как тебе сказать...

— Ну говори уже как есть.

— Понимаешь, этот товарищ мой... Геннадий Натанович его зовут. Он здесь, в 1937-м, только-только родился. А через год его родителей арестуют и расстреляют.

— За шпионаж, наверное? — предположил Сталин, почему-то внимательно рассматривая мое мосфильмовское платье.

— Из-за клеветы. Их потом полностью реабилитируют. Это ошибка, ручаюсь тебе. — Я достала из кармана бумажку и протянула ему. — Пожалуйста, если будет время... Ну... Проконтролируй как-то, чтобы этого не произошло. Ладно?

Сталин забрал листок и, ухмыльнувшись, покачал головой:

— Ты, может быть, все-таки цыганка какая-то? А? Почему тебе так легко меня убеждать удается? Люди тут бьются, доказывают мне что-то, а ты так просто приходишь, говоришь чушь всякую, а я тебя слушаю. Да еще и соглашаюсь на выдумки твои.

— Наверное, я тебе нравлюсь... — гордо предположила я, вдруг осознав, что хоть худо-бедно, но все-таки выю веревки из будущего генералиссимуса.

Он рассмеялся:

— Нравишься, нравишься. Не волнуйся. Только вот платье это твое мне уже до смерти надоело. Тебе что, носить больше нечего? Хоть бы сшила себе что-нибудь новое...

— Сшила? Я, во-первых, шить не умею, как, впрочем, и многие, кто в 2010 году живет. А во-вторых, не так-то просто найти там довоенный наряд. Это платье мне, между прочим, на киностудии подарили.

— Вот и оставь его как музейный экспонат довоенного, как ты выражаешься, времени. А ко мне, уж будь любезна, приходи в чем-то более элегантном.

Я чуть с паркета не свалилась. Какие я слышу речи! И как мне теперь одеваться с моей-то скромной зарплатой? В модных домах европейских кутюрье?

— Но я могу надеть только современные вещи... Платья, костюмы, туфли... Как я буду выглядеть во всем этом здесь, в тридцать седьмом-то году?

— Ну, я и посмотрю, как выглядеть будешь. Ты когда обратно собираешься?

Я взглянула на часы:

— Через двадцать пять минут. Ты же не сказал, на сколько именно мне приходить. Я и решила с коротким визитом к вам нагрянуть, уважаемый секретарь ЦК ВКП(б).

— И правильно сделала. А теперь вечером приезжай в одиннадцать. Прямо ко мне на дачу сможешь прийти?

Я отрицательно покачала головой:

— К сожалению, это неосуществимо. Дело в том, что в машину времени надо вводить координаты. В первый раз я прилетела в Зачатьевский переулок. Но потом... Ну ты помнишь, что потом было из-за пропусков этих. Ну вот, и поэтому пришлось искать координаты твоего кабинета. Ну а в него же в 2010 году просто так не пускают... Ну и, в общем, это целая история была, как мой друг координаты определял своим прибором. А дача, где, как я поняла, мы с тобой прошлый раз были, у нас там вообще как военный объект охраняется. Поэтому на ее территории я никогда, никогда не смогу появляться.

— Никогда?

— Никогда!

Он посмотрел на меня как на полную бестолочь:

— Нет. Это поразительно! А ты не подумала, что если ты этот прибор сегодня с собой возьмешь, то тогда координаты сможешь без погрешности замерить?

— Ой, правда... — удивилась я. — Тогда я его принесу. А куда мне прилетать-то?

Может, снова в Первый Зачатьевский? Там дом номер тринадцать.

— Хорошо. Я машину за тобой в пол-одиннадцатого пришлю. А теперь пойдем обратно, а то исчезнешь сейчас — и что люди тогда подумают...

Телепортировавшись, я быстро вскочила с ковра:

— Натаныч! Я смотаюсь домой, переоденусь, и ты меня снова туда забрось. Только теперь в Зачатьевский в 22.30 и на максимум, то есть на десять часов. Ага? И прибор тот дай, которым твой друг с пылесосом координаты замерял.

— Это еще для чего?

— Чтобы я сразу к Сталину на дачу попадать могла.

Натаныч оторвался от компьютера и удивленно посмотрел на меня:

— Ты-таки умнеешь прямо на глазах. Я поражен. Ну давай, давай... Развлекайся, пока Глеба нет.

Вернувшись к себе, я застыла перед шкафом. Как он сказал? В чем-то более элегантном приходи? Я скептически окинула взглядом свои «шикарные» наряды. С таким гардеробом можно вообще все дело провалить. Завтра придется совершить шопинг и прикупить себе что-нибудь необычное... Такое, что сможет произвести впечатление на нашего эстетствующего советского тирана. А пока... Я надела свое любимое обтягивающее платье из тугого трикотажа в лазурно-бело-красную полоску и, дополнив это шпильками, пошла обратно.

— Прибор готов? — спросила я, привычно садясь на пол.

— Вот! — Натаныч протянул мне бумажный сверток, перетянутый шпагатом. — Поставишь в нужное место. Нажмешь на лиловую кнопочку — и все! Без самодеятельности, пожалуйста.

— Я тебе не дурочка!

— Так я уже это понял!

И он отправил меня в 1937 год.

Выскочив из-за знакомых мусорников, я быстро обошла дом и села в ожидавшую меня черную машину. Спустя некоторое время я уже была на даче и тонула в сталинских объятьях.

— Ужинать будешь? — спросил он, неохотно отпуская меня.

— Нет. А ты? — Я не глядя поставила прибор на стол.

— Да о каком ужине разговор? Я ни о чем думать не мог. А теперь и вовсе. И ты еще в таком платье пришла... Я в конце концов голову от тебя потеряю. Пойдем уже...

Когда глубокой ночью мы лежали обнявшись, я спросила:

— Скажи, неужели тебе было не жалко отправлять меня на Лубянку?

— Нет.

— Я тебе совсем не понравилась? Не заинтересовала тебя своим предложением рассказать правду о судьбе государства?

Он еще сильнее прижал меня к себе:

— За день до твоего появления один инцидент произошел... Детали его тебе знать не нужно. Но суть в том, что я распорядился всех, кто как-либо попытается пройти в Кремль для встречи со мной, сначала обыскивать, а потом под пристальным надзором приводить в кабинет. Этот приказ был устный и секретный. Поэтому твои историки в будущем, скорее всего, ничего о нем не знают.

— Надо же... Как мне повезло, — восхитилась я интуицией своей сестры Галины. —

Как правильно был выбран день посещения. А что же произошло дальше?

— А потом мне сообщили о тебе. Привели. И я увидел красивую, но, к сожалению, на мой взгляд, совершенно умалишенную женщину. И все...

— И ты приказал меня расстрелять?

— Нет. Это самоуправство было. Виновные наказаны. Тебя устраивает такой ответ?

Спрашивать о том, что именно сделали с моим немногословным, но хорошо орудующим сапогами следователем, я не рискнула. И решив сменить пластинку, сказала:

— Устраивает. А о моих родственниках? Ты уже все, наверное, знаешь, да?

Он рассмеялся:

— Все действия мои контролировать хочешь? Ну, если в меру, то можно... Да, мне все о предках твоих доложили. Оказывается, прадед твой — это тот самый Санаров, который в свое время под начальством Менжинского работал. Ты почему мне не сказала, что он одно из отделений секретного отдела ГПУ возглавлял?

— А я и не знала, — удивилась я. — Вообще, слышала что-то такое, но никто никаких деталей мне не рассказывал. Но правда, похоронили же его на Новодевичьем кладбище... Значит, он был каким-то уважаемым человеком в этом аппарате. Но мне, знаешь, как-то другой прадед ближе, тот, который энергетикой занимается. Его я хорошо помню, он прожил долго. А скажи, в какой момент ты поверил, что я прихожу из 2010 года?

— После того, как увидел результаты экспертизы фотопленки и доклад специалистов о твоей машине информационной. Хотя... Сомнения у меня до сих пор остаются...

Услышав это, я расстроилась. Значит, он верит только безусловным материальным доказательствам. На мои слова ему просто наплевать. И как в этом случае заставить его взять в толк, что до войны осталось всего четыре года? Что же это за упертость-то такая? Тут я вспомнила о Натанычевом приборе.

— Ой! Мне же надо координаты замерить. — Я вскочила с кровати и, накинув выделенный мне госхалат, убежала за свертком.

Вернувшись, я села на корточки и, шурша бумагой, начала примеряться, в каком месте мне будет удобнее телепортироваться.

— Что ты там в темноте возишься? — спросил Сталин, пытаясь рассмотреть, что я делаю. — Свет зажги.

— Нет, нет, я уже почти готова.

Я установила прибор возле окна и нажала на предмет Натанычевой гордости — лиловую кнопчку. Внутри крикнуло, свистнуло и замолкло. И это все? Меня так и подмывало надавить на нее еще раз, но, вспомнив предупреждения своего друга, я решила не искушать судьбу.

— Ура! Теперь я смогу появляться здесь, когда ты захочешь... — Я нырнула обратно в кровать и, смеясь, полезла обниматься. — Ну скажи... Когда мне прилетать? Когда? Или я тебе уже надоела?

В ответ он сжал меня в кольцо объятий:

— У вас там в 2010 году все женщины такие?

— Какие? — Я продолжала его целовать.

— На комплименты напрашиваешься? Хорошо, скажу тебе, какие. Такие вот, пылкие, нежные, веселые, не особенно, правда, умные, судя по твоим суждениям, зато красивые, ну и довольно смелые, раз ты не побоялась в Кремль прийти.

— Кроме меня, там таких больше нет! — гордо ответила я. — Елена Григорьевна

Санарова — создание эксклюзивное! Можешь собой гордиться. Какую уникальную женщину ты очаровал!

— И когда эта уникальная женщина в очередной раз испариться собирается? — В его тоне чувствовалось недовольство.

— Полдевятого. Но я же вернусь. Почему ты так говоришь?

— Потому что я не люблю, когда кто-то или что-то выходит у меня из-под контроля. Я не могу быть уверен в том, что ты появишься, когда обещала. И это меня из себя выводит!

От того, каким тоном он сказал последнюю фразу, во мне все похолодело. Я поняла, что, хоть мы и перешли на новый уровень общения, бояться я его так и не перестала.

— Так когда мне приходить-то?

— Полдевятого утра, — резко сказал Сталин.

— Но полдевятого я только уйду.

— Значит, вернешься в восемь часов тридцать минут и одну секунду! Я так хочу. И не вздумай там у себя несколько дней сидеть. Я сразу это почувствую!

— Ладно. Ладно. Как скажешь... У меня как раз что-то вроде отпуска получилось. Могу себе позволить отдых.

— Очень хорошо. У меня тоже завтра день свободный. Вместе его и проведем. А теперь спать ложись. Иначе свое возвращение в 2010 год проворонишь и будешь там опять без одежды прыгать...

* * *

Телепортировавшись возле мирно посапывающего Натаныча, я призадумалась, как быть дальше. Я, конечно, обещала Сталину мгновенно вернуться обратно. Но, с другой стороны, почему я, собственно, должна его беспрекословно слушаться? Он мне не указ! Я женщина свободная. И вообще... Мне надо по магазинам прогуляться, чтобы его же, кстати сказать, блажь удовлетворить с нарядами этими, как он выразился, более элегантными. И потом, я должна отдохнуть от постоянного напряжения, в котором он меня держит. Слова лишнего ему не скажи. Исчезновения мои его бесят. В рассказы он мои не верит... Все!

Я встала с ковра и, поставив на видное место координатный прибор, тихонько ушла. Приняв душ, я накрасилась, быстро похлебала кофе и поехала в банк, чтобы снять часть заначки. Да... Что-то эта связь мне обходится довольно дорого. Сначала реабилитация после лубянских застенков, теперь разорение с этими платьями... А в ответ никакого желания исправлять историю. Только тираническая деспотия.

Часа три я болталась по торговому комплексу, ломала голову над тем, что именно может понравиться драгоценному Отцу народов, заставляла себя думать о том, что видеть его не желаю, что связалась с ним только для того, чтобы совершить мировой переворот, и что я совершенно, ну ни капельки в него не влюблена.

Примерно к часу дня, когда багажник был полон всяких костюмов и обуви в стиле Марлен Дитрих и Греты Гарбо, я почувствовала, что меня просто ломает от потребности его видеть. Усевшись в машину, я положила голову на руль и стала громко скулить, пользуясь тем, что за поднятыми стеклами меня никто не слышит. Почему, почему я так втрескалась? Я же ни о ком теперь и подумать не смогу после этого романа! И как я буду жить, если он вдруг решит, что больше не хочет меня видеть?.. И что я буду делать, если он перестанет

меня к себе звать?..

Почувствовав, что страдание в одиночестве — не лучшее лекарство в моем печальном положении, я схватила телефон и позвонила своей школьной подруге, которая была единственным человеком, знавшим о моей личной жизни абсолютно все.

— Оль, ты дома? — простонала я в трубку, надеясь, что она будет рада меня и слышать, и видеть.

— Только встала, — томно сказала она. — А что?

— Я сейчас к тебе приеду. Ты никуда не уйдешь? Сегодня вообще какой день недели?

— У нас тут суббота, дорогая подруга, лето, 2010 год. А ты где летаешь? В виртуальной реальности?..

Пообещав рассказать ей всю правду о своей несчастной жизни, я вдавила педаль газа в пол и через двадцать минут ворвалась в ее квартиру, наполненную ароматами элитных сортов кофе, сигаретным дымом и нотами селективной парфюмерии.

— И что стряслось? — спросила она, шурша по кухне карминным халатом из натурального шелка. — Кофе будешь?

— Буду! — Я утонула в диване.

Передо мной появились чашечка костяного фарфора и блюдце с каплеобразным пирожным.

— Оля! Я влюбилась! Я умираю! Я жить без него не могу! — заявила я и стала нервничать, размешивать сахар.

— А... — Она插вила сигарету в декадансовский мундштук и, закурив, выпустила кольцо дыма. — Мне кажется, что я уже это от тебя слышала... Дай-ка подумаю, сколько раз...

— Не надо думать! — Я схватилась за голову, как актриса древнегреческого театра. — Такой! Понимаешь, такой роман у меня впервые!!!

— Да что ты? — Поскольку удивить ее было практически невозможно, она посмотрела на меня с легким сочувствием. — И где же ты с ним познакомилась?

Я замаялась, понимая, что в этот раз мне впервые придется рассказывать ей усеченную правду.

— Познакомилась... На банкете познакомилась. Я там фламенко танцевала с нашей группой. Ну а он за столом сидел. Потом подошел и... Ну и сказал, что поражен вроде как моей красотой.

— А лет ему сколько?

— Он меня на девятнадцать старше.

Она закатила глаза и стряхнула пепел в ониксовый лист винограда:

— Ты на эти грабельки-то у нас в который раз наступаешь? А?

— Ну, это так случайно получилось, — стала оправдываться я. — Это рок, наверное, такой.

— Так. Ну и чем занимается твой герой?

Я стала лихорадочно придумывать хоть что-то подходящее:

— Он... Он партийный лидер.

— Что?! — Кажется, в этот раз мне действительно удалось ее ошарашить. — И что, он партию какую-то возглавляет?

— Да. Возглавляет. Много лет.

Залпом выпив кофе, я принялась за пахнущее корицей пирожное, а Ольга, наконец-то

всерьез заинтересовавшись моим нестандартным избранником, продолжила меня интервьюировать:

— И как его зовут?

— Иосиф.

— Что это за имя такое?

— Он грузин.

Она отложила мундштук в сторону:

— А я раньше и не знала, что тебе кавказские мужчины нравятся.

— Я тоже не знала, пока с ним не встретилась, — развела я руками.

— Так... — Она закурила следующую сигарету и сварила нам еще по порции кофе. —

Женат, да? Как обычно? Снова за старое?

— Нет, не женат, — обрадовалась я, что наконец-то могу сказать правду. — Первая жена у него умерла, а вторая застрелилась.

— Потрясающе! Потрясающе! — она постучала алым наманикюренным ногтем по виску. — А живет-то он где, надеюсь, не в Грузии?

— Нет, он в Москве уже очень давно. У него квартира в самом центре, ну центрее просто некуда. А в районе Поклонной горы — дом... Ну, типа коттеджа...

— На Рублевке, что ли?

— Нет, там... Кажется, на Можайке... Короче, не знаю я, как объяснить. Я сама туда не езжу. Меня шофер отвозит.

— Значит, миллионер?

— Ой, нет... Денег у него нет. У него все мысли только о партии... Не ворует... И характер тоталитарный.

Она снова зажгла сигарету:

— Ну, про внешность я тебя уж даже не спрашиваю. Зная тебя, мне и на фотографию смотреть не надо, чтобы понять, как он может выглядеть.

Я выпила еще кофе и завывала:

— Ой, как же мне плохо. Как мне плохо... Это не роман... Это пытка какая-то...

— И ты удивлена? — Она посмотрела на меня своими огромными глазами. — Это же надо было такое вытворить!!! Влюбиться в годящегося тебе в отцы тоталитарного партийного грузина, который одну жену уморил, а другую довел до суицида. Да еще при этом у него и денег нет! Ты, я тебе скажу, подруга, снова кое во что вляпалась!

— Ага, — засмеялась я, поняв, какой портрет она выписала с моих слов. — Только в этот раз я вляпалась в партию!

— А в какую, интересно знать? В оппозиционную?

— Нет! Ты не поверишь, но скажу тебе честно — в коммунистическую!..

После этого я еще минут сорок стонала. Потом, успокоившись, рассказала ей про Глеба и Машу. Затем вдруг снова начала жаловаться. И осознав, что более не в силах находиться в 2010 году, стала собираться, клятвенно пообещав Ольге, что не буду делать попыток выйти замуж, ни за что не переселюсь в коттедж и никогда в жизни не вступлю в компартию.

* * *

Приехав домой, я быстренько развесила наряды, переоделась в свое полосатое платье,

чтобы создать иллюзию, что я отсутствовала не больше минуты, и позвонила Натанычу:

— Привет. Слушай, мне надо туда. Срочно. Я сейчас поднимусь, ладно?

— Нет, нет, нет... Только не сейчас... — Он был весь на взводе и почему-то говорил шепотом. — Я очень занят. Я работаю! Мне нужен комп. Я сейчас посижу некоторое время, а потом... Потом... Короче говоря, давай я утром тебя туда отправлю. Ты там, в 1937-м, в котором часу должна быть?

— В восемь часов тридцать одну минуту. А какое это имеет значение?

— Отлично! — Он начал слегка заикаться, из чего можно было сделать вывод, что он сильно врет. — Тогда и приходи к полдевятому. Так у тебя не будет переутомления от сдвига часовых поясов.

— Каких поясов, Натаныч! Что ты мелешь? — возмутилась я. — Закинь меня туда да и пиши свои итерационные программы. Ты что, хочешь, чтобы я здесь в ванне утопилась от неразделенной любви?

— Все! Все! Не отвлекай меня. Встретимся утром. А пока посиди, почитай что-нибудь. Про лагеря книжка есть очень поучительная, известного писателя...

— Иди ты знаешь куда вместе с писателем этим! — я бросила трубку и повалилась на кровать.

Мне казалось, что еще чуть-чуть — и меня хватит удар. Это ведь какой же кошмар-то! Если закрыть глаза на временную непараллельность наших свиданий, то мы знакомы всего-то несколько дней. А как далеко все зашло!

Я побрела на кухню, с силой запихнула в себя яичницу с бутербродом, потом вернулась в комнату, написала всем заказчикам, что улетела в отпуск, и потратила остаток дня на просмотр скачанного из сети документального многосерийного фильма о Второй мировой войне. В десять вечера, вдоволь налюбовавшись Сталиным в интерьерах ставки Верховного главнокомандования, я выпила рюмку валерьянки и легла спать.

Утром я ожесточенно давила на звонок Натанычевой квартиры.

— Заходи, — тихо сказал он, появившись на пороге в каком-то допотопном костюме семидесятых годов. — Все твои измерения в норме. Сейчас заполню координатную сетку и отправлю тебя.

Я прошла в комнату, села на ковер и посмотрела на Натаныча. Выглядел он, прямо сказать, неважно.

— А что с тобой случилось-то? — спросила я, подтягивая к себе за провода электроды. — Ты, может, переутомился? Ты вообще, зачем по ночам все время работаешь? Ляг хоть, поспи немного.

Он закивал головой и, ссутулившись, стал вводить в компьютер координаты.

— Да, да... Посплю... Да, да... — бормотал он и быстро шлепал по кнопкам. — Надо надо мне сделать перерыв... Ну вот. Готова? Тебя туда до вечера?

Я кивнула. И сообщив мне, что время возврата — 18.30, Натаныч отправил меня на дачу.

Как и было запрограммировано, я появилась не в большой комнате, где мы расстались перед завтраком, а возле окна в спальне. За ту минуту, которую я отсутствовала в 1937 году, Сталин успел дойти до места моей телепортации, и теперь я оказалась на ковре прямо возле него.

Посмотрев на меня не дольше секунды, он в ярости схватил меня за плечи и, поставив на ноги, сильно сжал:

— Я же сказал, чтобы ты пришла сразу!!! Сколько времени тебя здесь не было?!

Мне показалось, что еще немного — и я начну дымиться под его взглядом. Может, наврать ему, что я отсутствовала час?... Или два?... Или уже не нарываться и выступить с чистосердечным признанием? Я еще раз посмотрела ему в глаза и поняла, что он испытывает острое желание мне двинуть.

— Сутки, — на свой страх и риск шепнула я и попыталась выдернуться.

Но он не отпускал меня:

— Тебя сутки не было?! А где ты была эти сутки?! Где?!

— По магазинам ходила, — продолжала я лепетать вполголоса.

— Так! Пойдем! — Он выволок меня за руку из спальни и швырнул на стоявший посреди комнаты стул. — Сиди здесь! И отвечай мне на все вопросы, которые я задавать буду!

Он набил трубку, закурил и сел на диван. Ситуация стала принимать формат допроса с пристрастием. Я попыталась что-то сказать, но он оборвал меня на полуслове:

— Говори. С кем ты живешь в 2010 году?

— С сыном. — Я лихорадочно думала, как мне вернуть его благорасположение, но от испуга мне в голову ничего не лезло.

— Подробнее! Сколько ему лет, где он учится?

— Ему двадцать лет. Он окончил второй курс факультета журналистики. Подрабатывает в газете.... Ну, сейчас так принято. Почти все подрабатывают, когда учатся...

— Он не женат еще?

Я помотала головой:

— Нет. Но у него есть любимая девушка. Он сейчас с ней отдыхать поехал... В страну какую-то, ее у тебя на карте еще нет...

— Кем ты работаешь? — его тон не оставлял мне никакой надежды на начало мирных переговоров.

— Переводчиком... Переводчиком работаю... В разных местах. Так удобно, чтобы дома быть все время...

— И какие языки ты знаешь?

— Я... Это... Английский, немецкий, французский... Турецкий еще, вот...

Видимо в этот момент Сталин подошел к наиболее интересной для него фазе разговора, так как в его голосе зазвучали уже даже не стальные ноты, а какие-то титановые:

— А муж? Куда и когда муж твой подевался?

Тут я уже не выдержала нервного напряжения и начала говорить на повышенных тонах:

— Я его бросила в девяностые годы! Потому что он хотел эмигрировать! А я ненавижу, понимаешь, ненавижу эмигрантов!

— И куда же он уехал, позволь поинтересоваться?!

— В Италию!

— К Муссолини?! — автоматически спросил Сталин.

Не сдержавшись, я расхохоталась:

— Нет! К Гарибальди!

Он швырнул трубку в стоявшую на столе пепельницу:

— Быстро иди сюда!

Услышав, что казнь неожиданно заменена пыткой, я обрадовалась и в одно мгновение переместилась на диван. Сталин, видимо сильно колеблясь между желанием меня обнять и

потребностью покончить со мной в сжатые сроки, буквально задушил меня в приступе страсти. И поскольку, как я поняла, мне было разрешено без ограничений проявлять свои чувства, я не стала себя сдерживать и вылила на него поток любовных признаний.

Немного успокоившись, он сказал:

— Я тебя пристрелю когда-нибудь. Говори наконец, почему ты меня обманула!

— Ну, ты же сам послал меня гардероб обновлять, — завияла я хвостом. — Вот я и решила ненадолго отлучиться. Потом... Потом вернулась, а машина времени сломалась. Мне пришлось ждать, когда ее починят. Я страдала и смотрела хронику войны, чтобы хоть как-то быть к тебе поближе. А утром наконец-то переместилась сюда.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде промелькнуло что-то очень отдаленно напоминающее зачатки нежности:

— Не смей, понимаешь, не смей больше так делать! Я же все равно узнаю, сразу ты вернулась или нет.

— Я... Я тебе обещаю... — поспешно ответила я и с радостью согласилась на его предложение пойти и наконец-то позавтракать.

Все утро я развлекала его байками о своей жизни, а заодно (так как я не собиралась отступать от намеченного курса) подробно пересказала документальный фильм, над которым я уливалась слезами весь вчерашний вечер. Он слушал меня с явным интересом. Однако понять, делает ли он хоть какие-то выводы из услышанного, я не могла, так как все его комментарии больше походили не на проявление серьезного отношения будущего генералиссимуса к реальным событиям, а на любопытство главы государства, которому докладывают о завершении съемок нового художественного фильма.

Так или иначе, но, временно исчерпав темы для разговоров, я решила немного помолчать. Сталин же переключился на более приземленные вопросы:

— Может, в театр хочешь вечером сходить? Или кинокартину посмотреть какую-нибудь? Правда, ты большинство видела, но, может, есть нечто такое, что тебе интересно?

Я пожала плечами:

— Не знаю. Как ты.

— Я... То, к чему у меня душа лежит, я могу и потом посмотреть. А сейчас мне тебя хочется как-то развлечь. Ты, вообще, какую музыку любишь?

— Ой... — Я закрыла лицо руками и помотала головой. — Даже не спрашивай. Мне стыдно признаться.

— Что? — удивился он. — Неужели что-то настолько новое, что я даже по рассказам не пойму?

Я засмеялась:

— Нет... Просто... Это так глупо... Но я, понимаешь, шансон люблю. Как тебе объяснить... Ну это как если Утесову разрешат спеть «С одесского кичмана бежали два уркана».

Сталин улыбнулся:

— Ну, такой поворот событий меня устраивает. Хочешь, вечером на его выступление пойдем?

Перспектива увидеть живого и молодого Утесова меня порадовала:

— Конечно, хочу, а он что, сегодня концерт дает?

— Даст. Специально для тебя даст. И про урканов тебе споет. И про гоп со смыком, если у тебя желание будет. Ты когда возвращаться должна?

— Полседьмого.

— Очень хорошо. У тебя будет часа полтора на то, чтобы переодеться. А потом я тебя в восемь на Зачатьевском твоём встречу и в Кремль поедём.

— А Утесов в Кремле, что ли, петь будет? — несколько опешила я, будучи уверенной, что такую достаточно вольную для СССР музыку только в моё время могли допустить до Красной площади или Кремлёвского дворца съездов.

Однако Сталин спокойно ответил:

— А где ему ещё петь для нас? Он в Кремле уже не первый раз выступать будет, поэтому ничего необычного не произойдёт.

Время до моего возвращения в 2010 год мы провели прекрасно. И когда таймер сработал, настроение у меня было поистине великолепное.

— Натаныч, привет! Как твои дела? — сказала я, увидев своего друга в добром здравии за чашкой чая. — Выспался? Пришел в себя?

— Пришел. Наверное, действительно отдохнуть надо было, — сказал он, разглядывая меня. — А ты все хорошеешь. Эка на тебя любовь действует. А он-то там как? Руку и сердце тебе ещё не предлагал? А то у него с этим быстро. Он в этом смысле человек грамотный, не то что Гитлер.

Я возмутилась:

— Хватит, а? Чего ты издеваешься?

— Почему это издеваюсь? — Натаныч громко втянул в себя чай. — Дети у него ещё не выросли. Их воспитывать нужно. В люди выводить. А у тебя опыт есть. Вон Глеб какой хороший получился. А кстати, ты его детей-то видела?

— Замолчи уже, да. Сделай одолжение. Нет, не видела я их. Они, наверное, на другой даче живут.

Натаныч разразился смехом:

— Ты бы слышала, как ты говоришь! Это что-то! Княжна ты наша грузинская. И откуда у тебя этот акцент? Следи за речью-то, а то сын приедет — маму не узнает...

— Все, дорогой товарищ, утомил ты меня! — потеряла я терпение. — Ты тут сиди, отдыхай, а я скоро вернусь. Будешь меня снова катапультировать в 20.00 в Зачатьевский...

Придя домой, я быстренько натянула на себя новое платье из искрящегося черного трикотажа, накрутилась, как в тот раз на банкет, и пошла обратно.

— Ну и ну! — залюбовался мной Натаныч, когда я процокала шпильками по паркету. — Как ты одеваться-то стала. Глядишь, наш вождь из тебя таки человека сделает. Привьет тебе хороший вкус. Отучит в непотребном виде по улицам шляться.

— Это в каком ещё таком непотребном? — возмутилась я.

— В таком! В джинсах твоих непонятных. В которых фигуры не видно... Правда, я бы на его месте ещё и над характером твоим поработал. Но думаю, что пара неделек в 1937 году — и ты у нас будешь, что называется, по одной половице ходить. Уже вон взгляд стал какой...

— И какой же взгляд у меня стал? — Я села на ковер и стала искать электроды.

— Мягкий. Душевный. Любо-дорого посмотреть... Вот, оказывается, какой мужик-то тебе был нужен! А то встречалась не пойми с кем. Бегала тут все, как коза без привязи...

— Слушай, Натаныч! — пресекла я его психоаналитические исследования. — Давай уже работай. А то мне там из-за тебя выговор сделают с занесением в личное дело.

Он захихикал и выудил откуда-то шпекеры:

— Лети уж, голубушка. Только не забудь, что из-за твоей торопливости таймер в четыре утра сработает. Если я уже спать буду, ты меня не буди. А то у меня от недосыпу голова совсем варить перестала.

Выйдя из-за мусорников, которые в этот день радовали своей непривычной чистотой, я пошла в сторону улицы. Понятное дело, что Сталин из машины не выходил, чтобы своим приездом не перепугать мирных и ничего не подозревающих жителей Зачатьевского переулка. Поэтому я сама открыла дверку и быстро села на заднее сидение.

— Молодец. Исправляешься, — сказал он, определив каким-то одному ему известным способом, что я явилась, как и было велено, практически сразу после исчезновения. — Прекрасное платье. Теперь главное — чтобы Утесов дара речи не лишился от красоты твоей неземной.

Когда мы приехали, Утесов со своим оркестром был в полной боевой готовности. Его явно вызвали в Кремль по тревоге, отчего вид у него был несколько испуганный. Он поздоровался, поблагодарил за приглашение и поинтересовался, что ему исполнить.

На это Сталин, с интересом следя за моей реакцией, сказал:

— Вы, Леонид Осипович, что-нибудь повеселее выберите. Из своего раннего репертуара. Какие-нибудь уличные песни. И обязательно про урканов с кичманом и про гоп-ваш со смыком.

Обомлев от такого поворота событий, донельзя удивленный Утесов поспешил заверить, что все выполнит в точности, и начал концерт. Я была в восторге. Мало того что мне действительно нравилась именно такая музыка, да еще ее лично для меня в Кремле сам Утесов играл!

Всю дорогу домой я говорила, что это была прекрасная идея, что я очень довольна, а потом заявила:

— Жалко, что еще на Вертинского нельзя сходить.

— Ты что, Вертинского любишь? Он про урканов не поет, — удивился Сталин.

— Нет. Не люблю. Но он же легенда. Поэтому увидеть его было бы приятно.

— Ты же эмигрантов ненавидишь. А он — эмигрант.

— Это не считается, потому что он скоро вернется.

— И кто ж его сюда пустит, интересно знать?

— Ты, — сказала я, смеясь.

В ответ он махнул рукой:

— Вертинского пущу? Но... Хотя, с другой стороны... Говори что хочешь... Только не грусти. Ты мне веселая очень нравишься.

Возвратившись на дачу, мы провели прекрасный вечер. И хотя Сталин всячески старался увести меня подальше от политических разговоров, я все-таки умудрилась найти повод и между слов вернуть ему пару фактов о ялтинской конференции...

* * *

Следующие три недели напрочь вычеркнули меня из реальной жизни. Поскольку отсутствие Глеба натолкнуло меня на мысль уйти в импровизированный отпуск, большую

часть времени я старалась проводить в 1937 году. Мне была дорога каждая минута, и я таскалась в прошлое практически без перерыва.

Конечно, я видела, что донельзя осточертела Натанычу, которому приходилось постоянно то отправлять меня туда, то принимать обратно, но идти против своей всепоглощающей страсти я была не в силах. В итоге у меня сбился режим, я перестала соображать, где утро, где вечер, и думала лишь о том, чтобы побыстрее сбежать из 2010 года и броситься в любовную мясорубку.

Что касается Сталина, то он, безусловно, не мог позволить себе тратить на романтические свидания так много времени. Иногда он звал меня днем, чтобы просто посмотреть на меня в течение получасового перерыва, периодически проводил со мной ночи, а порой брал меня с собой на всевозможные культурные мероприятия — от посещения театров до спортивных соревнований. Таким образом, отношения, которые для меня длились чуть меньше месяца, у него в 1937 году растянулись в довольно продолжительный роман.

К сожалению, за это время мне лишь однажды удалось серьезно поговорить с ним о фашистской угрозе и последующих событиях в стране. Причем, вопреки моим ожиданиям, он лишь молча выслушал все мои рассказы, а потом, не опускаясь до комментариев, перевел разговор на другую тему. Я не знала, соблаговолит ли он сделать хоть какой-то вывод из услышанного, как, впрочем, не понимала и того, как он ко мне относится. Нет, было очевидно, что он испытывает ко мне сильную привязанность, ревность и даже страсть, но насколько глубоки эти чувства, для меня оставалось загадкой.

* * *

Когда до окончания моих сумасшедших каникул, то есть до возвращения Глеба, оставались считанные часы, мы со Сталиным вернулись из театра и сели ужинать. Немного поговорив о спектакле, он неожиданно сказал:

— Сегодня закончилось расследование по делу того человека, за которого ты просила.

— Какого? — не поняла я.

— Отца твоего друга, изобретателя машины времени.

Мне чуть дурно не стало от такого известия:

— Он что, был все это время под следствием?! Его арестовали?! Но как ты мог...

— Помолчи! — оборвал меня Сталин. — Нет. Не был он арестован. Но за ним следили. Оказалось, что ты была права. Он занимается важными физическими исследованиями.

— И значит, его не расстреляют?

— Если не натворит чего-нибудь противозаконного, то не расстреляют. Пусть работает. Ему дали отдельную квартиру на Арбате и повысили в должности.

Я всплеснула руками:

— Ой! Спасибо тебе огромное. Я так тебе признательна. Ну просто и не нахожу, что сказать...

В ответ он снова перебил меня:

— Хватит. Меня, знаешь, всю жизнь смущают такие ситуации. Мне кажется, что так многословно благодарят только тех, от кого не ждут абсолютно ничего хорошего. Неужели ты обо мне такого мнения?

— Мое мнение... — Я в задумчивости пощелкала браслетом от часов. — А оно тебя

действительно интересуется?

— Конечно.

Грустно улыбнувшись, я посмотрела на него:

— Если скажу, то, скорее всего, тебя потеряю. А пережить это мне будет очень сложно.

— Нет, — жестко ответил он. — Если ты сейчас промолчишь, то очень скоро не ты меня, а я тебя потеряю. Поэтому говори. Я хочу знать, что ты думаешь.

Набравшись храбрости, я ответила:

— Это очевидно. Очевидно для всех. Ты угрозишь тысячи людей. Причем многие из них будут специалистами высокого уровня. Частично ты осознаешь это, когда начнется война, во время которой мы потеряем миллионы жизней. Но потом будет новый виток репрессий. И снова будут расстрелы и аресты.

— По-твоему народ пропитан ненавистью ко мне?

— Ненавистью?! — рассмеялась я. — Пройдет четыре года, и солдаты будут идти в бой со словами «За Родину! За Сталина!». На твои похороны повалит такая толпа, что люди будут топтать и давить друг друга. А ненависть... Она придет позже.

Я была уверена, что сейчас он перейдет к выяснению подробностей и мне наконец-то удастся сказать ему, для чего именно я пришла в 1937 год. Но, вопреки моим ожиданиям, он снова перевел разговор на другую тему:

— Сколько ты еще пробудешь здесь?

— Два часа.

— Но этого мало. Ты сможешь вернуться сразу, так, чтобы остаться со мной до утра?

— Увы, — сказала я, тяжело вздохнув. — Дома мне придется ехать встречать сына. Отпуск закончился. Мне опять надо работать. Поэтому у меня не получится приходить к тебе с такими интервалами, как ты порой требуешь. А если я появлюсь сегодня же, но после того как в моем времени пройдут сутки, ты будешь вне себя. Ведь так?

— Это правда. Тогда я буду ждать тебя здесь послезавтра в десять вечера. Сможешь?

— Да...

В назначенный срок таймер переместил меня в 2010 год.

* * *

Не удержавшись на ногах, я села на ковер и посмотрела на сильно исхудавшего Натаныча, который, несмотря на позднее время, сидел за монитором.

— Явилась? — спросил он, повернувшись в мою сторону. — Все? Безумие подходит к концу. Надеюсь, ты не забыла, что тебе скоро в аэропорт ехать?

— Понятное дело, помню! — Я взяла с дивана газету и помахала на себя. — Слушай, а почему так душно? Там что за окном, жара что ли?

Вместо нормального ответа я услышала дикий вопль:

— Да, там так жарко!!! Очень жарко!!! Представь себе! И что теперь?! Мне прикажешь пойти и удавиться?!!

— Ты чего, Натаныч? — опешила я. — Перегрелся что ли?

Он вскочил и стал бегать из угла в угол:

— Это ты... Ты во всем виновата! Наговорила мне тогда чухни всякой про деревце под окном.

Я села на диван, и устало посмотрела на него:

— Ты в мое отсутствие умом тронулся, да? В чем еще я виновата? Какое деревце?

Он остановился и, как умалишенный, погрозил мне пальцем:

— Пока тебе не приспичило исправлять мир, мы нормально жили. Понимаешь, нормально! Все шло как по накатанному. Ну, не шиковали, конечно, но зато были мало-мальски спокойны и, кстати сказать, не ругались. Но тебя такая жизнь не устраивала!!! Категорически!!! Ты вдруг возомнила себя Мессией, решила, что призвана спасти Россию, поперлась в прошлое, а я, как идиот, стал плясать под твою дудку и начал писать шизофренические программы для оптимизации пространства. А потом, потом... — от переполнявшего его недовольства он сбивался и не мог четко выражать свои мысли. — А потом ты вместо того, чтобы соблюдать наш уговор и заниматься политикой, впала в разврат! Три недели, три недели ты провела по ту сторону реальности! Ничего вокруг не замечаешь! Даже не знаешь, какая погода стоит за окном! Вообще стыд всякий потеряла. Что там происходит у тебя в нашем извращенном социалистическом прошлом? Чем там занимается твой гениальный Отец народов? В кровати с тобой валяется? Что он для страны делает? Что, ответь мне! Тридцать седьмой год, между прочим, на месте не застыл! И судя по датам, которые я ввожу в комп, время движется, а значит, к стенке ежедневно ставят сотни человек. Ты, как дура, в любовь играешь, а он этим пользуется!

Последние слова он буквально провизжал. А я схватилась за голову:

— Замолчи! Хватит орать на меня! Ты мне не исповедник, чтобы тут морали читать! И в конце концов, при чем тут жара?

Он в сердцах швырнул в угол какую-то попавшуюся ему на глаза книжку и неожиданно поразил меня признанием:

— Помнишь, ты сказала тогда, что мне как ученому не обойтись без экспериментов? Помнишь, да?!

— Что-то припоминаю. Кажется, в тот вечер ты еще говорил, что я, как Алеша Птицын, характер вырабатываю. Да... Да... Потом я и брякнула про то деревце, которое надо под окном посадить...

— Вот-вот! Именно после этого я и пошел у тебя на поводу. И на свою голову поставил-таки опыт. Протестировал свою итерационную программу. И что, что мы теперь имеем? Лесные пожары, массовые обмороки, дымовую завесу...

— То есть твоя программа не работает? — пытаюсь хоть как-то разобраться в его словах, спросила я.

Натаныч снова стал мотаться у меня перед глазами:

— Работает! К сожалению, прекрасно работает! А вот та установка, за которую я от Алексея Николаевича благодарность получил, не пашет ни рожна!

— От какого еще Алексея Николаевича?

— От Косыгина, Косыгина! Неуч ты дремучая! — Он плюхнулся на пуф и, видимо устав от собственных криков, затих.

Я же, привыкнув за последние три недели раскладывать всю поступающую информацию по полочкам, стала рассуждать:

— Итак. Правильно ли я понимаю, что ты слетал куда-то в семидесятые годы...

— В 1974-й! — буркнул Натаныч.

— Допустим. Итак. Ты отправился в 1974 год. Каким-то образом проник к себе в лабораторию. Применил на практике то, что в те времена тебе разрешали исследовать

только теоретически. А потом вернулся, быстро запустил свою итерационную программу и сделал сказку былью?

— Да.

Я откинулась на подушки:

— И чего же ты тогда орешь? Все ведь прекрасно! Программа работает. Настоящее изменилось. А значит, когда я доведу дело до конца, мы осуществим с тобой все намеченное!

— А про жару ты не забыла? — Натаныч перешел на зловеший шепот.

— Ты ее что, навечно включил? — удивилась я.

— Нет... — Он нервно застучал ногой по стенке бюро. — Она кончится, когда там, в 1974-м, таймер сработает.

— Ага! У тебя, значит, пунктик на этих таймерах еще с семидесятых годов. Понятно. И когда же это произойдет?

— Через две недели. А скажи-ка мне, когда хоть какой-нибудь таймер у тебя в голове сработает и ты наконец-то о стране вспомнишь? А?

Я махнула рукой в его сторону:

— Не дави на меня, умоляю. Чуть-чуть еще подождем, и вот увидишь, все будет хорошо...

— Неужели? — Он вдруг сосредоточенно посмотрел на мои пальцы и с какой-то злой иронией в голосе спросил: — Это что у тебя такое? А? Уж не кольцо ли с бриллиантом?

Поспешно спрятав руку за спину, я попыталась уйти от ответа:

— Нет. Это так. Ничего особенного... Из старых запасов... Стразик дешевенький.

— Покажи мне сейчас же! — он перепрыгнул на диван и, чуть не вывихнув мне руку, поднес к глазам мою пятерню. — Это старинное кольцо. И это не страз. Ты из меня дурака-то не делай! Где ты его взяла? На презентации африканских алмазов, когда очередной каталог переводила?

— Отстань! — Я выдернула у него руку и потерла красные пятна, оставшиеся от его захвата.

— Нет! Я не отстану! — Натаныч навис надо мной, как демон возмездия. — Это он, твой драгоценный вождь, тебе подарил?

— Какое тебе дело?

Оставив мою реплику без ответа, он продолжил:

— Я так понимаю, что это не единственный подарок. Да? А то, что это старинное кольцо, ты видишь? И ты, идиотка наивная, думаешь, что он его в комиссионке купил на свою зарплату секретаря ЦК ВКП(б)?

— Какая разница, где он его взял? — не выдержала я.

— Да ему в кабинет его принесли! — прорычал Натаныч. — Сразу после того, как конфисковали у какой-нибудь семьи интеллигентов. Его хозяйка, небось, уже расстрелянная в могиле лежит возле полигона «Коммунарка» или в лучшем случае дрова на Колыме рубит... А ты... Ты... Я давно заподозрил, что тебе этот режим не просто так по вкусу пришелся! Вот скажи-ка мне, за какие такие заслуги твоего прадеда на Новодевичьем кладбище похоронили?

— Он легкую промышленность развивал перед войной!

— Легкую? Промышленность? А до этого он кем был?

Сдуру я ляпнула ему правду:

— Сталин сказал, что он какой-то секретный отдел ГПУ возглавлял...

От этого известия Натаныч крикнул:

— Батюшки милые! С кем я связался! Секретный отдел ГПУ! Это же были расстрельные команды! Да! Гнилая же кровушка по твоим венам течет...

Услышав про расстрельные команды, я вдруг вспомнила о Натанычевых родителях:

— Ой! Слушай, чуть не забыла тебе сказать! Твоему отцу дали квартиру на Арбате и повысили по службе.

Мне показалось, что в этот момент у Натаныча внутри сработал какой-то переключатель. Он наконец-то замолчал, выпрямился, сложил перед собой руки и замер, глядя на меня, как на привидение.

— Ты понял, нет? — Я постучала пальцем ему по плечу. — По словам Сталина, твой отец занимается важными физическими исследованиями.

Натаныч вцепился руками себе в шевелюру:

— Боже ж мой! Боже ж мой! — запричитал он, закрыв глаза. — Это значит... Это значит... Мой папаша будет заниматься квантовой механикой... Может быть, даже переплюнет Дирака и Шредингера... Он переедет с моей матерью в квартиру на Арбат... А я... — Он снова ошарашенно посмотрел на меня. — А я не попаду в детдом и буду жить как нормальный человек? Да?

— Ну да, — развела я руками. — Получается, что так.

— А вот и нет... — Он встал и побрел к распахнутому окну. — Я буду жить здесь и проклинать этот паршивый детдом... Буду получать льготы за события семидесятилетней давности... Продолжу тешить свое тщеславие воспоминаниями о достижениях 1974 года... А все хорошее... А все хорошее, что тебе удалось для меня сделать, уйдет в параллельный мир...

— Но твоя программа! Она же работает! — воскликнула я, уже совершенно запутавшись в том, что он наизобретал.

Он сел на подоконник и обреченно сказал:

— Ты так ничего и не поняла. Программа работает. Да. Но мертвых нельзя поднять из могил. Как невозможно и стереть из мозга воспоминания. И если вдруг тебе все-таки удастся изменить этот мир, то процветание придет к нам в результате стечения многомерных обстоятельств...

— А как же война?

— Не изменится ничего! И война, и репрессии по-прежнему останутся частью нашей истории. Мы будем помнить оттепель, застой, перестройку, золотые девяностые... А твой кумир Сталин навсегда останется в истории кровавым диктатором, даже в том случае, если случится чудо и он оправдает твои надежды.

В этот момент в наш диалог встряла кукушка из часов, которая громогласно сообщила, что на дворе пять утра. Я в панике вскочила с дивана:

— Натаныч! Мне же пора на аэродром! Мама дорогая! Я сейчас опоздаю! Как хорошо, что я документы в машине оставила. Все, я побежала... А ты! Ты! Успокойся ты со своей жарой. Не такое переживали. И перестань меня костерить уже. Это, между прочим, просто не по-товарищески...

Я вылетела в коридор, а Натаныч прокричал мне вслед:

— Но ты в вечернем платье!

— Наплевать! — крикнула я из лифта и, спустившись вниз, прыгнула в машину, завела мотор и на всех парах помчалась в аэропорт.

Когда я вбежала в здание терминала, Глеб и Маша как раз получали багаж. Радостные и улыбающиеся, они вышли ко мне с чемоданами.

— Ой, как вы выглядите шикарно! — после приветствия сказала Маша. — Вы тоже отдыхать ездили?

— А правда, мам, — присоединился Глеб. — Ты в Москве была? Говорят, у вас тут дико жарко. А что за платье такое? Это ты для нас нарядилась?

— Да! — заулыбалась я. — И для вас, и чтобы в люди выйти. Не каждый же день я в аэропорт приезжаю. Все-таки какой-никакой, а праздник...

К шести утра мы отвезли Машу к родителям и поехали домой. Зайдя в квартиру, Глеб чуть в обморок не упал, а вместе с ним и я, так как поняла, что забыла замести следы преступления.

— Мама! Это что такое? Колумбарий? — спросил он, с ужасом разглядывая расставленные по всему дому букеты роз. — Откуда столько цветов?

Я обвела взглядом разноцветные охапки и поняла, что, оказывается, практически каждый раз возвращалась из 1937 года с букетом. Это впечатляло.

— Сын, — сказала я, понимая, что не смогу придумать ничего правдоподобного. — В меня влюбился диктатор Экваториальной Гвинеи Теодоро Обианг Нгема Мбасого. Он шлет мне розы, водит по театрам и обещает ради меня провести в своей стране внеочередные выборы.

— Понятно, — захохотал Глеб. — Тепловой удар!

Мы сели завтракать, и он часа два рассказывал мне о красотах неведомой безвизовой страны, название которой я почему-то никак не могла запомнить.

* * *

В девять утра я почувствовала, что у меня закрываются глаза. То ли я долго не спала из-за того, что ночью 2010 года перемещалась в разгар дня 1937-го. А может быть, я просто-напросто устала от ненормального образа жизни, который вела последние три недели. Разбираться я не стала, а, настежь открыв все окна, легла в кровать и забылась каким-то нервным поверхностным сном.

Примерно в полдень я очнулась от привидевшегося кошмара, в котором Гитлер награждал меня германским орденом первой степени за заслуги перед немецким народом. «Фрау Санарова, — торжественно говорил он, — вы сделали все для того, чтобы наша доблестная армия беспрепятственно вошла в Советский Союз и завоевала его в кратчайшие сроки!»

В ужасе я сбросила на пол подушки и села, запутавшись в простыне. «А ведь фюрер-то прав, — пришло мне в голову. — Если так дальше пойдет, то мы там в прошлом не только идеальное государство не построим, а войну продумем и будем иметь вместо Москвы курган с памятником Адольфу на верхушке».

От нахлынувших дум настроение у меня стало преотвратное. Кроме того, я поняла, что на улице благодаря стараниям Натанчы воцарилась действительно аномальная жара, от которой моя квартира превратилась в филиал крематория.

Я пошла на кухню и села пить кофе. Вскоре появился Глеб, видимо поставивший перед собой цель вывести меня на чистую воду.

— Да, мама, — сказал он и принялся заваривать чай. — Все-таки не идут у меня из головы эти розы. Ты бы их выкинула, что ли, все равно от духоты половина загнулась. Может, признаешься, кто тебе их дарит в таком количестве?

— Ну я же сказала...

— Да, да... Этот, как его... Из Гвинеи... Короче, говори уже.

— Глеб... — Я сделала многозначительную паузу. — У тебя с Машей как дела? Хорошо?

— Ну да.

— Вот. А у меня нет. У меня все плохо. Экваториальная Гвинея от избытка чувств поделилась с нами жарой. Скоро обещали еще и малярию прислать, если я им взаимностью не отвечу. Поэтому давай договоримся... Я сейчас уеду, а ты возьмешь, аккуратно вынесешь из дома все эти букеты и больше не будешь мне морочить голову и задавать нескромные вопросы.

Оставив на столе недопитый кофе, я ушла в комнату и стала звонить Ольге:

— Привет, спишь? На работу идешь?

— Я сегодня первый день в отпуске. Завтра в ночь улетаю на Teneriffe. А ты? — спросила она грозно. — Совесть вообще есть? Я три недели ежедневно тебе звоню и выслушиваю то гудки, то информацию, что ты вне зоны доступа. И где ты была?

— Это правда, — не могла я не рассмеяться. — Я действительно была там, где нет даже намека на сотовую связь. Может, встретимся, а?

Получив от нее приглашение, я быстро оделась и за десять минут дошла до ее дома. Она встретила меня в струящемся переливчатом платье на тонких бретельках.

— Очень жарко, — заявила она. — Но это меня не волнует. Скажи, где мобильники не работают? На Казбеке?

Я поняла, что обет молчания — испытание для меня непосильное, и ответила:

— Есть нечто такое, что я от тебя скрывала!

Как обычно, практически не удивившись, она закурила и торжественно произнесла:

— Еще не все потеряно. Рассказывай.

Налив в стакан какой-то элитной газировки, я сделала два больших глотка и выдала текст:

— Натаныч изобрел машину времени. Я решила превратить Россию в страну-утопию. Для этого мне пришлось пойти к Сталину. Он, вместо того чтобы думать о государстве, завел со мной роман. А Натаныч, тестируя временную программу, сотворил жару. Теперь я оказалась в тупике, потому что не знаю, с помощью каких рычагов заставить Сталина поверить мне и начать переустройство общества.

— Странно, — совершенно серьезно сказала Ольга, глядя куда-то за окно. — Я бы и не подумала, что у тебя аргументов не хватит, чтобы его убедить. Ты ведь столько о нем читала. Я пораженно уставилась на нее:

— То есть во всей моей истории тебя только это удивляет?

— А чему же здесь еще удивляться? — повернулась она ко мне и развела руками. — Применительно к твоей жизни, которая с пеленок изобилует какими-то сверхъестественными катаклизмами, это звучит гораздо правдоподобнее, чем банальный грузин с коттеджем на Можайке. Теперь все встало на свои места.

— И что ты мне посоветуешь? — с затаенной надеждой спросила я.

— Ничего, — Ольга спряталась за дымовой вуалью. — Ты же знаешь, в отличие от тебя,

я всегда любила не тиранов, а имажинистов. Поэтому я бы, скорее всего, полетела к Мариенгофу. И, увы, во время наших встреч меньше всего меня бы интересовали вопросы политики...

После этого я подробно рассказала ей обо всем произошедшем со мной в 1937 году, заверила, что не остановлюсь перед трудностями, и пожелала ей встретить на Тенерифе кого-то еще более талантливого и обаятельного, чем Мариенгоф.

Когда спустя два часа я вернулась домой, квартира была полностью очищена от роз, а на столе лежала записка, из которой следовало, что Глеб уехал в редакцию, чтобы писать разоблачающую статью о грешащем канныбализмом диктаторе Экваториальной Гвинеи.

* * *

Часов до восьми вечера я, дурея от жары, возилась с домашними делами, строчила письма работодателям и отвечала на телефонные звонки. При этом мое сердце раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, я сгорала от желания все бросить и лететь на свидание в 1937 год, а с другой — мне хотелось прийти на эту встречу с хорошо проработанным планом действий. В итоге, когда я совсем вымоталась от этих терзаний, мне пришло в голову, что надо наконец-то рассказать Сталину, чего я, собственно, от него хочу, а потом уже на месте разбираться в последствиях этого разговора.

Переодевшись в одно из его любимых платьев, я накрутила волосы и пошла на девятый этаж.

— Ох! Благотельница моя явилась! — обрадовался хитрый Натанч, когда увидел меня на пороге. — Ну заходи, заходи...

На кухне он по традиции поставил передо мной треснувшую чашку с чабрецовым чаем и сказал:

— Я это... Как бы сказать... Короче, погорячился малешко... Ты не обижайся. Это все погода виновата.

— Да уж, с жарой ты, надо сказать, переусердствовал.

Обрадовавшись, что я не злюсь, он затараторил:

— И главное, понимаешь, дело-то вовсе не в климате было. Совсем в другом... То есть в климате, конечно, но не в жаре... Я не могу тебе рассказать, но это очень грамотная разработка была... Поверь мне... Много пользы принесла бы народу...

— Да я верю, верю. Я всегда знала, что ты талантливый. Главное только — чтобы теперь эта горячка вовремя закончилась. А то мы тут вымрем все, и вообще никаких проблем не останется. Ты обещал, что таймер щелкнет через две недели, это точно?

Он подошел к окну и выглянул во двор:

— Осталось тринадцать дней, три часа и пять минут. И в один миг все станет как обычно: гнусь, дожди и прохлада.

— А если нет?

— Этого быть не может! Все под контролем. Слушай, — показал он куда-то рукой. — А чья это машина стоит?

— Какая?

— Синяя иномарка. Типа «каблука» с тонировкой. Она тут уже не первый день ошивается.

Я помахала на себя журналом:

— Не знаю. Ну, стоит и стоит. Тебе-то что?

Он вернулся за стол:

— Ох, не нравится мне это. Нутром чую, что-то здесь не так.

— Не так, не так... — Я перестала обмахиваться и отпила немного чая. — У тебя-то здесь все именно так, как надо. Это у меня сплошные проблемы. Не понимаю я Сталина, не понимаю... Ведь если вдуматься, то с моей помощью он мог бы такого наворотить!

— Ага... Вот именно что наворотить. Это как раз таки хорошо, что у него ума хватает не требовать от тебя описания всяких ноу-хау, которые лягут в основу современных технологий.

— Ну а если бы потребовал? Что тогда? Я в толк не возьму, что в этом плохого-то.

Натаныч, который после нашего ночного разговора, как флюгер, изменил свое отношение к культу личности, стал читать мне лекцию:

— Это значит, он осознает, что на одних технических новинках да доказательствах теорем далеко не уедешь. Надо отдать ему должное, рассуждает он здраво...

— Здраво... Здраво... — Я возмущенно встала и пошла в комнату. — Я ему о войне рассказываю, а он в ответ молчит.

— А что он должен делать? — Натаныч пришаркал за мной и сел на стул. — Нападать на Германию прямо в 1937 году? Или всех японцев к стенке ставить? Может, он слушает и на ус мотает. А потом, когда время придет, он — бац! И... и... ну и чего-нибудь такое сделает...

Тут меня посетила идея:

— Натаныч! А давай-ка я слетаю в 22 июня 1941 года и посмотрю, началась там война или нет! Вот тогда-то я точно буду знать, слушает он меня или, как ты говоришь, только использует.

Вместо ответа мой друг задумался.

— Это не так-то просто делается, — сказал он после паузы. — Я уже думал об этом и даже создал некое устройство, которое сможет отправить тебя туда, куда надо...

— Подожди! — Я скинула с дивана ворох каких-то мятых бумаг и села. — Не могу понять... Ты же постоянно посылаешь меня в 1937 год. Так введи в программу 22 июня 1941-го и отправь меня к нему. В чем проблема-то?

Было видно, что Натаныча так и подмывало поиздеваться над моей непонятливостью, рассказать мне, какая я тупица, но он, видимо твердо решив отныне вести себя прилично, пустился в подробные объяснения:

— Смотри, если я сейчас закину тебя в начало войны, то ты попадешь к тому Сталину, который ничего о тебе не знает. Дело в том, что с тех пор, как ты появилась там впервые, реальность расщепилась на две ветви. Одна из них — это наше прошлое, которое я, так сказать, помню, а ты проходила в школе. А другая — это неизвестная историческая линия. Так вот... Если прыгать туда раз в четыре дня, то будешь попадать в ту реальность, которую создаешь ты. А если сделать большой перерыв, например, четыре дня пять минут и сорок секунд, то нарисуешься в нашей бывшей советской действительности, и твой прилет вызовет некоторое недоумение. Ну а дальше ты уже знаешь: арест, Лубянка и привет семье.

— А кто определил, что четыре дня — это максимум?

— Твой покорный слуга... — Натаныч отвесил мне поклон.

— Какой же ты все-таки гений! — восхищенно сказала я. — Давай, отправляй меня в 22 июня. Что для этого надо?

Предвкушая проведение нового эксперимента, гениальный творец аномальной московской жары потер от удовольствия руки и вытащил из-под дивана медную пластину.

— Так! Положи на нее ладонь и сиди десять минут, — сказал он, прицепив к ней «крокодил», соединенный проводом с компьютером. — Сейчас я сниму параметры, и будем запускать.

— Хорошо, — Я изо всех сил надавила на пластину. — Думаю, что надо лететь часам к восьми утра прямиком в Кремль.

Натаныч оторвался от монитора:

— Это ты вот из чего такой вывод дурацкий сделала? Ты, извини меня, вообще-то хоть иногда думаешь, прежде чем говорить? А если там правда война? А если она в четыре утра началась? Тогда в половине пятого у него совещание начнется. Да и вообще, с чего ты взяла, что он будет в кабинете? Говорили же, что он заперся на даче и никого не пускал к себе в течение нескольких дней.

— А по другой версии — он был в Кремле, — парировала я. — И мне кажется, что все-таки за три недели я хоть немного, но узнала, что он за человек. Поэтому я уверена, если там война, то он будет именно в кабинете.

— Ну-ну... Ну-ну... А почему к восьми часам, а не к семи, например?

Я пожала плечами:

— Ну, это как-то интуитивно напрашивается. А что, ты думаешь, надо раньше лететь?

Забрав у меня пластину, Натаныч бросил ее обратно под диван, пощелкал клавишами и, потянувшись, как тощий кот, заявил:

— Будем письмо посылать. Иначе никак нельзя. Вдруг у него там совещание. Или его там вообще нет. А может, туда бомбу бросили. Ты ведь не забывай, что реальность-то иная.

— Отличная идея! — обрадовалась я и пересела за стол, чтобы сочинять записку.

Как и в прошлый раз, мой хорошо воспитанный друг предоставил мне письменные принадлежности и встал над душой:

— Давай уже! Чего ты ждешь-то? Опять решила его на «вы» называть? Или без приседаний обойдешься?

Не ответив на едкости, я взяла ручку и написала всего два слова: «Можно прийти?»

— А что, — захихикал Натаныч. — Очень даже лаконично. И без романтических излишеств. Простенько так, незатейливо, как будто вы уже лет двадцать женаты. Глупость какая! Но раз ты хочешь, то я не буду возражать. Мое дело, как говорится, десятое.

Я запечатала конверт, написала на нем: «И.В. Сталину» — и положила на ковер. А вольнонаемный почтальон прицепил к нему провода, метнулся к компьютеру и снова завяз в сомнениях:

— Может, для начала письмо отправим не в восемь, а в семь утра? Минуты на три, а?

— Валяй, — я махнула рукой. — Будь что будет. Главное — хоть какой-то результат получить.

Он стукнул по клавише, конверт исчез, а через три минуты появился на ковре в нетронутom виде.

— Так! — Натаныч взлохматил волосы и, не теряя боевой настрой, сам себе скомандовал: — А теперь семь сорок пять!

— Почему в семь сорок пять? — удивилась я.

— Потому что если совещание состоится, то, скорее всего, в какой-то ровный час. Например, в восемь. А значит, Сталин придет в кабинет раньше, и у него будет время, чтобы

прочитать твоё сногшибательное послание.

Он изменил параметры, тукнул по кнопке, и через три минуты у нас в руках оказался лист, поперек которого было написано: «Немедленно!!!»

— Это что-то новенькое. — Натаныч зачем-то посмотрел бумагу на просвет. — Это как-то неприятно смотрится. И, я бы даже сказал, наводит на мысль отказаться от этого вояжа. Или ты со мной не согласна?

Я забрала у него бумагу и, внимательно рассмотрев надпись, расстроено сказала:

— Он очень злой. Это видно. Он так всегда пишет, когда из себя выходит. Наверное, там война. А значит, все мои труды насмарку.

— Так ты полетишь? — с опаской спросил Натаныч. — Может, лучше в 1937-й? Там как-то попривычней, да и он поди заждался.

Я села на пол и сжала электроды:

— Вот глупо шутишь ведь. А зачем? Как он может там заждаться? Давай уже, отправляй меня в свои семь сорок пять.

Он набрал полную грудь воздуха и осторожно нажал на кнопку.

* * *

Появившись в кабинете, я быстро поднялась с пола и, увидев, что Сталин стоит спиной к окну, дернулась, чтобы подойти к нему.

— Стой на месте!! — рявкнул он, делая мне предупредительный жест. — И даже не вздумай приближаться. Иначе я за себя не ручаюсь!

— Я пришла, чтобы спросить тебя...

— Здесь я задаю вопросы! — он в ярости ударил кулаком по оконному наличнику. — Как ты посмела прислать мне это письмо? Как у тебя наглости хватило вот так запросто явиться ко мне в кабинет после того, как прошло четыре года?

— Четыре года? — прошептала я, и тут до меня дошло, что я натворила.

Расставшись с ним меньше суток назад, я обещала, что вернусь через день. Но из-за моего полета в 1941 год получилось, что меня не было несколько лет.

— Сейчас я все тебе объясню... — попыталась оправдаться я, но это оказалось бесполезно.

Сталин смотрел на меня взглядом, который мог иссушить океаны. Одним только взмахом руки он погрузил меня в такой ужас, что я едва держалась на ногах

— Ты ушла, не сказав мне на прощание ни единого слова, — сказал он ледяным тоном. — Это произошло после разговора, который должен был стать ключевым в наших отношениях. Ты даже не потрудилась прислать мне письмо. Я думал, что случилось нечто непоправимое, я мысленно похоронил тебя... Но вот здесь появляется этот конверт, и ты как ни в чем не бывало приходишь, чтобы задать какой-то вопрос. Скажи, за все то время, пока мы были вместе, ты видела от меня хоть что-нибудь плохое? Отвечай!!!

— Нет... — с трудом выдавила из себя я.

— И это «нет» дало тебе право так поступить со мной?

— Ты пойми... — Я снова предприняла тщетную попытку хоть как-то объяснить, что произошло.

Но он не обратил на это никакого внимания:

— Знаешь, что для меня самое страшное в общении с женщинами?

— Что?

— Предательство. Да, не измена, а именно предательство. Однажды я пережил это. И понял, что больше никогда не допущу ни с кем душевной близости. Но нет! Через несколько лет я увидел тебя, и мне показалось, что ты — женщина, которая не способна меня предать.

— Но скажи мне только...

— Ты хочешь спросить, началась ли война, о которой ты столько говорила? Да. Она началась, сегодня в семь часов утра... Все! Ты получила ответ. А теперь уходи. Убирайся!!! И чтобы больше я никогда тебя не видел!!! Вон!!!

В отчаянии я что-то вскрикнула, бросилась к двери, схватилась за ручку и... вернулась в 2010 год.

Упав на потертый, но уже ставший мне родным ковер, я разрыдалась. Натаныч забегал вокруг меня, звеня горлышком корвалола по маленькой ликерной рюмке.

— Что! Таки что там случилось? — кудахтал он, пытаясь поднять меня на диван. — Ну не молчи уже, в конце-то концов! Там война, да?

— Да! — сказала я сквозь слезы. — Там война. Но она началась в семь утра. Реальность как-то изменилась. И теперь неизвестно, что там произойдет.

— Ну, успокойся ты! — Он наконец перетащил меня на кучу подушек и сунул мне рюмку. — Пей! Пей! И рассказывай. Почему ты так плачешь? Ну не поверил он тебе. Ну не оказался он дальновидным политиком. Не смог перехитрить Адольфа. Ну и что, в конце-то концов... Дело, как говорится, прошлое, забудем о нем за давностью лет.

— Ты не понимаешь... Не понимаешь... Я люблю его... — Я повисла у Натаныча на шее и стала орошать слезами его рубашку. — А ты... Почему ты не сказал мне, что если я пойду в 1941-й, то получится, как будто мы не виделись четыре года? Ты специально это скрыл, да? — Еще сильнее разревелась я.

— Батюшки милые! Да что ты такое говоришь? Я? Скрыл? Да это же такая очевидная вещь! У меня и мысли не было, что ты этого не знала. Вот ведь горе-то какое...

— Отправь меня к нему в 1937 год! Как бы послезавтра от последнего визита.

— Но ты вся в слезах! Куда ты пойдешь?

— Мне все равно... Я хочу его видеть. Прямо сейчас! — Я сползла с дивана и схватила электроды.

— Но во сколько? — спросил Натаныч, пересаживаясь за компьютер.

— Не могу вспомнить, не могу... — мне показалось, что я теряю сознание. — В одиннадцать, кажется, в одиннадцать. На дачу. И оставь меня там до утра.

В тот момент, когда его указательный палец коснулся кнопки, я поняла, что договаривалась не на одиннадцать, а на десять часов вечера.

Оказавшись возле окна, я обвела взглядом погруженную в полумрак комнату и увидела, что Сталин сидит на кровати и курит. Представив себе, что именно так он напрасно дожидался меня в той реальности, откуда я только что вернулась, я спрятала лицо в ладонях и снова начала лить слезы.

Если он и был на меня зол из-за часового ожидания, то теперь, когда я, вся зареванная, появилась у него на полу, его настроение изменилось. Быстро подойдя ко мне, он, как обычно, резко поставил меня на ноги, посмотрел на мое распрекрасное лицо с размазанной

косметикой и спросил:

— Что случилось?! Почему ты опоздала?

Обрушив на него шквал объятий и поцелуев, я сквозь слезы стала причитать:

— Только сейчас, только сейчас я поняла, как сильно люблю тебя... Я не переживу, если ты меня бросишь... Но я знаю, это все равно произойдет, так как ты мне совсем не веришь... Почему, скажи, почему ты никогда никого не слушаешь?.. Почему ты допустил эту войну? Как ты мог это сделать? Ведь я предупреждала тебя, что все, понимаешь, все это случится...

Будучи человеком, мягко говоря, не выносившим женских истерик, Сталин быстро усадил меня на кровать, налил в стакан воды из графина и протянул мне со словами:

— Пей и помолчи немного.

После этого, увидев, что я хоть как-то успокоилась, он уложил меня поверх покрывала на высокие подушки и сел рядом:

— Рассказывай. Только спокойно и по порядку. Где ты была? Почему опоздала на целый час?

Все еще находясь под впечатлением от того, как зверски он меня только что выгнал, я вцепилась ему в рукав и, боясь расстаться с ним хоть на миг, стала объяснять:

— Я полетела в 1941 год, в 22 июня. Там началась война, только не в четыре утра, как я тебе говорила, а в семь. Я хотела проверить, нападут они на нас или нет. И вот оказалось, что напали...

— А к кому именно ты полетела?

— Да к кому ж мне было лететь-то, как не к тебе, — всхлипнув, сказала я. — Кто меня вообще интересуется в этом ужасном твоём времени, в которое я бросилась, как в омут головой...

— И что я там тебе сказал? — Интонация Сталина наводила на мысль, что он всерьёз обеспокоен моим душевным здоровьем.

Я едва удержалась, чтобы снова не разреветься:

— Ты... Ты... Понимаешь, я не знала, что если приду туда, расставшись с тобой в 1937 году, то для тебя это будет выглядеть, будто бы позавчера я приходила сюда в последний раз. Понимаешь?! Ты понимаешь? Получилось, что я тебя бросила! Вообще, так просто, на ровном месте!

— Да?! То есть ты для того меня, который там войну проворонил, сегодня вообще не пришла? И никогда больше не появлялась? Так я понимаю? — Видимо, он стал постигать драматизм ситуации, поскольку, увидев мой утвердительный кивок, дал мне носовой платок и стал копать глубже. — И ты хочешь меня убедить в том, что я с тобой разговаривал после этого?

— Ну да.

— Это, знаешь, как-то очень странно. Тебя бы убить следовало, а не разговоры с тобой вести.

Пытаясь хоть как-то привести в порядок свое лицо, я предположила:

— Ну, может быть, ты находился в стрессе, то есть это... В шоке... то есть нет... Как же это сказать-то... Ну, был в сильном душевном волнении... Представляешь, идут первые часы войны, немцы наступают... А тут я...

— А в сильном душевном волнении я от немцев был или от того, что тебя увидел? — спросил Сталин, еле сдерживая смех.

Я бросила в него скомканный платок и снова заголосила:

— Ну почему, почему ты шутишь все время?.. Я тебе о серьезных вещах говорю!

— Хорошо, хорошо. Дальше рассказывай. И что же я тебе сказал, когда увидел, что ты заявила ко мне в моем любимом платье, такая вот вся красивая и как раз в тот момент, когда Гитлер нам войну объявил?

— Ты меня выгнал! Ты сказал, что я предала тебя. Сказал, чтобы я убиралась вон!

— Правильно сказал! Надо было тебе еще и вдарить хорошенько. И как я там удержался? А почему ты опоздала-то?

Я махнула рукой:

— Ну просто перепутала. Перенервничала. Вернулась из 1941-го и всю память растеряла. Решила к тебе лететь, а время неправильное сказала... — Тут я снова вспомнила про фашистскую угрозу и пошла на новый виток. — Но как же ты мог эту войну-то допустить?! Ну неужели я вообще впустую тут тебе обо всем рассказывала? Это что, развлечение какое-то для тебя было?! А? Ответь мне наконец, почему там этот кошмар произошел?!

— Вот ты бросила меня, поэтому война началась. Не делай так больше. А то весь Советский Союз страдать будет. Не только я.

Снова начав его целовать, я зашептала:

— Ой, как же я люблю тебя... Как люблю... Ты же никогда не говорил, что я тебе нужна... Как хорошо все-таки, что я туда слетала... А то бы так и думала, что тебе на меня наплевать совсем...

Когда спустя пару часов мы лежали под одеялом, я вдруг вспомнила, что не выяснила у Сталина еще один вопрос:

— Скажи, а почему ты там сказал, что позавчерашний разговор должен был стать ключевым в наших отношениях?

— Много же я лишнего тебе там наболтал. Ну да... Я решил для себя кое-что. Но сейчас об этом нет смысла говорить.

— А когда будет смысл?

— Позже будет. Если ты еще куда-нибудь без спроса не сунешься...

Я сильнее замоталась в одеяло и перевела разговор:

— Холодно как. Ночь какая-то сырая. Не то что у нас там. Жара смертельная. Сорок градусов на улице. Дым кругом. Машина моя стоит под окном и плавится...

— А кто же тебе машину эту подарил? — спросил Сталин своим обычным для такой ситуации парализующим тоном.

— Почему ты думаешь, что я не сама ее купила? Многие женщины 2010 года в состоянии заработать себе на автомобиль.

Он ухмыльнулся:

— Если хочешь скрыть что-нибудь, то за словами своими внимательнее следи. Ты мне про себя уже достаточно рассказала. И легко догадаться, что нет у тебя таких денег. Ну и кто же это был?

— Никто. Это наследство от моего прадеда-энергетика. Как ни крути, а из твоей эпохи не так уж и мало пришло в мою жизнь. Дача вот, например, вся уже развалившаяся, с 1935 года нашей семье принадлежит. Квартира, хоть и сравнительно новая, но по сути дела тоже в те времена появилась, ее просто разменяли в шестидесятые. Ну а машина... Короче говоря, чтобы ее купить, я продала одну ценную вещь из остатков прадедовой коллекции.

Поняв, что я не сочиняю, Сталин еще сильнее обнял меня:

— Жаль.

— Ты о чем? — не поняла я.

— Жаль, что так все сложилось. Жила бы ты в моем времени, я бы многое мог для тебя сделать. Очень многое. И дача не развалившаяся была бы, и квартира побольше, да и вообще все было бы по-другому. А так получается, что я ничего толкового тебе дать не могу. Неприятно это осознавать.

И вот тут я поняла, что мой звездный час наконец-то пробил.

— А ты можешь, — сказала я, резко повернувшись к нему. — Ты можешь сделать мне такой подарок, который нельзя измерить никакими деньгами.

— И что же это? — с интересом спросил он.

— Страна. Наша страна. Создай такое государство, которое будет даже не сверхдержавой, а чем-то гораздо большим.

— Ну а я чем тут занимаюсь, по-твоему?

— Нет... — Я села, закутившись в одеяло. — Понимаешь, идеальное, справедливое и свободное общество. Такое, в котором люди будут счастливы, уверены в завтрашнем дне... И самое главное, чтобы оно нерушимо стояло десятки, сотни лет после твоей смерти!

Он усмехнулся:

— Мечтательница. Подумай, я же ведь не Господь Бог, чтобы чудеса творить. Да для того чтобы хоть что-нибудь достойное сделать, мне три жизни прожить придется. А то, о чем ты говоришь... И как ты додумалась до такого? Общество идеальное... Сотни лет... Люди всегда людьми останутся. И как бы не хотелось мне верить в победу мирового коммунизма, на самом деле без моего жесткого контроля все это может очень быстро полететь под откос. Ты же сама мне говорила, что там, в будущем, так и произойдет. — Он некоторое время помолчал, а потом спросил: — Так ты для этого, значит, ко мне в 1937 год пришла?

— Да.

— Ну, вот ты спрашивала, почему тот наш разговор ключевым должен был стать. Теперь отвечу. Я понять хотел, что тебе на самом деле от меня нужно было, когда ты в Кремль прорвалась. Позавчера я сделал вывод. Понял, что о чем-то в этом роде ты и хочешь попросить. Но то, что ты с таким размахом мыслишь, для меня, надо сказать, неожиданность. И потом... Если машина времени могла тебя куда угодно переместить, то почему ты именно меня выбрала? Ты же столько мне высказала о недостатках эпохи, как ты говоришь, «сталинизма». И, зная о том, что я якобы допущу войну с Германией, чуть не сдам Москву, уничтожу в лагерях тысячи, по-твоему, совершенно невиновных людей, ты говоришь мне: создай свободное и справедливое общество? Как это понимать?

— Я уверена, что никто, кроме тебя, на это не способен.

Он снова замолчал, видимо раздумывая над моими словами, а я продолжила:

— Ты мог бы это сделать. Я убеждена. Но ты не хочешь, не хочешь меня слушать. Ты не веришь ни единому моему слову. А почему — я не понимаю!

— Почему? Ты не знаешь? Да потому, что на земле есть лишь один человек, которому я безоговорочно доверять могу.

— И кто это? — спросила я, почувствовав укол ревности в сердце.

— Не догадываешься? — рассмеялся он. — Это я сам. Я верю только себе... И если твое будущее действительно есть и если ты туда так легко перемещаешься, то давай договоримся.

Завтра ты придешь ко мне в Кремль, скажем, в четыре часа. И мы с тобой обсудим, куда именно тебе надо будет отправиться, чтобы там взять у меня нечто такое, что раз и навсегда убедит меня в том, что ты говоришь правду. А теперь ложись и попробуй заснуть. А то со всеми этими войнами, слезами, полетами ты уже до того дошла, что тебя в санаторий на лечение надо отправлять, а не в будущее твое безумное, где ты живешь непонятно как...

* * *

Утром, почти выспавшаяся, я появилась в комнате у Натаныча с традиционным букетом в руках.

— Ну и как там дела? — прокричал он из кухни, услышав мое копошение.

Я пришла и села на табуретку:

— Ну, более-менее... А ты почему так рано встал? Или вообще спать не ложился?

Он громко отхлебнул чай:

— После твоего вчерашнего полета в 1941 год меня сильно заинтересовали исследования временных расслоений. Я так увлекся, что и не заметил, как утро наступило. Но ты все-таки давай-ка не таи, что тебе вождь-то сказал, когда услышал, что Гитлер наплюет на его идиотский пакт о ненападении.

— Сказал... — Я уткнулась носом в источающие нежный аромат розы. — Сказал, что из-за того, что я его брошу, он впадет в сильное душевное волнение и provorонит войну.

— Ай, молодец! Шутить, значит, изволит. А что-нибудь стоящее он тебе не соблаговолил сообщить?

— Да. Он отправил меня к единственному человеку, которому доверяет.

— К Молотову?! — вытаращился на меня Натаныч.

— Нет, к Берии твоему любимому в Грузию поеду! Думай, что говоришь. Он верит только себе, поэтому хочет, чтобы я слетала к нему самому, ну то есть в какое-то другое время, и принесла оттуда нечто! И это загадочное нечто должно произвести на него столь неизгладимое впечатление, что он сразу проникнется моими идеями.

— Ну что ж, это вполне таки в его стиле. И куда же ты отправишься? — радостно потирая руки, спросил великий экспериментатор.

— А это мы с тобой узнаем после того, как я схожу домой, позавтракаю, приведу себя в порядок и слетаю в тамошний завтрашний день, где в четыре часа у меня состоится кремлевская встреча на высшем уровне.

— Так иди уже быстрее, а то я тут от любопытства сгорю!

Я встала и пошла по направлению к двери:

— Сгоришь ты не от любопытства, а от жары собственного производства. Так что давай, чтобы не перегреться, прими прохладный душ и сиди, жди меня. Я мигом!..

Спустившись пешком по лестнице, я быстро зашла в квартиру и наткнулась на сына, стоявшего в задумчивости перед моими платьями, которые я беспорядочно развесила по всему коридору.

— Ага! — сказал он, увидев цветы. — Скажи-ка мне, мама...

— Ну что тебе сказать? — Я быстро прошла на кухню, наполнила водой огромную вазу и стала подрезать розы.

— Меня интересует, почему эти цветы имеют столь странный вид? — Глеб зло ткнул

пальцем в бутон.

— Потому что это старинный сорт. Это было модно перед войной. Тогда дарили только такие розы.

— Понятно, понятно...

— И что же тебе понятно? — Мне показалось, что он испытывает сильную потребность выбросить и букет, и платья.

— Понятно, что у гвинейского диктатора извращенный вкус.

— Отличный у него вкус, — огрызнулась я. — Хватит нудить.

— А это кольцо, надо понимать, тебе тоже твой каннибал подарил? — он крутился вокруг меня, как малыш возле новогодней елки. — А наряды? Ты сама их купила?

— Так! — Я вернулась в прихожую, поснимала платья и спрятала их в гардероб. — Вот только ты мне тут еще моралей не читай про кольцо это злосчастное. Мало мне сентенций Натаныча, еще собственный сын будет в мои дела лезть! Подарил он мне его, подарил — и не только кольцо. А платья я сама купила, чтобы он окончательно голову потерял и сделал меня первой женой в своем гареме. Все! Отстань уже от меня. Иди Маше позвони!

Обидевшись, Глеб ушел к себе в комнату, а я с легким сердцем стала прихорашиваться. Примерно через полтора часа я нарядилась в еще одно любимое сталинское платье и отправилась на девятый этаж.

— Итак, дорогой друг, сейчас мы выясним, что на уме у нашего генералиссимуса! — сказала я, располагаясь на выпуклых листах ватмана, которыми Натаныч зачем-то застелил ковер. — Давай! 16.00, Москва, Кремль.

— А на сколько? Я тут подремать в твоё отсутствие успею?

— Думаю, что не получится. Обычно днем у него на меня времени почти нет. Поэтому лучше таймер минут на сорок поставить. А там по обстановке разберемся.

Так мы и сделали. Через пару секунд я оказалась в кабинете.

Вопреки заведенной между нами традиции вести себя в Кремле по-пуритански, Сталин заключил меня в объятия.

— Ты что? Случилось что-то? — прижимаясь к нему, удивилась я.

— Нет... Ничего. — Он отпустил меня и, усадив на стул, прошел на свое место. — У меня мало времени. Продолжим наш разговор. Ты как-то сказала мне, что я умру в марте 1953 года. Так?

— Да. Но это было в той реальности, из которой я пришла. А что тебя ждет здесь, я не знаю.

Он закурил и внимательно посмотрел на меня:

— Ты сегодня прекрасно выглядишь. И это платье тебе так к лицу.

Я улыбнулась:

— Да что с тобой такое? Ты меня как-то пугаешь...

— Просто я рассуждаю, как следует поступить... — Он сделал паузу. — Тебе придется отправиться в мое будущее. Сейчас я скажу, куда именно. Там ты возьмешь у меня то, что я для тебя приготовлю, и вернешься обратно сюда. Хотя нет. Мы встретимся вечером на даче. В десять. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Конечно... Но... Но ведь тогда время снова расслоится, — испугалась я. — Получится, что ты как бы разделишься на две части. К первому тебе я вернусь сегодня же. А ко второму — спустя много лет. И что мы будем с этим делать? — Я снова вспомнила, как

он встретил меня в 1941-м.

— Да... — мрачно взглянул он на меня. — Это трудно себе представить. Но факт остается фактом. Одному из нас сегодня повезет, и ты придешь вечером, выполнив мое задание. А другой останется один.

— И как после этого ты встретишь меня в будущем? Ведь там-то будет именно тот, с кем я сегодня расстанусь навсегда! Представляешь, навсегда!

Он покрутил между пальцев папиросу:

— Не волнуйся. Тебе будет оказан хороший прием. Что касается меня... Ну что ж. В конце концов, я привык терять своих женщин. Хотя... Нет. Пусть тебя теряет тот, другой. А я, как это ни парадоксально прозвучит, буду более удачлив и дождусь твоего возвращения.

Мне захотелось его обнять, но я понимала, что сейчас не время:

— А как же ты сможешь предсказать, куда и во сколько мне приходить к тебе? Вдруг так случится, что там не будет ни этого кабинета, ни дачи... Да и вообще все будет по-другому?

— Ты снова о войне? — откинулся он на спинку стула. — Даже если допустить... Хотя я не верю в такую возможность. Так вот, даже если допустить, что война с Германией будет идти на нашей территории, то я тебе гарантирую: в Москву немецкие войска не войдут. Поэтому все останется примерно так, как сейчас.

«Как же он самоуверен, — подумалось мне. — Это невероятно. Сначала он вытащил страну из разрухи. Потом по его милости начнется этот военный кошмар. А после он сделает невозможное и все восстановит. Это безумие какое-то. У него явно ощущение, что он правит миром. И он даже не допускает мысли, что может ошибаться».

— И ты уже назначил дату? — спросила я. — Ты что, придумал, когда будешь ждать меня там, в будущем?

— Вот. — Он быстро написал на блокнотном листе цифры и протянул мне. — Приходи точно в это время на дачу. Я позабочусь, чтобы место, где ты появишься, всегда держали свободным.

Я посмотрела на бумажку. Если мыслить в координатах моей реальности, то до его смерти должно было остаться чуть меньше года.

— Пройдет пятнадцать лет! Ты не забудешь о том, что я должна прийти?

— Забуду ли я? — рассмеялся он. — Ты не понимаешь, о чем говоришь. Иди. Прямо сейчас. Только без перерыва! И не смей оставаться там дольше тридцати минут!

«Уж не ревнует ли он меня к самому себе?» — мелькнуло у меня в голове, и я прошептала:

— Я все сделаю именно так, как ты считаешь нужным. Но я не могу не сказать тебе на прощание...

Он остановил меня жестом:

— Не нужно. Мы увидимся вечером и поговорим. Сколько ты еще будешь здесь?

Я посмотрела на часы:

— Минуту.

— Тогда в любом случае до встречи.

Оказавшись на полу в 2010 году, я стала трясти все-таки заснувшего Натаныча:

— Эй, эй! Очнись! Труба зовет!

— Что такое?! — Он резко сел и потер небритую физиономию. — Что он тебе сказал?

Я показала ему лист бумаги:

— Отправляй меня на дачу в этот день и час. Немедленно!

— Ты с ума сошла! — замахал он руками. — Это иная реальность! Там может быть что угодно: землянка, воронка, лагерь... Там вообще может ничего не быть!

— Натаныч!!! Приди в себя! — Я схватила его за руку. — А как иначе? Нам все равно предстоит рисковать. Мы же договаривались. Доставай свою чудо-пластину, программируй события и запускай!

Он покряхтел, побормотал еще пару слов о высокой вероятности провала и после десятиминутной работы переподсоединил электроды и сказал:

— Полчаса! Не больше!

— Вы с ним мыслите на удивление синхронно! — рассмеялась я. — Ну все. Хватит тянуть. Нажимай уже кнопку, а то сил нет никаких. Хочу знать, что он там приготовил для самого себя.

Натаныч хмыкнул, ткнул Enter, и я испарилась.

Как и прежде, я очутилась на полу возле подоконника. За окном был солнечный день, поэтому спальня была хорошо освещена. Кроме меня, в ней никого не было. При этом отчетливо чувствовалось, что на кровати уже давно никто не спал, да и вообще если кто и появлялся в этой комнате, то лишь для того, чтобы вытереть пыль.

«Уж не умер ли он?» — испугалась я и, быстро вскочив на ноги, пошла на поиски. Оказалось, что за годы моего отсутствия на даче провели перепланировку. Мне было трудно предположить, куда именно надо идти, поэтому я осторожно открывала первую попавшуюся дверь и увидела Сталина. Он сидел на диване и курил. Меня поразило, насколько сильно он постарел. Когда я вошла, он посмотрел на меня и улыбнулся:

— Ты, как всегда, вовремя. И, как всегда, молода и прекрасна.

Я бросилась к нему, села рядом и сказала:

— У меня так мало времени. Всего полчаса. Ты помнишь? Помнишь, что запретил мне быть здесь хотя бы на минуту дольше?

— И ты, конечно же, не решилась меня обмануть, — усмехнулся он. — Сколько прошло для тебя после нашего последнего разговора в 1937 году?

— Примерно пятнадцать минут.

— Да. А для меня целая жизнь. Ну что ж... — Он встал и подошел к столу. — Отдай это тому преисполненному иллюзий счастливцу, который ждет тебя в тридцать седьмом году. И передай, чтобы почаще говорил тебе о своих чувствах. — Он протянул мне толстый бежевый конверт, в котором, судя по всему, лежала пачка каких-то бумаг. — Ты, наверное, хочешь спросить о войне?

— Неужели она все-таки была?

Он тяжело опустился на диван.

— Да. Как ты и предсказывала, 22 июня 1941 года. И знаешь, действительно в семь часов утра.

— И ты ее не предотвратил? — Я расстроено прижала к себе конверт. — Но почему?

— В чем-то просчитался. Сделал несколько неверных ходов. Впрочем... Что теперь

рассуждать. Советский народ победил. Страна восстанавливается. Фашизм разгромлен.

— И был весь этот ужас? Эти невероятные потери? Разрушенные города?

— Нет. Что-то из того, о чем ты говорила, я принял к сведению. И поэтому многое сложилось иначе.

— Битва под Москвой была?

— Нет.

— А блокада Ленинграда?

— Нет.

— А Сталинград?

— Они до него не дошли. Если хочешь, посмотри, там лежит карта. На ней отмечена линия фронта. Это переломный момент в начале 1943 года.

Я быстро встала и, подойдя к столу, стала рассматривать разрисованную линиями и стрелками карту. Да, безусловно, это была несколько иная война, не та, которую я проходила в школе. Но все равно масштаб катастрофы был огромен.

— И сколько это продолжалось?

— Четыре года. Капитуляцию подписали в 23.55 по берлинскому времени. А в Москве уже было девятое мая.

Я разочарованно посмотрела на него:

— Практически то же самое. Я так и не смогла ничего сделать. Все это оказалось бессмысленно...

Сталин перебил мои вздохи:

— У тебя в руках конверт. Пятнадцать лет назад ты сказала мне, что я способен создать идеальное государство. Теперь было бы слишком поздно. Но в 1937 году... Ты даже не представляешь, чего бы я мог достичь, если бы поверил хотя бы в половину того, о чем ты говорила. Сколько у тебя осталось времени?

Я посмотрела на часы:

— Семь минут.

— Иди сюда. Посиди со мной.

По-прежнему прижимая к себе конверт, я села и положила голову ему на плечо:

— Ты знал тогда, в 1937 году, как сильно я тебя любила?

— Конечно знал. Ты помнишь, ведь я тебя насквозь видел.

— А ты? Ты любил меня?

— Любил. Но, как ни парадоксально это прозвучит, тот, который скоро встретится с тобой в 1937 году, любит тебя гораздо больше, чем я.

— Как это? Почему? — спросила я, пытаюсь быстро вытереть непрошеные слезы.

— Я не верил тебе и смог пожертвовать нашими отношениями ради того, чтобы узнать правду. А тот, который там... Он сделает для тебя невозможное.

— Ты так убежденно это говоришь... — Я уже не могла сдержаться и плакала навзрыд. — Но почему ты думаешь, что не ошибаешься?

— Потому что я знаю его. А он доверяет только мне...

* * *

Таймер сработал. И я, зареванная, появилась на полу у Натаныча.

— Да боже ж мой! — воскликнул он. — Да хоть бы кто-нибудь за всю мою жизнь лил обо мне столько слез! Это ж надо! Да как ты можешь? Разве он того стоит?

— А что, слезы льют только по тем, кто этого достоин? — вся урыдавшись, спросила я. — Сплошь и рядом все наоборот происходит. Будто бы ты не знаешь!

Я положила конверт на диван и пошла в ванную умываться. Жара была зверская, и я буквально плавилась в своем платье, рассчитанном на прохладные вечера 1937 года. Хотя как-то приведя себя в надлежащий вид, я вернулась в комнату и застала Натаныча медитирующим над сталинским конвертом.

— И что ты так на него смотришь? — спросила я, усевшись на диван и на всякий случай прижав к себе драгоценное послание 1952 года.

— Я это... Так сказать, думаю... — Он помахал на себя какой-то мятой картонкой. — Это ведь не просто пакет. И даже не бандероль какая-нибудь! Это завешание великого тирана двадцатого столетия самому себе! Ты понимаешь, насколько эксклюзивная информация в нем содержится?

— Понимаю. Понимаю. Очень хорошо понимаю, что у меня в руках запечатанный конверт, адресованный лично Сталину. А у тебя бзик читать чужие письма! И даже не проси меня об этом! Я не позволю. Давай сейчас же отправляй меня в 1937 год!

Натаныч был готов урыдаться вслед за мной:

— Ты не осознаешь масштабов! Ты действуешь во вред нашему общему делу! Из-за тебя мы не построим идеальный мир! — вопил он, пытаясь хоть как-то уговорить меня на противоправные действия. — Давай его распечатаем. Посмотри... Он ведь приклеен-то совсем чуть-чуть. Просто символически.

— Натаныч! Отстань! Я же сказала!

Но он не слушался и продолжал бегать передо мной, отчаянно жестикулируя:

— А кстати, обрати внимание! Насколько это невежливо со стороны твоего любимого вождя. Во-первых, по правилам хорошего тона вот так вот закрытые конверты с близкими людьми не передают. А во-вторых, от тебя у него вообще секретов не должно быть. Зачем он его заклеил? Скажи, зачем?

— Потому что знает, что я тут не одна машиной времени управляю! Догадался, наверное, что тебе в голову вступит по его документам шарить! Вот и запечатал. Все! Прекрати! Разговор окончен!

В отчаянии Натаныч решил перейти к грязному шантажу:

— Окончен разговор, говоришь? Да? Ну и лети в свой 1937 год! Пожалуйста. Вот комп. Вот сетка. Вводи координаты, время. Нажимай кнопку... И до свидания!

— Ах ты гад какой! — возмутилась я. — У тебя же там защита стоит. Я сейчас ткну в Enter — и все сотрется. Ага? И я собственноручно лишу себя возможности с ним встречаться?

Натаныч отбросил картонку и развел руками:

— Выбирай. Либо ты сидишь дома с конвертом в обнимку и пишешь мемуары о неожиданно прервавшемся романе с Отцом народов, либо мы сейчас аккуратненько отпариваем этот треугольничек, тихо-мирно смотрим внутрь, и я, как прежде, работаю для тебя богом любви. Ну что?

Я зло посмотрела на него:

— Натаныч, ты представляешь, что он со мной за это сделает?! Да он в порошок меня сотрет, если заметит, что конверт распечатан!

Он самодовольно расхохотался и потер руки:

— Ну не преувеличивай, я таки тебя умоляю! Ну поругает немного для проформы. Ты всплакнешь, искренне расскаешься. Тебе это, кстати, очень даже идет. Потом он снизойдет до великого диктаторского прощения. Растрогается от твоих прекрасных глаз с бриллиантами слез на ресницах. И скажет: ну что, мол, мне этот конверт дался, раз рядом со мной такая чудная женщина!

— Хватит уже. Хватит. Уж решил издеваться надо мной, так давай делай это молча. На, держи, — протянула я ему посылку.

— Молча так молча! — Он выхватил у меня конверт и умчался на кухню отпаривать клей. — Через некоторое время он прибежал обратно и, положив послание на пол, аккуратно отклеил треугольник.

Мы оба встали на четвереньки и с замирающим сердцем, работая в четыре руки, вытащили из несчастного конверта толстую пачку листов, исписанных сталинским почерком.

Натаныч издал стон раненого барса:

— Но это же грузинский язык!!!

— А ты думал, он на китайском сам себе письмо пришлет? — со злорадством ответила я. — Вот, читай теперь.

— А ты грузинского не знаешь? — обиженно, как ребенок, спросил Натаныч.

— Нет, генацвали! Не знаю.

— Плохо! Очень плохо! У тебя роман со Сталиным, а ты по-грузински не говоришь! Это недоработка какая-то! Вот что нам теперь делать?

— Понятно, что делать! — Я попыталась забрать у него листы. — Конверт запечатывать и адресату доставлять.

Но у Натаныча родилась новая идея:

— Слушай, а давай к Гоги сходим?

— К какому еще Гоги?! Ты рехнулся совсем, да?

— Ну к Гоги из тридцать пятой квартиры. Он же тебе в прошлом месяце во дворе шину помогал накачивать.

— А, ну да. Просто я как-то даже и не думала, что он Гоги. Мы его вообще-то Георгием Александровичем зовем. А он что, грузин что ли? Я знаю, у него жена русская.

Натаныч, окрыленный новой идеей, стал переодеваться, совершенно не обращая на меня внимания.

— При чем здесь его жена? — Он забежал по комнате в одних трусах, пытаюсь отыскать брюки. — Важно, что сам он грузин. Правда, он всю жизнь в Москве прожил, но, наверное, язык-то родной не забыл, раз говорит с таким акцентом.

Я махнула рукой:

— Да это не акцент никакой, мне так кажется. По-моему, он просто дурака повалать любит. Так же как и ты со своим «таки». Поэтому и болтает он как в кино. А на самом деле вряд ли вообще читать по-грузински умеет. Может, он и не грузин вовсе...

— Ты что! — Натаныч наконец-то напялил штаны и занялся рубашкой. — Он сам мне говорил, что его бабка в тбилисском театре играла. Так что он нам обязательно поможет. Кстати! Я ему позавчера тестер дал, проводку прозванивать. Вот хороший повод, чтобы зайти.

— А ты думаешь, он дома?

— Сейчас посмотрю, стоит его машина во дворе или нет. — Он высунулся из окна и повис.

— Ну и долго ты там торчать будешь? — Я хотела побыстрее закончить эту безумную историю. — Что ты там высматриваешь? Говори уже, есть машина или нет?

Натаныч вернулся в комнату:

— Есть. Вроде бы на месте... Но знаешь... — Он снова взглянул за окно и обеспокоенно поскреб затылок. — Там опять этот синий «каблук» маячит.

— Ну и что?

— Не знаю. Но уверен, ничего хорошего это не принесет. Все! — Он схватил пачку сталинских листов и запихнул все это в потрепанный портфельчик, наверняка сохранившийся у него еще со времен Косыгина. — Идем, а то я умираю от желания узнать, что там написано. Комп не выключаю, все равно тебя скоро на дело забрасывать. Газ не горит. Окна пусть остаются открыты... В путь! — И он потащил меня к выходу.

Через несколько минут мы стояли перед дверью тридцать пятой квартиры:

— Вах! Кого я вижу! — громогласно поприветствовал нас утесоподобный Гоги. — Геннадий! Елена! Заходите! Жалко, жены нет, а то бы она что-нибудь вкусное состряпала...

— Гоги, тут такое дело... — Натаныч решил прямо с порога перейти к сути вопроса. — Срочно, понимаешь, срочно нужна твоя консультация. Скажи, ты по-грузински говоришь?

Наш сосед расплылся в белозубой улыбке:

— Слушай, зачем глупые вопросы задаешь? Не только говорю! Стихи читаю, песни пою! Хочешь, сейчас вам свою любимую исполню? — он попытался что-то запеть, но мы его остановили, отчаянно замахав руками.

— Значит, так! — Натаныч широким шагом прошел в комнату и положил на журнальный столик свой портфель. — Здесь лежат документы. Это посмертный роман моего армейского друга. Мы на флоте вместе служили. Надо узнать, что в нем написано!

— Какой разговор! — с воодушевлением восприняв возможность хоть как-то отвлечься от безумной жары, сказал Гоги и плюхнулся в кресло. — Доставай свой роман. Читать будем, что там такого понаписал твой моряк.

Натаныч вытащил драгоценную пачку и торжественно положил перед нашим толмачом. Тот удивленно уставился на ровные строчки:

— Слушай, дорогой! Ты что такое мне принес? Это не грузинский язык!

— Не может быть! — хором, как октябрята, вскрикнули мы и дружно стали тыкать в листы пальцами.

— Ты не вчитался! — стал возмущаться Натаныч. — Это политический триллер! Может, тут выражения какие-то незнакомые? Так ты словарик возьми, если наизусть не помнишь! Или, может, ты вообще читать не умеешь?

Последнее предположение задело Георгия Александровича за живое, и он зло зыркнул на Натаныча:

— Зачем говоришь такое, Геннадий? Обидеть хочешь? Я тебе сказал! Это не по-грузински написано. Если на то пошло, то это вообще не язык ни какой! Мамою клянусь!

— А что же это тогда? — опешила я.

— Шифр! Шифр это какой-то! — Гоги нацепил очки и внимательно стал просматривать один за другим все листы. — Буквы наши. Это точно. Но ни слова не понимаю! Веришь, нет? Выглядит как грузинский текст, а на деле ерунда какая-то! На! Забери! Не могу я прочесть, что тут твой морской разведчик зашифровал...

Минут через пятнадцать мы пошли обратно, с трудом вырвавшись от гостеприимного Георгия, который отчаянно хотел влить в нас горячий чай с фирменными ватрушками своей жены.

Натаныч находился в подавленном состоянии. Пока мы ехали в лифте, он молча ковырял кнопки, а на площадке девятого этажа заявил:

— Наверняка с помощью элементарной дешифровальной программы это можно было бы легко прочитать. Только взять ее негде. Я никогда этим не занимался. И никаких выходов на нужных людей у меня нет.

— Ну и чудно! — обрадовалась я. — Сейчас все заклеим. Я схожу домой, переоденусь и полечу в тридцать седьмой. А то у меня уже душа не на месте.

Мы зашли в квартиру. Я примостилась возле дивана, чтобы засунуть пачку листов обратно в конверт, а Натаныч, усевшись по-привычке за компьютер, вдруг начал истошно кричать:

— Батюшки милые! Ты только посмотри! Посмотри на этот кошмар! — Он отчаянно забарабанил руками по монитору. — Хакеры! Атака!

Ничего не понимая, я подскочила и уставилась в экран. На нем сиял красный прямоугольник с уведомлением, что программа совершила ошибку и не может работать в корректном режиме.

— Это что еще такое? — похолодела я. — Натаныч, я не понимаю... Что, машина времени накрылась?

Он схватился руками за голову:

— Да! Кто-то взломал систему! При этом сработала моя защита и все обрушилось.

У меня стало черно перед глазами, и я поняла, что готова его прибить:

— Ты! Ты! Умник недоделанный! Ты что, так и не отключил компьютер от Интернета?

— Нет... — он вжал голову в плечи и искоса посмотрел на меня.

— Маразматик! — заорала я, начиная впадать в истерику. — Ты же сам второй день твердишь о том, что под окном какая-то тачка торчит, которую ты в чем-то подозреваешь. Так как же ты мог элементарную безопасность не соблюдать?! — Я схватила стул и грохнула его об пол. — Что теперь делать?! Что мне, мне теперь что делать, я тебя спрашиваю?

От злости, отчаяния, а также от жары и дымовой завесы, которая висела над городом, мне стало дурно, и я осела на диван, понимая, что еще чуть-чуть — и мне понадобится не машина времени, а похоронные дроги. Натаныч, увидев мое состояние, испугано стал обмахивать меня медным экраном:

— Ну, ну... Ну, ну... Успокойся... Все под контролем! Ты испугалась, что я не смогу тебя в 1937 год отправить? Так не переживай, я все переустановлю, программы перепишу — и все будет о'кей.

Я закрыла лицо руками:

— Больше не могу... Не могу выдерживать тупости твоей бараньей. У тебя есть копии этих программ? Сколько по времени займет их восстановление? И что все это значит? Тебе на хвост сели? Да?

Он плюхнулся рядом и стал гундосить:

— Ну не обижайся... Копий нет. Все хранится у меня в голове... Я же не думал, что чем-то стоящим занимаюсь... Мне казалось, что это никого не интересует, кроме таких дураков, как мы с тобой... И знаешь, хочу признаться, что не сказал тебе кое-что важное...

И он начал свою исповедь, которую я слушала, не понимая, как психически нормальный

и бесспорно гениальный человек мог вести себя как абсолютный кретин. Оказалось, что он заметил нечто неладное уже довольно давно — еще до своего исторического полета в 1974 год. Якобы за пару дней до этого он и увидел, что под окном стала дежурить синяя машина, которая, по его мнению, может быть оборудована подслушивающими устройствами. Но об этом он догадался только сегодня, а тогда он все еще продолжал заблуждаться, думая, что всему миру его исследования до фонаря. После этого был момент, когда он забросил меня в прошлое на десять часов, а сам сел работать. И тут неожиданно началась атака на его компьютер, а я в своем 1937 году оказалась под угрозой невозвращения, то есть на волосок от трансформации в молекулярную пыль. Меня спасло только то, что он — о чудо! — выдернул провод выделенной линии и запустил свои супермощные программы безопасности. Продолжал ли он в последующие дни оставаться отключенным от Интернета? Ясное дело, нет! Ведь где же он смог бы тогда читать новости и пополнять свой интеллектуальный багаж?

Но еще хуже, как оказалось, дела обстояли с его путешествием в прошлое. По его словам, он, воспользовавшись собственным старым пропуском, проник в лабораторию под самый конец рабочего дня, сделал там кое-что очень важное (об этом он так мне ничего и не рассказал, прикрываясь подпиской о неразглашении и военной тайной) и вернулся обратно, чтобы начать эксперимент. И тут у него все пошло наперекосяк. Та штука, которой он занимался в 1974 году, сработала немного не так, как ему того хотелось. Но это он понял не сразу, а потом, когда запустил программу переиначивания реальности. И теперь эта жара вовсе не закончится через две недели, как он мне обещал, а будет продолжаться еще неизвестно сколько. Ну и про таймер, который должен сработать в 1974 году, он, конечно же, наврал. При этом он очень удивился, почему я сомневаюсь в том, что его итерационная программа корректно работает. Ведь эта совершенно аномальная жара все-таки наступила, а значит, он является истинным гением отечественной мысли и сможет одним щелчком переделать мир, тем более что теперь-то он уже точно внес все необходимые изменения и довел обе программы до совершенства.

На мой вопрос о том, что теперь вообще будет с погодой в нашем регионе, он заявил, что ничего страшного не произойдет, хотя... Зимой, вполне возможно, случится что-то из ряда вон выходящее, но особенно глобальных последствий его выкрутасы, скорее всего, иметь не будут. После этого он поклялся мне отключить комп от выделенки, в кратчайшие сроки восстановить систему и отправить меня наконец в 1937 год.

— А сейчас иди к себе, отдохни, заклей конвертик и успокойся, — заявил он, по-отечески заботливо поднимая меня с дивана. — Думаю, что часам к восьми вечера все будет готово.

Оставив его наедине со своими безумными мыслями, я забрала посылку, пошла домой, аккуратно приклеила бумажный треугольник и, приняв душ, слегла в кровать и заснула, задыхаясь в дыму лесных пожаров.

* * *

Часа через три меня разбудил телефонный звонок:

— Ты только не волнуйся, но комп сломался. У него блок питания полетел, — сказал, заикаясь, Натаныч.

— Блок питания? — Я села на кровати. — От того, что хакеры на тебя напали? Скажи мне, вот ты врала такой от природы или этому тебя в твоём «почтовом ящике» научили?

Он захихикал:

— Умная, да? Ну хорошо, блок питания в норме. Проблема другая. Короче, так. Если хочешь лететь в тоталитарный 1937 год сегодня ночью, то давай мне свой лэптоп, я буду из него машину времени делать. А ежели тебе милее наша демократическая действительность, то можешь подождать ещё денек...

— Понятно... — Я метнулась к столу и быстро включила ноутбук, чтобы успеть заархивировать и защитить паролем все личные документы и фотографии, по которым Натаныч с его манией совать нос, куда не следует, непременно будет лазить. — Сам зайдёшь или мне подняться?

— Сиди уж, красавица... Сейчас буду...

После его ухода я несколько минут бесцельно побродила по квартире, а потом вышла на балкон посмотреть, стоит ли ещё во дворе загадочная синяя иномарка. Оказалось, что она действительно облюбовала себе место возле трансформаторной будки и, по всей видимости, никуда уезжать не собиралась. На этот раз у неё было приоткрыто водительское окно, и мне было хорошо видно, как человек за рулём что-то пьёт из пластикового стаканчика и разговаривает с кем-то сидящим на заднем сиденье. Интересно, они действительно торчат здесь, чтобы прослушивать наши разговоры, или Натаныч это для красного словца брякнул? Посетовав в душе, что за всю жизнь не прочитала ни одного детектива, я вернулась в комнату. У меня было ощущение, что я живу в каком-то мире ужасов, где, с одной стороны, царствует расстрельный мрак 1937 года, а с другой — не даёт никуда рывнуться колпак, созданный неизвестными наблюдателями. Если Натаныч прав и его действительно пасут, то больше нам нельзя открыто обсуждать планы оптимизации общества. Придётся это делать как-то тайно, хотя... В том случае, если какие угодно структуры задались целью нам помешать, то, ясное дело, они не ограничатся одним взломом программы...

Ближе к полуночи, не имея никаких вестей от куда-то запропастившегося Натаныча, я начала беспокоиться, уж не случилось ли с ним чего-то ужасного со всеми этими полуреальными мафиозными группировками и хакерскими атаками. Я навела макияж, надела легкое платье и, оставив Глебу записку о том, что уехала на саммит африканских стран, взяла сталинский конверт и пошла на девятый этаж.

— О! Какие люди и без кремлевского конвоя! — поприветствовал меня Натаныч, с трудом держась на ногах. — Заходи. Черный воронок отвезет тебя к твоему кровавому тирану. Хотя... Кажется, кровавым тираном называли Иосипа Броз Тито... Но это не суть...

— Ты что, пьяный, что ли? — удивленно спросила я, уловив недвусмысленный запах перегара, и прошла в квартиру.

На столе красовался натюрморт из почти пустой бутылки водки, граненого стакана и чахлого хвоста колбасы. За все годы нашего общения я впервые видела Натаныча в таком состоянии.

— И как это понимать? — спросила я, осторожно присаживаясь на пуф.

— А как тебе больше нравится! Хочешь — понимай это как есть. А хочешь — строй иллюзии... — Он пьяно расхохотался.

— Ты ноутбук настроил? — Я чувствовала, что мои нервы натянулись, как стальные тросы вантового моста.

— Да. А как же! Я же гений! Можешь садиться на пол. И ту-ту... Лететь куда

подальше! — Он на удивление ловко перекинул ногу через спинку стула и сел на него верхом. — Только вот ответь мне... Ну ответь как на духу! Чем тебе так нравится Иосиф твой Виссарионович?

— Тебе-то какое дело?

— А я тебе скажу. Скажу, какое мне дело. Ему там сколько сейчас лет? Примерно пятьдесят семь или пятьдесят восемь... Так... А тебе сороковник...

— Мне еще тридцати девяти нет. Может, хватит тут ерундой страдать?

Он отрицательно поводит пальцем:

— Ни за что ты не уйдешь от ответа! Хочу понять... Да! Я таки понять хочу, что ты в нем нашла! Ну что?! Связалась бы с молодым, красивым, богатым... А тут... Тьфу! Одним словом. Он же ведь... это... ну никак уже, просто никак, скорее всего... Я же помню себя в его возрасте.

Я начала свирепеть:

— Слушай, ты, алкаш-новобранец! Был бы ты трезвый, я бы, может, и промолчала. Но раз ты нахрюкался, я тебе скажу. Ты такие предположения делаешь, потому что свечку в 1937 году держал? Или из-за того, что вдруг ко мне вспылал какими-то далеко недружескими чувствами? А?

— Тебе шестнадцать лет было, когда мы познакомились! Я тогда еще пожалел, что ты такая карапузина. А знал бы, что ты, когда вырастешь, геронтофилией страдать будешь, так, может быть, я бы это...

— Заткнись! — Я подошла и схватила его двумя руками за воротник рубашки. — Чем я страдаю — дело мое. А вот ты болен мазохизмом, потому что, видимо, очень хочешь услышать то, что я тебе сейчас скажу. Сталин — фантастический любовник. Понимаешь? Фантастический! А наша разница в возрасте меня вообще с ума сводит. Так что ты сейчас отправишь меня на дачу в десять вечера того же дня, а сам ляжешь спать в ожидании утреннего похмелья!

Я повернула его к ноутбуку, проследила, чтобы он ввел все так, как нужно, и села на пол, отчаянно вцепившись в электроды. Он постучал кнопками и спросил:

— Готова?

— Давно.

— Ну и лети тогда в полночь. Пусть он там поскучает немного без твоих виртуозных ласк...

Я хотела выкрикнуть какое-то ругательство в его адрес, но не успела, так как оказалась в пустой спальне 1937 года.

* * *

Я сидела и боялась встать. Откровенно вскрытый конверт и двухчасовое опоздание сулили мне прием в стиле 1941 года. Однако тянуть дальше было бессмысленно, и я, взяв себя в руки, пошла сдаваться. Выйдя из спальни, я открыла дверь в большую комнату и быстро зашла внутрь.

Сталин, который, видимо, два часа напролет сидел здесь и курил, поднял на меня глаза и отложил трубку на стол. Я стояла и от страха не могла выдавить из себя ни слова. Я была готова к приступу ревности, скандалу из-за того, что распечатала конверт, и даже к выговору

за то, что не пришла сюда сразу после визита в 1952 год, а болталась в своем времени до ночи. Но того, что произошло дальше, я никак не ожидала.

Он резко встал. Подошел ко мне и вдруг стал обнимать меня так, как не делал еще ни разу за все время нашего знакомства. Даже если бы он сам там, в 1952 году, не рассказал мне о том, что любил меня здесь, в 1937-м, то после этих объятий у меня не осталось бы никаких сомнений в силе его чувств. Он целовал меня, не говоря ни слова, но для меня это было гораздо важнее признаний.

Я поняла, что опять забыла о парадоксах времени. Эти два часа, на которые я опоздала по вине пьяного Натаныча, заставили Сталина принять как факт то, что он оказался в иной реальности и теперь увидит меня лишь через пятнадцать лет, да и то всего на полчаса. И все это время с десяти до двенадцати ночи он думал о том, что потерял меня навсегда. Не знаю, насколько его волновало то обстоятельство, что ему придется не читать, а писать свое загадочное зашифрованное завещание, но то, что в течение последних ста двадцати минут он фактически переживал мою смерть, было очевидно.

Отбросив на стол конверт, который ему мешал, он немного отстранил меня от себя и посмотрел мне в глаза:

— Видишь. Я оказался более удачлив, чем тот, у которого ты побывала.

— Ты же мне это обещал, — улыбнулась я, надеясь, что, обуреваемый чувствами, он не станет меня допрашивать.

Но он, видимо, решил, что романтики на сегодня вполне достаточно, и сказал:

— Теперь тебе придется о многом мне рассказать.

Я кивнула, и мы сели на диван.

— Почему ты так долго дома была? — спросил он, поворачивая меня к себе лицом.

— Машина времени сломалась. Понимаешь, что-то не так. Кто-то хочет нам помешать. Был взлом системы... Ну, в общем, ее сломали как бы извне. И на восстановление понадобилось несколько часов.

Просканировав меня взглядом, он принял этот ответ и перешел к следующему этапу дознания:

— А опоздала почему?

Я закусила губы. Очень не хотелось признаваться в том, что упившийся вусмерть Натаныч поехал умом и от ревности ввел в компьютер не то время. Но любая ложь могла иметь для меня катастрофические последствия.

— Понимаешь, этот друг мой... Он... Он сильно переживал, что машина сломалась. Ну и выпил лишнего. Поэтому ввел не те данные...

Сталин внимательно посмотрел на меня:

— Это ответ неполный. Значит, есть что скрывать.

— Нет... — сразу распереживалась я. — Не хочу, чтобы ты так думал. Это такая ерунда, из-за которой тебе не стоит меня подозревать в чем-то. Ну... Ну... Дурак он, одним словом. Приревновал меня к тебе. Ему же приходится быть невольным свидетелем того, как часто я к тебе ухожу. Ну вот, видимо, человек и впал в это... ну ты знаешь, сильное душевное волнение.

Он усмехнулся:

— Это давно понятно было. Действительно, чушь полная. Теперь давай о документах.

Я послушно встала, взяла со стола злосчастный конверт и села обратно. При этом у меня было ощущение, что я попала в сказку, где Синяя Борода требует у жены предоставить

ему испачканный ключ от потайной комнаты. Затаив дыхание, я отдала бумаги и стала следить за действиями Сталина, надеясь, что он ничего не заметит.

Он быстро оборвал край, вытащил листы и начал их просматривать. Меня это поразило. Неужели он может так просто читать свои шифрограммы? Или это не грузинский, а какой-то иной язык, которого не знал наш сосед, а Сталин изучал где-нибудь в духовной семинарии?

— Скажи, а что это такое? — показала я на непонятные грузинские буквы.

— Это именно то, что я хотел увидеть.

— А на каком это языке?

— На грузинском языке, — ответил он и взглянул на меня. — Много поняла, когда пакет распечатала?

Я почувствовала, что мое лицо стало пунцовым. Надо было что-то ответить, но я с перепугу не знала, какую линию поведения избрать.

Он сверкнул на меня глазами:

— Молчишь, значит. И даже ничего сказать мне не хочешь?

Тут я вспомнила рекомендации Натаныча об искреннем раскаянии и решила быстренько применить их на практике. Минут пять я рассказывала о том, как, мучимая вопросом о судьбе государства, я решилась взять на душу страшный грех и дрожащими от страха руками открыла конверт. Но в нем — как наказание за мой проступок — лежали листы с текстом на неизвестном мне языке. Лишь по очертанию букв я догадалась, что это грузинский. И тогда... Ах, что говорить!.. Тогда я пала еще ниже... Я пошла к соседу-грузину и попросила его прочесть мне хотя бы первую страницу. Но он не смог, потому что, скорее всего, не знал своего родного языка. Все это я говорила с выражением горя на лице и с драматизмом в голосе. А далее перешла к самой ответственной части выступления. И стала уговаривать Сталина не делать поспешных выводов, заверила его, что такого больше не повторится, и поклялась, что был бы у меня пепел, я бы в срочном порядке посыпала им голову, и даже рванулась к курительной трубке, предположив, что в ней, скорее всего, есть хоть крупица этого самого пепла, с помощью которого я продемонстрирую, сколь сильно скорблю о собственном преступлении. В итоге я довела Отца народов не до великого диктаторского прощения, как уверял меня Натаныч, а до смеха. Он махнул на меня рукой и сказал:

— Ну, хватит тут театр мне показывать. Натворила дел, а теперь веселишь меня изо всех сил вместо того, чтобы извиниться хотя бы. Говори уже, что я там, в 1952-м, сказал тебе, когда этот пакет отдавал.

Успокоившись оттого, что буря прошла стороной, я полезла обниматься и дословно повторила ему фразу про преисполненного иллюзий счастливица и добавила:

— А еще ты там просил передать тебе здесь, чтобы ты почаще говорил мне о своих чувствах.

Ухмыльнувшись, Сталин сказал:

— Ну, думаю, особой нужды в этом нет. Ты тут за нас обоих говоришь много. И хорошо справляешься. Вот когда замолчишь, я тебе расскажу. А пока можешь дальше мне в любви объясняться. Уж очень это слушать приятно.

«Ну и ладно, — подумала я, вцепившись в него, как новорожденный лемур. — Все равно самое главное о себе ты мне уже там, в 1952 году, рассказал. Так что если тебе нравится меня вроде как в неведении держать, то пожалуйста». Потом я решила, что все-таки надо

проинформировать его о печальных последствиях внешней политики СССР, и, сделав задумчивое лицо, произнесла:

— И про войну ты говорил. Она началась, как я и предсказывала...

Он прервал меня:

— Об этом я прочитаю. Что еще мы там обсудить успели?

Я засмеялась:

— Кое-что очень важное. Не скажу. Ты мне строго-настрого запретил.

Сталин удивленно посмотрел на меня:

— Не мог я тебе такого сказать. Что еще за шутки? Говори давай, что там произошло!

— Ох! — закатила я глаза. — Ты принуждаешь меня раскрыть государственную тайну.

Но я не могу сопротивляться... Я признаюсь! Ты сказал, что в 1937 году меня любил. Вот.

Он взял со стола пачку «Герцеговины флор» и, достав папиросу, закурил:

— Да... Старый я там совсем стал в пятьдесят втором году. На лирику потянуло...

— Ты... Ты что, папиросы куришь? — поразилась я, глазам не веря.

— А что тебя удивляет?

— Но это... Это... Стереотип такой. Вроде как все знают, что ты трубку курил.

— Все?

— Да.

— Знают?

— Да.

— А они знают, что в 1937 году можно было по откровенно фальшивым документам в Кремль пройти? А что бы эти «все» тебе сказали, если бы услышали, что тебя с этими самыми документами ко мне в кабинет пропустили?

— Но ты же говорил, что это был твой приказ. Пускать всех, кто захочет пройти.

— Да, но он касался людей с более-менее нормальными бумагами. По крайней мере, я так думал. Но меня, как это тут часто у нас бывает, поняли несколько буквально. Это вообще был день всеобщего безумия. Сначала неразбериха с твоим приходом. Потом НКВД, куда я тебя не отправлял.

— А куда ты меня отправил? К профессору Ганнушкину на прием?

Он рассмеялся:

— Ганнушкин умер пять лет назад. А жаль. Я бы к нему сходил.

— Зачем? — не поняла я.

— Спросил бы у него, каким таким гипнозом ты на меня действуешь, что я веду себя непонятно как. Привычкам своим изменяю. С женщиной вопросы государственной важности обсуждаю. Думаю о тебе постоянно. Не было со мной такого никогда. Не свойственно это мне... — Он затушил папиросу и замолчал.

— Ты недоволен? — забеспокоилась я, чувствуя, что до конца не понимаю, к чему он клонит.

— Не знаю пока, доволен или нет. Вот прочитаю, что я там написал, и решу.

— Так, может, ты прямо сейчас это сделаешь?

Он выпутался из моих объятий, встал и, подойдя к столу, посмотрел на пачку листов:

— Это не так просто. Я там, в 1952-м, хорошо постарался. Теперь мне дня три потребуется, чтобы это расшифровать.

«Ага! — подумала я. — Значит, все-таки шифрограмма».

— Но это же так интересно! — всплеснула я руками. — Может, хоть немного

попробуешь перевести? А?

Он посмотрел на меня с видом человека, привыкшего к тому, что живет на склоне действующего вулкана:

— Нет, ты поразительная женщина. Поразительная. Если вдуматься хорошенько в то, что тут у нас с тобой происходит, то уже никакой Ганнушкин не поможет. За окном ночь глубокая. А мы тут будем шифровками заниматься. Все! Скажи мне, когда ты утром уйдешь?

Я опять вспомнила про пьяную подставу Натаныча и подумала, что он вполне мог из вредности ограничить мое пребывание в прошлом и выставить таймер вместо максимума часа на три:

— Слушай... А я ведь не знаю. Вот честно, честно.

— Так!.. — Сталин сверкнул на меня взглядом. — Мало того, что я вынужден мириться с тем, что ты живешь в каком-то своем мире и не принадлежишь мне, насколько я бы этого хотел. Теперь еще я должен зависеть от ревности друга твоего ненормального!

— Но я...

— Хватит разговоров! Иди в комнату и спать ложись прямо в платье и с букетом в обнимку, раз не знаешь, когда тебя домой вернут. Придешь в Кремль послезавтра ровно в пять на два часа. И учти, если ты опоздаешь... Хоть на минуту! То горячо пожалеешь, что вообще на свет появилась.

— А ты что сейчас делать будешь? — расстроилась я от такого неожиданного поворота событий.

— Завещание свое читать. И думать, как мне с тобой дальше поступить. То ли народным комиссаром по развитию Советского Союза назначить. То ли расстрелять наконец, чтобы не мучиться...

Поняв, что разговор окончен, я тяжело вздохнула и ушла в спальню, где, как мне было велено, завалилась спать, прихватив с собой неизменные розы.

* * *

Проснулась я от того, что телепортировалась на листы ватмана. На часах было пять утра. Натаныч, который беспробудно храпел на диване, действительно сократил время моего вояжа. Злая, я встала и, прижимая к себе колючий букет, ушла домой, громко шарахнув дверью.

Вечером раздался телефонный звонок.

— Привет! — Голос моего протрезвевшего друга звучал глухо и виновато. — Когда придешь?

— Когда партия прикажет, — сквозь зубы процедила я.

— А когда она прикажет?

— Минут через сорок! — В глубине души я порадовалась, что он все-таки позвонил.

Переодевшись, я отправилась наверх.

— Заходи... — Он понуро встретил меня на пороге.

Я прошла и села на диван. Он протянул мне ноутбук:

— Забери. Я починил свой комп. Программы у тебя стирать не стал. Может, еще понадобятся. Они защищены, поэтому ничего не трогай.

Не зная, как мне выразить все свое негодование по поводу его пьяной выходки, я нервно

звенела ключами от квартиры. Минут через пять Натаныч не выдержал и воскликнул:

— Ну не молчи уже! Я так не могу, в конце-то концов! Ну напился. Ну наговорил тебе ерунды всякой.

— Да, — всплеснула я руками, — ну отправил меня не в десять вечера, а в полночь. Ну и вернул не в восемь утра, а в пять. И что мне теперь, низко кланяться тебе прикажешь? А то, что я втык получила за распечатанный конверт? Это тоже ничего не значит?

Натаныч встал и торжественно произнес:

— Я готов загладить свою вину! Пьянству — бой! Никакого произвола и насилия над личностью! Говори, куда тебя отправлять!

Решив, что пока еще он не заслужил моего доброго отношения, я села на пол и холодно произнесла:

— В Кремль, пожалуйста. На два часа. В 17.00.

Он быстренько сунул мне в руки штекеры, бросился к клавиатуре и нажал кнопку.

Сталин поднял меня с ковра.

— Хорошо, что ты вовремя. Нам серьезный разговор предстоит. Садись. — Он показал мне на стул, а сам сел на свое место.

Я увидела, что кроме листов 1952 года на столе лежит еще одна пачка аккуратно исписанных страниц. Видимо, для того, чтобы расшифровать свое послание, ему понадобилось переписать его заново.

Мне не хотелось начинать разговор первой, поэтому я стала молча наблюдать за ним. В его поведении определенно появилось что-то новое. Сначала я не поняла, что же именно меня так поразило. Но потом я заметила в его глазах какой-то необычный блеск. Азарт? Нет... Желание предпринять какой-то рискованный шаг? Это тоже было неверно... Возможно, я так и находилась бы в неведении, если бы он не закурил папиросу. Медленно достав ее из коробки, он чиркнул спичкой, затянулся и посмотрел на меня сквозь дым с каким-то затаенным предвкушением почти нечеловеческого удовольствия, которое он испытает, когда реализует свои планы. В этот момент я увидела, как в одной мимолетной искре этого взгляда отразилось все грандиозное будущее нашей страны.

— Я все прочитал, — сказал он, стряхивая пепел. — Ты права. Одной жизни вполне достаточно для того, чтобы превратить Советский Союз в незыблемое государство, которое простоит века. Этим мы с тобой и займемся.

— А как? — спросила я, понимая, что не могу глаз от него отвести.

— Большевицкими темпами.

— И что я должна делать? — Неожиданно до меня дошло, что когда мои мифические идеи стали приобретать реальные очертания, я оказалась совершенно беспомощна в своем непонимании механизмов мироустройства. — Мне кажется, я уже столько всего рассказала.

— Все обстоит немного не так, как ты себе представляешь. Теоретически мне нужны компетентные кадры...

— А! Знаю! Кадры решают все! — решила блеснуть я. — Эта крылатая фраза. 1935 год!

— Очень хорошо. Вот ты и будешь выступать в роли этих кадров, которых у меня нет. Но для начала расскажи мне, как именно изменения 1937 года коснутся твоего времени, если мы находимся в разных реальностях? Если здесь войны не будет, то там, в твоём будущем, естественно, трупы из могил не встанут. Так каким же образом ты собираешься добиться серьезных изменений?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я удивленно посмотрела на него. Оказывается, он, в отличие от меня, без труда разобрался во временных парадоксах. И теперь так запросто рассуждал об этом, как будто машина времени была для 1937 года чем-то вроде паровоза.

— Понимаешь, мы с моим другом Геннадием Натановичем договорились, что в случае успеха запустим вторую программу. Одно нажатие кнопки — и мир начнет трансформироваться. Он сказал, что после этого в течение примерно десяти лет жизнь будет меняться итерационным путем. Прошлое останется прошлым. Но будущее изменится. Ты знаешь, что такое итерационный путь?

— Судя по названию, речь идет о процессе, в результате которого цель достигается посредством повторения каких-то операций, — предположил Сталин. — Значит, он планирует постепенно притянуть одну реальность к другой. В итоге получится, что в бесконечности они должны будут соединиться. Но бесконечность — термин, который не подходит для истории.

Я пожала плечами:

— Не знаю. Может, тебе лучше у него самого спросить?

— Это хорошая идея. Когда вернешься домой, сразу пригласи его сюда в кабинет. Думаю, часа будет достаточно. А теперь давай прогуляемся. Сегодня погода хорошая.

Мы вышли на территорию Кремля и, как обычно, пошли в сторону Соборной площади. У меня было какое-то странное состояние. С одной стороны, я добила своего и наконец-то подвигла Сталина начать думать о серьезных мерах по оптимизации государственного устройства. Но, с другой стороны, я вдруг отчетливо поняла, что больше не воспринимаю его как историческую личность. Более того, мне пришлось расписаться в том, что я влюбилась настолько, что перспектива его серьезной работы не только не радует меня, а, напротив, навеивает тоску. Если он сейчас с головой окунется в дела, то на меня у него не останется времени. И как я это переживу? С ужасом я пришла к выводу, что уже не нахожу себе места в 2010-м, а все больше осознаю себя жительницей 1937 года. Мне стало страшно. А если это прервется? Если в той синей машине действительно сидят люди, которые хотят нам помешать? Как я буду тогда существовать?

— Что с тобой случилось? Почему ты грустная такая? — Сталин остановился и облокотился на парапет, разглядывая Замоскворечье. — Все идет по твоему плану. Или у тебя там неприятности произошли?

Я поежилась от налетевшего порыва ветра:

— Мне страшно.

— Потому что отношения у нас с тобой ненормальные, — стукнул он кулаком по перилам парапета. — И я ничего не могу с этим сделать. Расскажи мне, как ты сейчас живешь. Ты же постоянно здесь. Как ты там работаешь вообще?

— Да так... — Я сделала неопределенный жест рукой. — Урывками. Время от времени... Я что-то устала. Раньше бы все бросила и поехала куда-нибудь на море. В Турцию, например...

— Куда? — удивился Сталин.

Я наконец-то рассмеялась:

— Туда, именно туда, где Кемаль Ататюрк правит. Скоро умрет. В 1938 году. Ай, ладно! Ну его.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Зря я тебя ночью выгнал. Потом пожалел. Ты сегодня-то сможешь прийти?

— Конечно, — провела я ладонью по его плечу. — А когда?

— В одиннадцать. До утра.

— Приду. — Мне вдруг захотелось задать ему вопрос, который уже давно не давал мне покоя. — Скажи... Ну этого быть не может... Но все-таки... Вот если бы так получилось, что ты должен был бы сейчас в 2010 году Россией управлять, то как бы ты это делал?

— А ты как думаешь? Хотя нет, я знаю, что ты ответишь... — Он как-то недобро усмехнулся. — Видимо, там у вас мнение сложилось на этот счет... Полстраны расстрелять. Четверть посадить. Оставшихся заставить работать. Да?

От его тона я впечаталась в парапет:

— Ну... Примерно что-то в этом роде...

— А вот знаешь, мне интересно, у вас там кто-нибудь понять пытался, чем на самом деле эти меры были вызваны? Или дальше утверждений твоего двадцатого съезда никто не продвинулся?

Я коротко рассказала ему все, что помнила о самых распространенных объяснениях сталинских репрессий.

— Не знаю, — посмотрел он куда-то в сторону реки, — или ты внятно объяснять не умеешь, или я действительно такой механизм запустил, которым никто после меня управлять не смог. И с перепугу насочиняли всякой ерунды.

— Ты хочешь сказать, что у тебя тут в 1937 году никого не сажают, не расстреливают? — сама себе удивляясь, спросила я. — И что лагерей нет? И Лубянки, где я побывать умудрилась? И Ежов тут не орудует?

— Ежова вчера расстреляли, — спокойно сказал Сталин и посмотрел на меня. — И хотя я привык категорически пресекать подобные разговоры и не обсуждать с женщинами свои действия, тебе в виде исключения скажу. Если бы я не проводил именно такую политику, которой я до сих пор старался придерживаться, то ты бы там у себя в будущем жила даже не в куске огромной страны, именуемой у вас Российской Федерацией, а в деревне, которой бы правил наместник какого-нибудь государства наподобие Германии. — Он сделал паузу. — А что касается 2010 года... Трудно сказать, как бы я поступил тогда. Этот вопрос действительно отсюда решать надо, потому что у вас, мне кажется, основная проблема в том состоит, что времени много напрасно потеряли, занимались не тем, чем надо, а потом увлеклись разворовыванием народного добра, выбрали для управления государством самый простой путь и именно по нему и пошли. Кроме того, западная буржуазия хорошо постаралась, да, как я понимаю, и не перестает в этом направлении работать. Результат получился соответствующий.

Меня увлекла эта тема, и я решила ее продолжить. Но сначала мне захотелось узнать подробности неожиданного окончания ежовщины:

— А Ежов... Он... Что с ним такое случилось-то?

— В «Правде» сегодня написали, что случилось. Он был агент иностранной разведки. Ты что, удивлена? Он там, в твоём прошлом, дольше проработал?

— Ну да... Как-то вроде еще не время... — Тут я вспомнила про Лаврентия Павловича. Мама дорогая! Только его мне тут не хватало. — А на его место кого назначили? Берию?! — воскликнула я испуганно.

Он засмеялся:

— Почему Берию? У него пока другие обязанности есть. А там посмотрим, как

сложится. Ты не лезь в эти дела. Все равно ничего не понимаешь. Только беспокоишься понапрасну. Нравится тебе о гипотезах фантазировать — вот и фантазируй. Что тебе еще интересно?

Такой поворот событий меня устроил, и я поспешила задать вопрос:

— А как ты думаешь, если бы не произошла революция, то как бы все сложилось?

— Какая революция? — Он поправил мою растрепавшуюся на ветру прическу. — Февральская или Октябрьская?

— Не знаю... И та, и другая, наверное...

— А о Германской войне ты забыла? То есть я должен себе представить, что ее тоже не было? Или она была?

Я пожалала плечами, а он стал рассуждать дальше:

— Значит, была. И правил Николай Второй... И вот наступает 1917 год... Нет... Я не могу себе представить, что у него хватило бы сил и ума с честью из этой ситуации выйти. Это не тот человек, который должен был управлять империей. Там вообще надо было по-другому себя вести. Все уже под откос катилось. И потом... Даже если вообразить, что все так идеально, прекрасно, царь на месте, народ ликует, то сейчас... Ты представь себе только, что у нас тут престарелый Николай Второй, а в Германии Гитлер. Это нелепость полная. Даже думать не хочу. Не могло этого произойти. Гораздо интереснее то, что теперь будет.

— Ты о чем?

— О мировой истории! — Сталин усмехнулся и посмотрел на меня каким-то мефистофельским взглядом. — Или ты забыла, что принесла мне из 1952 года? Теперь уже я буду решать, как распределяться силы и какие страны будут обозначены на политической карте мира.

У меня мороз прошел по коже:

— И ты уже знаешь, что будешь делать?

— Пока нет. Но это вопрос времени. Ты же хотела жить в непобедимой стране. В идеальном обществе. Или ты передумала?

У меня вдруг закружилась голова, и, чтобы не упасть, я схватилась за него:

— Нет, не передумала. Просто... Просто...

— Пойдем уже обратно. — Он взял меня под руку и быстро повел в сторону Сенатского дворца.

Когда мы вернулись в кабинет, он спросил:

— Сколько ты еще пробудешь у меня?

— Две минуты.

— Хорошо. Значит, мы договорились. Сразу после того, как ты уйдешь, здесь должен появиться твой изобретатель. Ровно на час. А с тобой мы прощаемся до вечера. Да! И вот еще что. Обязательно скажи ему, чтобы принес с собой тот прибор, который координаты замеряет.

— Зачем? — удивилась я.

— Потому что я так хочу, — сказал Сталин и снова шокировал меня, закулив «Герцеговину».

Оказавшись на полу, я посмотрела на Натаныча, который ждал меня, как нашкодивший пес.

— Дорогой товарищ изобретатель, — сказала я, понимая, что больше не могу на него злиться. — У меня есть для вас важное правительственное сообщение.

Почувствовав, что мирный договор подписан, он потер руки и радостно спросил:

— И какое такое сообщение? Моему папаше дали Сталинскую премию?

— Нет! — Я покачала у него перед носом указательным пальцем. — Сталинскую премию еще не учредили. Но, возможно, это сделают досрочно специально для тебя. Если ты, конечно, наберешься смелости и примешь приглашение.

— Какое приглашение? — Натаныч перестал сутулиться и испуганно посмотрел на меня.

— В ближайшее время ты должен быть в кабинете у Сталина, чтобы рапортовать ему о том, как работают твои временные программы. Это не обсуждается. Ты летишь ровно в тот самый момент, когда я появилась здесь. На шестьдесят минут.

— Батюшки милые! — Он вскочил со стула и, как обычно, забегал по комнате. — Я не хочу провести старость в лагерях! Почему ты меня не отмазала? Это месть такая изощренная, да?! У него оружие в кабинете есть? Если есть, то он меня на месте порешит! Кошмар!

Я всплеснула руками:

— Не дури, а! Ты на час туда летишь. Какие лагеря? Зачем ему тебя убивать? Хватит тут клоуна изображать. Давай лучше одевайся. А то перепугаешь его там видом своим нелепым. — Я критически посмотрела на его шорты и вытянутую майку. — И побрейся иди. А то он решит, что я с алкоголиком дружу.

Через десять минут, овеянный ароматом советского «Шипра», будущий кремлевский визитер промаршировал в комнату.

— Фу! — поморщилась я. — И где ты покупаешь этот одеколон? Или ты его из 1974-го притащил?

Он ехидно захихикал:

— А Отец народов твой поди дорогим французским парфюмом пользуется? Или ты к нему не особенно требовательна?

— Ты повыступай мне тут еще! — грозно посмотрела я на него. — Давай думать, во что тебе одеться.

— Ха! — Он на пять секунд исчез в коридоре и вернулся с костюмом в руках. — Это мой парадный наряд. Я его в девяностые по талонам купил.

— Потрясающе! — зааплодировала я. — Одевайся. Мне не терпится это увидеть!

Вместо показательного стриптиза Натаныч сел на пуф:

— Ты понимаешь, что я делаю? Нет, скажи мне, ты таки осознаешь, на какую жертву я иду?

— И в чем же жертва?

Он воздел руки к небу:

— Я же... Я же ненавижу его! Понимаешь? Ненавижу! А если я не сдержусь и его придушу? А?

Расхохотавшись, я махнула рукой:

— Ой! Я бы посмотрела на эту хохму! Да ты просто не представляешь, с кем дело имеешь. Ты там в обморок от страха не упади, впечатлительный ты наш.

— Ты склонна преувеличивать! И потом, ты его идеализируешь, как всякая влюбленная

женщина. Вот и весь сказ. А то, что он жлоб, так этого мнения я не изменю!

Натаныч быстро переоделся и стал крутить в руках галстук.

— Слушай, а я как-то забыл... Они там в рубашках с галстуками ходили вообще?

— Нет. Исключительно в косоворотках.

— Очень остроумно! — Он запулил в меня своим тощим галстуком, который, видимо, тоже остался с девяностых годов, и расстроено сказал: — Ну что ты смотришь на страдания мои, садистка? Завяжи уже его наконец!

Я села и начала сосредоточенно крутить узел. А Натаныч переобулся и, стряхивая с себя пылинки, стал крутиться перед зеркалом. Потом мы вместе затянули ему галстук, и я сказала:

— Так. Возьми с собой прибор с лиловой кнопкой.

— Это еще зачем?

— Сталин сказал.

— Ага! — Натаныч скептически посмотрел на меня. — Прикажет замерить координаты лубянской камеры, а ты — раз!.. И переместишься туда.

— Не говори ерунды... — Тут я вспомнила про публикацию в «Правде». — Представляешь, он Ежова к стенке поставил!

— Да ты что! И Берию досрочно назначил?

— Нет. Темнит что-то. Ничего не сказал. Ну ладно... Иди уже.

— Подожди, если я прямо так полечу, то меня точно пристрелят! — Он выудил из-под дивана свою медную пластину и посадил меня программировать реальность. — Представляешь, если бы я из-за тебя забыл это сделать? Так бы и очутился, как идиот, в кабинете у того Сталина, который ничего о нас с тобой не знает! То-то он был бы рад! Тогда уж точно отправил бы меня к еще не расстрелянному Ежову...

Он схватил прибор, ввел в компьютер данные, сжал в руках электроды, ткнул в клавиатуру и исчез. А я осталась одиноко сидеть на диване. Время тянулось катастрофически медленно. Я пошла на кухню, сварила кофе. Съела печенье. Посмотрела за окно, чтобы убедиться, что синий шпик по-прежнему дежурит возле будки. Потом вернулась в комнату и легла на диван. Оставалось еще двадцать минут. Я закрыла глаза и поняла, что засыпаю...

— Эй, спящая красавица! — гаркнул Натаныч и сел рядом. — Очнись! Я вернулся.

Я резко села и помотала головой:

— Уф! Я тут от жары сквасилась. А ты давно появился?

— Только что. — Он положил ногу на ногу и сцепил руки на коленке. — Ну... Пообщались мы с вождем твоим драгоценным.

— Объяснил ему, как программа работает?

Натанычу явно хотелось что-то рассказать, но он пыжился и молчал. Наконец, не выдержав, он заявил:

— Нет, он все-таки жлоб, как я и говорил. Но... Ты знаешь, у него мозги варят — мама не горюй! Он мне такие вопросы задавал, я даже и не понял, как он со своим семинарским образованием во всем этом разбирается. Слушай, я подумал... Хорошо все-таки, что он в другой реальности.

— Почему это? — буркнула я.

— Да страшно представить, что будет с миром, когда он с твоей помощью начнет что-то менять. Это кошмар! Если он додумается до чего-то глобального, то результаты могут быть

просто сверхъестественные!

— А вы о чем-нибудь кроме программ твоих говорили?

Он помотал головой:

— Он только под конец спросил, действительно ли за мной кто-то следит.

— А ты что сказал?

— Ответил, что имею все основания опасаться.

Я возмутилась:

— Слушай, ну если ты опасаясь, то почему мы тогда так открыто сидим и все это обсуждаем? Может, нас прослушивают давно! А мы тут секреты выдаем.

— А что нам еще делать? — хмыкнул Натаныч. — Они все равно узнают, чем мы тут занимаемся. А может, нам вообще это померещилось... Не знаю... Это все твой тридцать седьмой год виноват. Там страшно. Здесь страшно. Мания преследования началась. Все! Никто за нами не следит. Никому мы не нужны. Я сегодня переутомился. Шутка ли! К самому Сталину на прием ходил! Поэтому я буду спать. А ты? К нему полетишь или дома останешься?

— К нему, — улыбнулась я. — Дома у меня Глеб с Машей. Все равно я им там мешаю. Ну а в 1937 году меня ждут.

Натаныч грустно посмотрел на меня:

— Все у тебя как-то нескладно в жизни. И мужики возле тебя всегда какие-то никчемные крутились. Хорошо еще хоть ты родить догадалась. А то какая-то безалаберность сплошная!

Я сползла на пол и взяла электроды:

— Ну, зато сейчас как-то вот понемножку все стало налаживаться.

— Дура ты! — Натаныч в сердцах стянул с себя галстук. — И это ты называешь «стало налаживаться»?! Ладно, говори, во сколько тебя отправлять.

— В одиннадцать вечера, на дачу. И до девяти.

Он кивнул, и я переместилась.

* * *

— Я заждался уже! — сказал Сталин, обнимая меня.

— Неужели опять время перепутала?! — испуганно приникла я к нему.

— Нет. Все в порядке. Просто видеть тебя хотел. Наваждение какое-то...

Примерно в половине первого я поняла, что страшно хочу есть.

— Ты убьешь меня, наверное... — Я подтянула одеяло. — Но мне придется признаться.

— Что еще случилось?!

— Я с голоду умираю.

Он рассмеялся и прижал меня к себе:

— Ну, вообще-то там в комнате ужин стоит. Предполагалось, что мы с тобой будем сидеть и о важных вещах говорить. Но... Планы немного изменились.

— Это ты виноват! — Я стала его целовать.

— Нет, конечно. Как я могу быть виноват, когда ты меня тут с умаводишь? Давай одевайся. А то мы так вообще до еды не доберемся.

Оказалось, что в гостиной действительно был накрыт стол. Причем кроме всяких

закусок там стояла бутылка вина.

— Ну что, саперики наше с тобой любимое пить будешь? — спросил Сталин, беря в руки бутылку.

Я улыбнулась, вспомнив тот первый разговор о русско-грузинском конфликте.

— Буду. И есть тоже буду. — Я разложила по тарелке всевозможные изыски. — А что это вообще такое тут происходит? Праздник что ли? Сегодня какое число?

— Никакое — у тебя там один календарь, у меня другой. Я поговорить с тобой хотел. — Он разлил вино по бокалам.

— О чем? — Я радостно принялась за лобио и сделала глоток. — Об эмбарго?

Он помолчал, видимо любясь моим здоровым аппетитом. Потом тоже немного выпил, закурил свою теперь уже неизменную папиросу и медленно произнес:

— Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Надо сказать, что первая мысль, которая меня посетила после этого заявления, была довольно непосредственная. «Надо же! — подумала я. — Ну наконец-то и мне в этой жизни повезло!» Но потом до меня дошло, что вообще происходит.

— Ты, прости, понимаешь, что говоришь? — спросила я, в растерянности глядя на его вполне самоуверенную улыбку. — Как я могу это сделать, если я сюда максимум на десять часов прилетаю?

Он курил и молча смотрел на меня, а я продолжила:

— И потом... Ну какая из меня жена? Ты думаешь, я на это способна? Да я же столько про тебя читала! Ты патриархальный человек! Тебе хозяйка нужна... — Тут я вспомнила о его детях. — Да и к тому же! У тебя же дети есть! Это я их воспитывать должна? А они ведь не маленькие уже! Ты меня просто в шок поверг... То есть в это...

— Я знаю, — рассмеялся он. — В сильное душевное волнение. Но ты волнуешься-то зря.

— Как зря? Как зря?! — запричитала я. — Ты вообще подумай, что происходит! Мне Сталин предложение делает. А я его принять не могу. Это, извини за выражение, ни в какие ворота не лезет!

Он затушил одну папиросу и взял следующую:

— Помолчи теперь. Я скажу. И забудь на минуту, что ты из 2010 года приходишь.

— Молчу. — От волнения я разом выпила полбокала.

— Ну, хозяйками-то и воспитательницами я сыт уже. И дети пусть тебя не заботят — они отдельно живут. У них все в порядке. Насколько это вообще можно порядком назвать. Я тебе о другом сейчас говорю. Мы с тобой встречаемся уже довольно долго. Появляемся в общественных местах. В театрах, на концертах... Нас люди видят. А в качестве кого ты рядом со мной находишься? Личного секретаря? Здесь 1937 год! И если ты не забыла того, о чем читала, то должна понимать, что я не могу позволить себе так демонстративно появляться перед народом с любовницей. Это неприлично для моего времени и положения! У меня бывают важные приемы. И ты должна, в конце концов, на них присутствовать. Тем более что благодаря твоим стараниям мне скоро предстоит тут делегации из разных стран принимать. И потом! Это что, по-твоему, ненормальное желание — взять в жены женщину, которую... с которой меня связывают близкие отношения?

Как ни странно, но последние слова показались мне наиболее убедительными. Конечно, сказать о любви в такой момент у него язык не повернулся, но и оговорки было вполне достаточно. А действительно, если посмотреть на это с его стороны, то все выглядит вполне

нормально. Наша разница в возрасте его вообще не трогает, так как он этим, что называется, избалован. Внешне я не хуже этих всех киноактрис и балерин, а это ему для статуса очень даже подходит — в люди не стыдно вывести. А что касается международных приемов да театров, так это я запросто! Даже с удовольствием. И вообще, не жизнь, а сказка! Пришла на десять часов, женой поработала, на параде засветилась — и обратно! Поняв, что уже слишком долго выдерживаю паузу, я сказала:

— Ты не можешь не уговорить. Тебе бессмысленно сопротивляться. Я согласна. Но у меня нет паспорта. Только поддельный документ Ворошилова, да и тот на Лубянке отобрали.

— Ну и отлично! — Он налил нам еще саперави и после того, как мы выпили за совместную жизнь, сказал: — Значит, в ближайшие дни мы этот вопрос решим.

Я кивнула:

— Да. Твоими большевистскими темпами!..

* * *

Утром я появилась в 2010 году с блаженной улыбкой на лице и с грандиозным букетом в руках. Выспавшийся Натаныч уже встал и чем-то гремел на кухне. Я пошла к нему и остановилась в проеме.

— Привет! — Видимо, собираясь готовить свой любимый омлет, он вытащил из холодильника два сырых яйца. — А что такая торжественная? В ВКП(б) вступила?

— Я замуж выхожу.

Яйца упали на пол и, хряснув, растеклись двумя липкими лужицами. Если бы Натаныч имел привычку выражаться при мне так, как он это делал в мужских компаниях, то я, несомненно, выслушала бы изысканную многоступенчатую тираду. Но он не отступил от собственной нормы поведения и, без толку пытаюсь подобрать хоть какие-то слова, замычал. Глядя на его потуги, я засмеялась:

— Принимаю твои поздравления. Вижу, что ты за меня очень рад! Спасибо большое! Мне надо быть в 1937-м послезавтра в десять вечера. Поэтому я приду к тебе сегодня часов в девять. Ладненько?

Неожиданно он обрел дар речи:

— Может, ты перед этим к психиатру сходишь? У меня есть профессор один с мировым именем, он таких, как ты, хорошо лечит. Неврозы всякие, расстройства душевные...

— А мне не надо, Натаныч, — улыбнулась я. — Меня здесь нет. И неврозов тоже нет. Я тут вообще только потому, что машина времени дольше десяти часов не работает, и потому, что у меня здесь сын живет. Все, пока-пока! — Я помахала ему, забрала ноутбук и ушла.

Дома я распределила букет по двум трехлитровым банкам и, расставив их по углам, села пить кофе. Минут через десять, услышав мое копошение, в дверях появились Глеб и Маша с подозрительно напряженными лицами. «Только бы он не завел сейчас разговор о моем моральном поведении», — подумала я и на всякий случай расплылась в улыбке:

— Ну что, как дела? Почему тоска в глазах?

— Мама! Нам надо серьезно поговорить! — заявил Глеб и одернул Машу, которая было попыталась заулыбаться мне в ответ.

«Сейчас он прямо при ней начнет выяснять, в каком розарии вырастили эти цветы. А

потом обидится и не будет до вечера со мной разговаривать». Я обреченно прислонилась к стенке и вздохнула:

— Глеб. Только не надо спрашивать меня о здоровье Теодоро Обианга Нгема Мбасого. Ему уже лучше. Он предложил мне стать его третьей женой. Но я отказалась — подожду, когда захочет сделать меня первой...

В ответ он возмущенно показал на меня Маше:

— Вот! Я тебе говорил! И так всегда. Шутки у нас такие. Мама!!!

— Что? — снова улыбнулась я, вспомнив, как Сталин уговаривал меня выйти за него замуж.

— Мама! Ты скоро будешь бабушкой! — почти выкрикнул он и плюхнулся за стол, усадив рядом с собой Машу.

Они смотрели на меня так, как будто бы это у нас тут на дворе стоял 1937 год, а я была пресловутым наркомом внутренних дел. Да, сегодня на редкость удачный день! Если меня вчера и мучила совесть, что из-за своих путешествий я совсем позабыла про сына, то сейчас этим ошеломляющим известием они мне просто руки развязали. Теперь их срочно надо поженить, а мне имеет смысл некоторое время тут не мешаться. И тогда! Тогда я смогу с легким сердцем исполнять роль первой леди Советского Союза, сопровождая Сталина на приемах и государственно важных мероприятиях!

— Ты так и будешь молчать? — напрягся Глеб.

— Ой, я так рада! Это прекрасная новость! — Я полезла к ним через стол обниматься. — А когда свадьба?

— Ну, мы пока решили просто вместе пожить, — подала голос Маша.

Я уставилась на Глеба:

— Это как вообще понимать? А? Это ненормальность какая-то! У меня внук будет, а вы расписываться не собираетесь? Или я что-то упустила?

— Ты как-то несовременно мыслишь, — вякнул он. — Все эти штампы... Это лишнее...

— Маша! — посмотрела я в ее огромные синие глаза. — Ты с ним согласна? А родители знают? Они говорили мне, что мечтают тебя в белом платье увидеть.

Она скосилась на Глеба:

— Ну, это у нас такой план был. Мы боялись вас напугать. Поэтому решили постепенно к этому вопросу подходить...

Мне стало понятно, что еще немного — и это я, а не Глеб обижусь и не буду с ними разговаривать. Идиоты какие-то!

— Все! — Я встала, быстро вымыла чашку, и сурово посмотрела на них. — Отправляйтесь в ЗАГС, Дворец бракосочетаний... Куда угодно идите! Только чтобы к вечеру передо мной лежало неоспоримое вещественное доказательство того, что у меня не какой-нибудь непонятный, а нормальный законнорожденный внук будет!

В ответ они дружно расхохотались. Я удивленно посмотрела на них:

— Что такое? Я смешное что-то говорю?

— Мам... — сказал Глеб, успокоившись. — Ты за последнее время сколько раз свой любимый фильм про Вторую мировую посмотрела?

Я пожала плечами:

— Один, кажется.

— А что же ты тогда говоришь-то со сталинским акцентом?

Я махнула на них рукой и, смутившись, ретировалась.

Кое-как переварив все события, обрушившиеся на меня за последние часы, я поняла, что дико хочу видеть Ольгу, с которой мне не терпелось поделиться новостями про Глеба с Машей и информацией о грядущих переменах в моей личной жизни. И дернуло же ее умотать на целых три недели! Я повздыхала и заставила себя сесть работать, чтобы хоть как-то подправить свое печальное материальное положение.

Я загрузила ноутбук. Оказалось, что на его рабочем столе появились две иконки — временные программы Натаныча. Может, ткнуть и посмотреть, что будет? Хотя... Он же говорил, что поставил на них свою защиту. Значит, уж лучше не трогать...

Открыв файл с описанием нового жилого комплекса в Анталье, я села переводить. Голова моя была занята лишь 1937 годом, поэтому дела продвигались туго. Примерно через полтора часа я решила передохнуть и вышла на балкон. В этот момент у меня зазвонил мобильный:

— Елена Санарова?

— Да. — Я понятия не имела, кому принадлежит глухо звучавший мужской голос.

— Мне дал ваш телефон... — Он назвал имя моего заказчика, для которого я делала работу о производстве соков, и представился координатором не известной мне строительной фирмы. — У нас есть проблема. И нам рекомендовали обратиться к вам за помощью.

— Что-то надо перевести? — спросила я, рассеянно разглядывая пожухлую траву дворового газона.

— Да. Есть программа, которую разработали в Стамбуле. До последнего времени ею успешно пользовались наши турецкие проектировщики. Но сейчас, после того как мы в связи с расширением штата взяли в отдел местных специалистов, нам нужно ее русифицировать. Короче говоря, вы сможете сделать перевод? Оплата наличными... — Он назвал сумму, от которой было грех отказываться.

Я поспешила согласиться:

— Хорошо. Мне надо куда-то подъехать?

— Да, только я не знаю, как лучше поступить. У нас очень ограниченные сроки. В принципе было бы хорошо установить вам программу сегодня.

— Думаю, что это вполне реально... — ответила я, желая во что бы то ни стало получить этот заказ, потому что из-за постоянных визитов в прошлое у меня в кошельке образовалась черная дыра.

— А какой у вас компьютер? Вы можете подъехать с ним к нам в офис минут через сорок?

Я сказала, что это не составит мне никакого труда, уточнила адрес и, распрощавшись, стала собираться. Быстренько засунув ноутбук в сумку, я переоделась в сарафан, взяла ключи от машины и пошла на улицу.

Солнце палило зверски. Ослепленная его лучами, я подошла к припаркованному на проезжей части автомобилю и на секунду задумалась, куда лучше положить компьютер. В этот момент возле меня резко затормозил какой-то огромный джип и чуть не припечатал меня к крылу.

— Вы что, сдурели что ли? — испуганно закричала я в открытое окно, за которым сидел задохлик в черных очках. — Вы же раздавить меня могли!

Вместо ответа он сдернул у меня с плеча сумку и втянул ее в салон. Через секунду джип исчез в конце переулка.

Я готова была разреваться. Как я теперь поеду за этим заданием? Вытащив сотовый, я

стала звонить заказчику. Вместо соединения мне сообщили, что данный номер не обслуживается.

— Мама дорогая! — Я побежала к Натанычу и стала барабанить ему в дверь.

— И что? — спросил он, появившись на пороге в одних шортах. — Тебе «молнию» из 1937 года прислали, чтобы ты срочно в Кремль явилась?

Оставив без внимания его шутку, я прошла в квартиру и быстро рассказала, что произошло.

— Да... — Он зачем-то натянул майку. — Совпадение? Или нами действительно интересуются?

— Слушай, а ты уверен, что эти программы взломать нельзя?

Он уставился в экран монитора:

— Более чем... Это не только непрошибаемая система, она действительно самоликвидируется при любой попытке стороннего проникновения. Но толку-то?! Это даже хуже. Сегодня они не смогут понять, как это работает, а завтра придут со мной беседовать?

Я понурилась:

— Был бы здесь Сталин, он бы разобрался, что происходит...

— Ага, — задумчиво сказал Натаныч. — Зря он генетику не любил.

— Это ты к чему? — не поняла я.

— У меня наследственность плохая. Папашу хлопнули из-за научного открытия, которое он ради процветания страны сделал. И я на этом же погорю.

— Ну не каркай...

Он помолчал, а потом спросил:

— И что теперь? Новый комп покупать будешь? Или у тебя запасной есть?

— Тот очень старый, на нем операционная система 1998 года. У него даже USB-порт сломался. В нем можно что-то написать, но из него вытащить никак нельзя. Только через дискету, а их уже и нет ни у кого. И к сети он не подключается. Я оставила-то его потому, что в нем моя любимая гороскопная программа... А так, наверное, выбросила бы давно... Ну а у Глеба свой компьютер. Так что попала я на деньги. И без того нет ни шиша, так еще и ноутбук теперь новый нужен. А так день хорошо начался... Глеб с Машей пожениться решили. У них ребенок будет.

Натаныч присвистнул:

— Боже ж мой! Ты старуха-рассыпуха! У нее внук будет, а она замуж собралась!

Я развела руками:

— У меня вторая молодость. Могу себе позволить... Слушай, Натаныч! Ты бы сделал мне копии этих программ. А то вдруг... Ну мало ли что... Как я жить тогда буду, если в 1937 год не смогу летать?

Он встал и начал прохаживаться по комнате:

— Ты думаешь, что мне эта мысль не приходила в голову? Естественно, я постоянно пытаюсь как-то решить этот вопрос. Но...

— Что «но»?

— Вот хорошо, что эти копии были с защитой. А если бы я их сделал под тебя? С защитой или без... Ты только представь, что все это существует не в нашем воображении! Вдруг за этим действительно стоят какие-то структуры? И, не дай бог, криминальные... Да как только до них дойдет, что еще и ты имеешь доступ к этому механизму, то конец придет и тебе, и твоему будущему внуку!

Я совсем расстроилась:

— Да... В общем, весь наш проект на волоске висит... Пойду я, пожалуй. Мне же еще про Анталю переводить, а весь материал украли. Сейчас поеду, куплю ноутбук и буду все заново делать...

До вечера я провозилась с новым компьютером, умудрилась до конца сделать перевод и, не дождавшись рапорта от смывшихся куда-то детей, навела марафет и опять пошла к Натанычу.

— Летчица явилась! — сказал он, сунув мне в руки стакан с прохладной водой. — Поедешь список гостей составлять? Берию не забудь пригласить. Он будет у тебя свидетелем на свадьбе! Вот веселуха! Жаль, что я не смогу присутствовать — моя машина времени не позволит, а то бы я тебя сопровождал в ЗАГС на правах сводника. Надо же! Ведь своими же руками, своими собственными руками устроил эту историю!

Выпив воды, я села на бумажки:

— Слушай, Натаныч... А ты не можешь в 1974-й слетать и отключить эту жару?

Он сложился пополам и стал хохотать:

— Ну ты выдумала! Как же я это сделаю?! Ой, не могу... Если бы ты только знала, какую ерунду говоришь... Даже обидно, что вместе посмеяться не можем. Хотя доля истины в этом есть... Подумаю на досуге... Ну все! Лети уже с глаз долой. И прибор мой координатный не забудь. Он тебе его наверняка сегодня отдаст...

* * *

— Ты почему испуганная такая? — спросил Сталин, когда мы прошли в гостиную. — Случилось что-то?

Я забралась с ногами на диван и рассказала ему про то, как меня ограбили:

— Скорее всего, нам не мерещилось, что за нашими действиями кто-то следит. Ты знаешь... Мне так страшно, что все это может враз прерваться. Как я тогда буду без тебя?

Было видно, насколько его бесит эта ситуация, в которой он вообще ничего не может сделать. Распотрошив новую пачку «Герцеговины», он закурил:

— Скажи своему другу, пусть научит тебя работать с этой машиной времени! Нельзя, понимаешь, нельзя в таком деле важном от чьей-то жизни зависеть! А если его убьют? Что он тебе говорит?

— Считает, что если эти механизмы будут у меня в руках, то тогда еще и я в опасности окажусь.

— В этом он прав. Чем еще ты там занималась?

— Работала. Мне приходится. А то скоро буду побираться ходить. Совсем там обнищала. Ой! Я тебе забыла сказать! У меня же Глеб жениться собрался! Девушка его, Маша, ребенка ждет. Правда, не знаю, когда у них свадьба. Я их вечером так и не дождалась, потому что к тебе торопилась.

Эта новость только испортила его и без того плохое настроение:

— Я первый раз в таком положении! Вообще никак тебя оградить не могу. Даже деньгами тебе не в состоянии помочь! Что я тебе дам? Бумажки, которые из обращения скоро выйдут? Чушь! И кто за эту свадьбу платить будет? Как там это все у вас происходит?

— Да... — Я закусила губы. — У нас-то так рано теперь вообще мало кто женится. Этс

они вот влюбились до потери сознания год назад, а теперь вот так... Думаю, наверное, мне придется кредит в банке брать, а потом долго и упорно выплачивать. Но... Ты понимаешь... Я же всю жизнь мечтала, как буду гулять на свадьбе у сына. И что же, теперь не праздновать что ли?

Сталин закурил вторую папиросу:

— Все. Не переживай. Решим этот вопрос. Теперь давай о наших делах говорить. Иди в комнату и платье надень, которое на кровати лежит. Я хочу посмотреть, как ты в нем выглядеть будешь. А то через два дня нас вся страна в передовице «Правды» увидит.

Придя в спальню, я посмотрела на платье. Оно было сшито из огромного количества слоев прозрачного шифона какого-то необъяснимого нежного сливочно-кофейного цвета. Для французского кинематографа предвоенных лет оно выглядело очень даже неплохо, но для страны Советов, на мой взгляд, смотрелось как-то слишком шикарно. Облачившись и надев туфли, которые лежали рядом с кроватью, я вышла обратно:

— Ну как? Тебе нравится?

Он стал внимательно меня разглядывать. Заставил несколько раз повернуться. Пройтись из угла в угол. Потом еще раз посмотрел и сказал:

— Думаю, это подойдет. Только надо будет прическу тебе сделать современную. Хотя я и привык к твоей растрепанной моде 2010 года, но придется привести тебя в соответствие с нормами тридцать седьмого.

— А фата будет?

— Нет. Это пережиток.

— И то верно... — Я вспомнила, что уже давно не девочка, поэтому о фате было как-то неуместно думать и для моего времени тоже.

Он встал с дивана:

— Переоденься и приходи обратно. Надо кое-что обсудить. Свадьба — это хорошо, но и о делах забывать нельзя. Я тебя жду.

Аккуратно повесив свой исторический наряд на два стула, я снова надела его любимое платье и вернулась в гостиную.

Сталин сидел на диване, рассматривая какие-то бумаги:

— Так. У меня для тебя поручение есть.

Я удивленно села рядом:

— А что это?

— Думаю, можно назвать это списком литературы, — усмехнулся он. — Мне катастрофически не хватает знаний. И никто, даже самые современные специалисты не могут в этом помочь. Хуже всего то, что я не знаю, как правильно с точки зрения твоего 2010 года сформулировать некоторые вопросы. Поэтому я выразил их словами своего времени. Возьми. — Он протянул мне плотно исписанные страницы. — И постарайся, когда окажется дома, сначала все это внимательно прочитать, а потом достать где-нибудь книги, в которых есть хоть что-то похожее. Только пусть это будут серьезные труды, а не статьи, которые ты мне показывала раньше. Поняла?

— Да, — замерла я, держа в руках свое первое партийное задание. — Все сделаю. А когда мне прийти?

Он потянулся к столу и взял еще какую-то бумажку:

— Я тут прикидывал, как лучше рассчитать периоды твоего появления, чтобы ты вдруг не исчезла когда не следует. И получилось вот что. Через два дня придешь сюда утром в

девять. За два с половиной часа тебя тут приведут в порядок, и мы поедем в ЗАГС. После этого вернемся на дачу, и ты отправишься к себе. То есть ты пробудешь здесь ровно пять часов. Попав в 2010 год, ты сразу прилетишь сюда в семь вечера, потому что в восемь у нас будет банкет в Кремле. Понятно, что уехать с него мы должны будем не позже четырех. Что будет дальше, я тебе скажу. А это возьми, чтобы не ничего не напутать.

Я аккуратно сложила листочек и положила его рядом со списком.

— А прибор? Ты вроде бы должен был мне его сегодня вернуть?

— Да, — Сталин встал и принес координатную гордость Натаныча. — Отдашь это твоему другу. Я его проинструктировал, что и когда с этим делать. — Он снова сел на диван. — У тебя есть вопросы?

— Нет, — помотала я головой.

— А у меня есть, — сказал он и внимательно посмотрел на меня: — Кем тебе приходится нарком путей сообщения?

Я опешила:

— Каганович? Что ты, что ты... — замахала я руками. — Никем, я тебя уверяю.

— Нет. Не Каганович. — В его голосе зазвучали неприятные ноты. — А Бакулин Алексей Венедиктович. Кто он?

Поняв, что совершенно забыла о своем двоюродном прадеде, которого расстреляли в 1939 году, я похолодела:

— Он родной брат моей прабабушки по маминой линии. Но он должен был стать наркомом в конце августа. А сейчас, кажется, он начальник железной дороги, по которой я на дачу езжу...

— Сейчас уже конец августа! Он уже стал наркомом. И мне непонятно, почему я узнаю о вашем родстве не от тебя, а совершенно случайно из какого-то разговора. Я услышал знакомую фамилию, которую ты писала тогда, когда рассказывала о своих предках... Стал выяснять, и оказалось, что он твой двоюродный дед. Так что это за человек? Я так понимаю, его работа на этом посту плохо закончится?

Вот уж меньше всего мне хотелось затрагивать высшие эшелоны власти, а тем более драгоценного Кагановича, который наворотил тут не меньше Берии. Одно дело — разговаривать о прадеде-гэпэушнике, который переключился на легкую промышленность, а другое дело — иметь в родственниках серьезного исторического деятеля, который к тому же всего через год окажется врагом народа. И ведь Сталин мне не поверит, что я могла об этом забыть. А может, все-таки сказать правду?

Я опустила глаза:

— Ну... Да... Не знаю точно, что именно там произойдет, но его должны в 1938-м уволить как не справившегося с работой, а потом расстрелять. Но я забыла о нем, поверь мне! Так получилось, что эта ветвь не настолько мне близка, чтобы я постоянно держала его в голове. Хотя, конечно, его портрет есть в нашем семейном альбоме... Но... Но... Это Каганович, наверное, тебе сказал, да?

— Не важно, кто сказал. — На мое счастье, голос Сталина смягчился. — Тебя в этих ситуациях спасает только то, что я по какой-то неведомой мне причине всегда чувствую, правду ты мне говоришь или нет. Все! Забыла — значит, забыла. Я отдам распоряжение, чтобы за ним проследили и без вмешательств Кагановича разобрались, справляется он со своими обязанностями или нет... Иди уже ко мне!

Я обняла его и закрыла глаза. Мне пришло в голову, что когда я имею возможность

дотрагиваться до него, то напиваясь энергией. Это было каким-то наркотиком, на который я подседа и была уже не в состоянии соскочить. И что ему пришло в голову весь вечер держать меня на расстоянии? Только бы он еще что-нибудь не выдумал о моих родственниках. Не дай бог до него слух дойдет, что мой дед энергетик контрой был, да к тому же из донских казаков вышел! Как я тогда всю семью отмазывать от Лубянки буду? А если еще всплывет, что прапрадед мой по маминому отцу был священник, тогда вообще катастрофа случится.

Но на этом Сталин решил прекратить изучение моего генеалогического древа. И оставшееся время мы провели в любви и согласии. Утром я удалилась домой с партзаданием, расписанием полетов и координатным прибором в руках.

* * *

— Это хорошо, что ты не спишь, — сказала я Натанычу, когда увидела его сидящим на диване. — Что, от своей жары что ли так рано проснулся? Или новые идеи тебе покоя не дают?

Он хихикнул:

— И то, и другое. А ты что притащила? Давай рапортуй!

Я перебралась к нему на диван и отдала прибор:

— Сталин сказал, что он тебя проинструктировал. А ты мне ничего и не говорил об этом. Ну... И? Куда он хочет меня отправить?

Натаныч бережно взял координатный замеритель и отставил его в сторону:

— Твой драгоценный вождь взял с меня подписку о неразглашении тайны. А я, как ты знаешь, государственные секреты не выдаю. Так что хочешь — пытай меня, хочешь — плачь... Буду молчать как рыба.

Я недовольно посмотрела на него.

— И этот человек называет себя моим другом! Вот когда ты сталинское завещание хотел прочитать, я, между прочим, согласилась. После шантажа, конечно, но все-таки... Эх, ладно... — Я положила ему на колени листок с расписанием моего свадебного дня. — Смотри! Завтра будешь меня в эти часы отправлять. Нас ждет церемония бракосочетания. Банкет состоится в Георгиевском зале.

— Батюшки милые! — Натаныч присвистнул. — Какой размах! И это в тридцать-то седьмом году! Ты, видать, совсем ему голову вскружила, что он решил свадьбу в Кремле закатить. Да... Подарит он тебе корону из Алмазного фонда. И таким образом опередит всех и станет первым коррумпированным правителем страны Советов. И после этого ты таки будешь мне рассказывать, что пошла туда строить идеальное общество? Гнилая кровушка, ой гнилая... Ну ничего. Пусть разбазаривает народное добро. Все равно это в параллельном мире происходит. Он, наверное, вообще там с тобой о делах забыл, да? Только и думает, когда кремлевский рабочий день наконец закончится...

Я шлепнула его голой коленке:

— Заткнись, сделай одолжение. Вот знаешь ведь, что я влюблена, что буду переживать от любого твоего недоброго слова... Но все равно норовишь гадость брякнуть!

— Ой, ой, ой! — передразнил он меня. — Ты влюблена... А скажи-ка мне, романтическая ты наша героиня, если бы он Сталиным не был, ты бы в его сторону хоть

взгляд кинула?

— Натаныч! — укоризненно посмотрела я на него. — Ты задаешь банальный мужской вопрос. У вас у всех на этом пункт. А если бы я не был таким умным... А если бы я не был таким богатым... А если бы я пришел с войны с ампутированной головой... Это же ерунда!

— Что значит «ерунда»?! — взвился он, видимо вспомнив о какой-то печальной истории своей молодости. — Ты мне на вопросик-то ответь. Скажи, если бы он диктатором СССР не был, ты бы в него влюбилась?

Я рассмеялась:

— А кем бы он был? Священником в Тбилиси? С женой и кучей детей? Нет. К твоему сожалению, а может быть, к злорадной радости, признаюсь тебе, что я влюбилась именно в Сталина, а не в Иосифа Джугашвили. Так что можешь сколько угодно рассказывать о моей дурной кровушке... Мне все равно...

Он махнул на меня рукой как на совсем пропащего человека:

— Все вы, женщины, одинаковы... С вами можно только развлекаться и шутки шутить. А когда доходит до чего-то серьезного, начинаются измены, подставы, обманы и прочая дрянь. Давай рассказывай дальше, что там у тебя еще интересного. Листочки какие-то притащила... Это запись тоста, который ты будешь за столом произносить? Мол, оправдаю надежды, поведу страну к светлому коммунистическому будущему?

— Это мое партийное задание. Но пока не знаю, как его выполнить. — Я показала ему бумаги. — Давай вместе посмотрим. Смысл в том, что ему не хватает информации. И он хочет почерпнуть ее из современной литературы. Но что именно ему надо, не так-то просто понять.

Натаныч довольно захмыкал и начал знакомиться со списком:

— Да... — сказал он через некоторое время. — Если он во все это вникнет, а потом переведет на реалии 1937 года, да еще начнет этими знаниями пользоваться... То, скорее всего, история пойдет каким-то другим путем. Но вот каким? Это вопрос! Потому что неизвестно, насколько он способен трансформировать теорию в практику и куда именно захочет вертеть земной шар.

— Это ты красиво сказал! — Я пожала ему руку. — Молодец. Только теперь объясни мне хоть примерно, чего он хочет.

Спустив очки на нос, Натаныч с видом эксперта еще раз изучил страницы:

— Ну, не знаю... Расскажу тебе о том, как лично я понимаю все, что здесь написано. В принципе, как мне кажется, ничего такого сложного, просто он заменяет термины описаниями... Вот из этого абзаца, например, можно сделать вывод, что ему осточертела политэкономия. И он, в душе понимая, что с одной только этой, так сказать, общественной наукой каши не сваришь, желает изучить историю экономических теорий, а сразу за этим и сами экономические теории вообще. С этим ясно. Затем... Ну, я так думаю, что он кроме всего прочего каким-то образом догадывается, что эта самая политэкономия в паре с научным коммунизмом вытеснили из советской действительности то, что сейчас называется политологией. При этом заметь, что словосочетание «научный коммунизм» он не использует, так как фактически это понятие появится чуть позже, вследствие чего ему приходится тратить довольно много слов для выражения своих мыслей. Так вот... Вне всякого сомнения, его интересует политология — ее методы, задачи, функции и все такое прочее. Кроме того, его занимает и социология. Так, так, так... Интересно... После этого он делает вывод, что вся дребедень, о которой он тут говорит, а проще говоря, все тот же

научный коммунизм, является для его времени неким советским направлением политтехнологий. Поэтому он хочет знать, какие существуют политтехнологии и как их применяют в реальных условиях. Ага... Что у нас дальше? Ну, это пространное описание я могу перевести только как конституционную экономику. Больше ничего в голову не приходит. И надо сказать, что это очень странно, так как, по-моему, она появилась годах в 1980-х. Ну, значит, о чем-то он таком думал, когда это писал... Теперь здесь... Ну это просто. Речь идет о макроэкономике. В его времени она уже, кажется, есть в зачаточном состоянии... Ну и, наверное, ему любопытно, что будет дальше.

— А это что? — показала я на не совсем разборчивую строчку.

— Тут он глубоко копнул. Теперь ему стали интересны международные экономические отношения современности. То есть современности нашей с тобой, 2010 года. И понеслось... Мировая экономика, международная торговля, валютно-кредитные отношения между государствами... Это он, кстати, вовремя, так как у него там, то есть не у него, а в Штатах скоро будет подписано Бреттон-Вудское соглашение об учреждении Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития... Но пока он об этом не знает и интересуется вопросом резервных валют. Ты ему тогда не забудь про ямайскую валютную систему что-то раздобыть... Ну, здесь идут международные финансовые рынки, международная экономическая интеграция, с какого-то бодуна мировая антимонопольная политика, затем экономическое прогнозирование, многосторонняя дипломатия, видимо, глобализация и... Ты что, ему про теракты что ли рассказывала? Почему он пишет, что хочет знать историю международного терроризма?

— Да, говорила. Про «Норд-Ост», про дома в Москве и про школу в Беслане.

— Понятно. Ну а дальше его начинают волновать более приземленные вещи. Например, экономические последствия его гениальной коллективизации сельского хозяйства. Ты обязательно что-нибудь пострашнее ему принеси! Чтобы задумался и лишних движений не делал. Потом он хочет выяснить все о холодной войне... Ага! И, видимо, не верит тебе на слово и имеет страстное желание убедиться в развенчании культа личности, поэтому заказывает полные материалы двадцатого съезда. Ну и тут дальше уже все понятно. Куча всяких разных вещей, которые в общем-то действительно надо знать человеку, стоящему во главе государства, правда, если этот человек живет в 2010 году... Ну, короче говоря, сама прочитаешь, что он хочет.

— Ну и ну... — Я взяла листы и еще раз посмотрела на них. — Где же я все это возьму? Это вообще в магазинах продается? Он сказал, чтобы никаких статей, только серьезные труды.

Натаныч загоготал:

— Придется тебе согрешить с ректором Дипломатической академии, чтобы он тебя в библиотеку пустил. Ну или дать взятку самому библиотекарю. Не знаю, найдешь ты что-то в книжных или нет.

— Да, Натаныч... Это задача. Я пошла домой. Буду думать, где все это отыскать.

— А ты запомнила, что я тебе сказал? Ничего не перепутаешь?

— Все будет отлично, — с оптимизмом ответила я и пошла к себе.

Дома меня встретил Глеб:

— Привет, мам. Почему без букета? У Натаныча деньги закончились?

Я покачала головой и взлохматила ему волосы:

— Ты глупый какой! А еще жениться собрался. Кстати, когда свадьба?

Мы прошли на кухню и сели за стол.

— Десятого числа, десятого месяца, десятого года, — с гордостью посмотрел он на меня. — Между прочим, чтобы эту дату забронировать, надо еще в очереди неизвестно сколько простоять.

— Ну, вы придумали... — протянула я. — А Маша у тебя под венец, надо понимать, в русском сарафане пойдет? Ты вообще за временем следишь? Какой у нее срок-то будет в этот знаменательный день?

— Не так уж много. Мы ей купим платье грибоедовской эпохи. И никто ничего не заметит. И потом, это даже хорошо, что придется так долго ждать. Я денег заработаю. У меня вообще дела пошли в гору. Мне сказали, что во мне открылся политологический талант....

— Глеб! — заерзала я на табуретке, прижав к себе сталинские листы. — Это очень хорошо! Это просто прекрасно! Раз у тебя талант открылся, то мне твоя помощь нужна. Сейчас я все напишу, а ты мне скажешь, что сможешь сделать.

Я убежала в комнату и, быстро переписав своими словами все то, что мне сказал Натаныч и то, что я сама поняла из прочитанного, вернулась к Глебу. Вместо трех страниц у меня получилось пять, так как некоторые заказы Сталина объединяли в себе несколько сегментов знаний.

— Сын! — Сделав серьезное лицо, я потрясла в воздухе списком литературы. — Прочти это и скажи мне, реально ли купить, взять в библиотеке или экспроприировать у кого-то книги по данным темам.

Он с любопытством углубился в чтение.

— Да, мама! Ты меня поражаешь. Сначала с Натанычем закрутила. Потом войной увлеклась. Теперь еще это! Зачем тебе?

— Я собираюсь поступать в Дипакадемию на второе высшее образование, — таинственно шепнула я. — Скоро экзамены. Мне надо подготовиться. Так ты поможешь мне или нет?

Глеб сложил листы и сунул в задний карман джинсов:

— Сейчас поеду на факультет, посмотрю, что там в библиотеке есть. А потом в книжный заскочу. Думаю, что большую часть смогу раздобыть. А остальное... Ну посмотрим, может, мне и удастся все найти. Ты не возражаешь, если я на машине поеду? Не на себе же мне это тащить!

Я отдала ему ключи и, после того как он ушел, села работать. Вечером он появился с кучей пакетов в руках.

— Все! Половину я взял в библиотеке, половину пришлось купить. Вылетел в трубу.

— Умница! — Я стала шуршать мешками. — Это тебе зачтется. Получишь благодарность от правительства. И куда же мне их упаковать?...

Он обеспокоенно посмотрел на меня:

— А зачем тебе это упаковывать? Сиди дома, читай, к экзаменам готовься.

— Глеб, драгоценный мой сын, преуспевший в политологии! — улыбнулась я. — Неужели тебя подводит воображение? Это все я отнесу к Натанычу и там, в спокойной уютной атмосфере, которая просто создана для изучения всей этой ерунды, я буду грызть гранит науки.

— Да, мама! — сказал он, покачав головой, и пошел было звонить Маше, но вдруг остановился и сказал: — Слушай, мам... Я тебя давно спросить хотел...

— О чем?

— А что, Натаныч разве курит?

Автоматически я махнула рукой:

— Да что ты... Нет, он никогда не курил. Он же хилый. Да и вообще он этого терпеть не может...

— Неужели? — Глеб с любопытством посмотрел на меня. — Значит, ты курить начала?

— Ну, ты с ума сошел. Я и вдруг курить! Ерунда какая... — Тут до меня дошло, что платья-то у меня, конечно, не французскими духами пропитываются, когда я со Сталиным в гостиной или в кремлевском кабинете разговариваю, поэтому я резко пошла на попятный и с видом раскаявшейся грешницы заявила: — Знаешь... Я тебе просто признаваться не хотела... На самом деле я там сижу у Натаныча и покурываю помаленьку. Вообще, надо сказать, всю квартиру дымом пропитала. Он, конечно, против. Постоянно читает мне лекции о здоровом образе жизни... Но я все равно удержаться никак не могу...

— Да, мама! — Он снова покачал головой и ушел к себе в комнату.

* * *

Утром я позвонила Натанычу и, выяснив, что он уже не спит, стала собираться. Распихав все книжки в чемодан на колесиках, я накружилась, как голливудская кинодива, быстро оделась и отправилась на девятый этаж.

— Так, так, так... — сказал Натаныч, глядя на мой багаж. — Что у тебя там?

— Косметичка... — Я завезла чемодан в комнату. — Вдруг губная помада сотрется. Надо быть готовой к любой неожиданности...

Гений временных парадоксов задумался:

— Ты тут остришь, а на самом-то деле ничего веселого. Чтобы такую кучу предметов разом в прошлое закинуть, надо хорошо постараться. Так... Давай-ка открывай свой саквояж, садись на пол, а я буду тебе в руки выкладывать роковую для страны литературу. Ты же именно ее притащила? И где только взяла за такой короткий срок?

Я постаралась принять максимально грациозную позу и сжала штекеры:

— Глеб помог. Проявил себя как истинный партиец. Знал бы он, для чего трудится, упал бы, бедный, в обморок. В нем тут политологические таланты обнаружили, а его мать без всякой теоретической подготовки решила историю вершить! Кстати, представляешь, он уверен, что у нас с тобой роман.

Натаныч вместо ответа фыркнул и стал стопку за стопкой совать мне в руки книги.

— Ну вот и все! — через некоторое время сказал он, увенчивая получившуюся гору материалами двадцатого съезда. — Теперь ты довезешь это в целости и сохранности. Только обратно все-таки постарайся это по частям носить. — Он цокнул клавишей и удалил меня из 2010 года.

В 1937-м я оказалась аккуратно возле Сталина, который ждал меня, прислонившись к окну. Он был одет в форму послевоенного образца с белым кителем. От такого зрелища я охнула и рассыпала книжки по полу.

— Ты почему так нарядился? — вместо приветствия спросила я и воззрилась на его погоны.

Моя непосредственная реакция, как обычно, вызвала у него смех:

— Потому что еще минуту назад мне казалось, что мы в ЗАГС ехать собираемся. Но, по-твоему, это, видимо, не повод для парадного мундира. Даже не знаю, как мне теперь быть. Может, в гимнастерку переодеться? — Он подал мне руку и помог подняться.

Я провела пальцем по серебристой звезде:

— А ты... Ты, собственно, в каком звании? Что-то не пойму никак. Вроде в тридцать седьмой год летела, а попала то ли в сорок третий, то ли вообще куда-то в начало пятидесятых...

Он обнял меня:

— Я маршал Советского Союза. Думаю, тебя это должно радовать. В конце концов, не за последнего человека в этой стране замуж выходишь!

— Да уж! — Я вспомнила наш с Натанычем разговор относительно того, в кого же я, собственно, влюблена. — И давно ты маршалом СССР стал?

— Пять дней назад. Тогда же и указ вышел об изменении системы воинских званий РККА и введении формы нового образца.

Сталин посмотрел на рассыпавшиеся по ковру книги:

— Тебя здесь день не было. Где ты все это взяла?

— Старалась для процветания отечества, товарищ маршал Советского Союза! Выслужиться хотела. Думала, может, медаль какую получу или хоть значок. Поэтому заставила сына в библиотеку пойти и кучу книжных магазинов объехать. Так что половину из этого придется вернуть, а остальное — наш тебе свадебный подарок.

— За подарок спасибо... — Он, слегка прищурившись, посмотрел на меня. — А насчет значка приму к сведению. Ну а сейчас иди... Тебя там парикмахер ждался.

В гостинной действительно стоял испуганный человек с плойкой в руках:

— Здравствуйте! — сказал он и показал мне на стул. — Садитесь, пожалуйста. Вы какую прическу хотите?

Я задумалась и села.

— А есть какой-нибудь журнал? Или картинки... — В голове замелькали кадры из разных довоенных фильмов, но ничего толкового на ум не шло. — Наверное, вам виднее. Что-то современное...

Парикмахер растерянно развел руками.

— Меня проинструктировали, что я должен буду сделать нечто конкретное... А вы, оказывается, не знаете... — Он явно начал паниковать. — Как же мне теперь быть?

Опасаясь, что от страха он мне локон сожжет или еще что-нибудь натворит во вред нам обоим, я поспешила его успокоить:

— Вы только не волнуйтесь. Все будет хорошо. Сейчас разберемся.

В этот момент в комнату вошел Сталин. В который раз поняв, что не могу называть его при посторонних на «ты», я сотворила неопределенную фразу:

— А какую мы выбрали прическу? Что-то я забыла совсем...

Он подошел, критически посмотрел на меня и отдал четкие распоряжения относительно того, что именно желает видеть на моей голове. Парикмахер, не помня себя от радости, приступил к делу. Спустя некоторое время, после того как мои волосы были уложены в неведомую по красоте фантазию с непонятной перламутровой загогулиной сбоку, меня можно было смело фотографировать для обложки импортного довоенного глянца.

Когда мы остались одни, Сталин отправил меня переодеваться, после этого заставил

встать посреди комнаты, а сам сел на диван.

— Хорошо выглядишь, — сказал он, вдоволь налюбовавшись. — Сядь, отдохни. Скоро поедем. А пока можешь на документы свои посмотреть.

После того, как я аккуратно, чтобы не помять платье, расположилась рядом, он протянул мне паспорт:

— Ну что ж, Елена Григорьевна Санарова. Поздравляю вас. Вы снова стали гражданкой Советского Союза!

От нахлынувшего приступа ностальгии я чуть не расплакалась:

— Спасибо. Ну, хоть в 1937 году это произошло. Про 2010-й я уж молчу. Там мне это точно не светит...

Углубившись в изучение своих паспортных данных, я выяснила, что родилась в Москве в 1898 году. От собственной древности мне стало не по себе. Значит, меня родили еще при Николае Втором. Потрясающе! Впрочем... Почему он решил сохранить мне мой реальный возраст?

— Ну, ты мог бы меня и помоложе сделать, — сказала я, прикидывая, на сколько лет могу выглядеть. — Написал бы, что мне тридцать три. По-моему, это было бы прекрасно!

— И был бы я тебя старше на четверть века. Кому это надо? — Он вытащил из пачки папиросу. — Достаточно того, что по факту ты меня больше чем на девяносто лет моложе. Это вообще трудно себе представить...

Пока он курил, мне пришло в голову, что я совершенно не представляю, где и как именно будет происходить наше историческое бракосочетание. Призадумавшись, я спросила:

— Скажи, а мы вот сейчас поедем в какой-то ЗАГС... И что... Там, наверное, уже весь район оцепили, никого никуда не пускают, прибыл почетный караул, а нас будет сопровождать кортеж?

Он усмехнулся:

— Это в твоём времени у нас бы кортежи с караулами были. А здесь, я думаю, не тот повод, чтобы в город войска вводить. И вообще, это должно быть предельно просто. Без чуждой стране империалистической помпезности.

— То есть кольца у нас будут выкованы из медного пятака? Правильно я понимаю?

— Какого пятака? Что ты городишь чушь какую-то? — Он затушил папиросу. — Золотые кольца будут. Хотя у нас без этого многие обходятся. Но я решил, что так будет более правильно. А что еще за пятак?

— Ну как у Ленина с Крупской, — рассмеялась я. — Или это легенда, что у них обручальные кольца из медной монеты были сделаны?

— Да... Действительно, что-то такое, кажется, было... Но сейчас не семнадцатый год, чтобы нищету пропагандировать. Советский народ должен быть нацелен на процветание, но без ухода от коммунистических ценностей. Поэтому платье тебе сшили красивое, кольца у нас будут золотые, а на шее у тебя, увы, никакого колье не будет. Хотя... Выглядело бы это неплохо... — Он окинул меня взглядом удовлетворенного эстета. — Все! Ехать пора...

Ровно в полдень мы вышли из автомобиля и на глазах изумленных прохожих прошли в районный отдел ЗАГСа, сопровождаемые наиболее приближенными к Сталину представителями Политбюро. Среди них был и Каганович, которого теперь, после того как выяснилось, кем работал мой двоюродный прадед, я воспринимала как своего личного врага. Что касается остальных, то к ним я уже давно научилась относиться индифферентно, при

этом полностью никому не доверяя, поскольку слишком много читала о них в своей реальности. Следуя линии поведения, которой решила придерживаться, внешне я старалась изображать из себя полную дуру, влюбленную в Сталина до потери пульса и готовую на все ради того, чтобы ему угодить. Думаю, я была очень убедительна, поскольку достаточно быстро добилась того, что практически все стали смотреть на меня с каким-то дружеским состраданием, за исключением, правда, все того же Кагановича, который явно меня недолюбливал.

Пройдя до безобразия сухую процедуру оформления наших отношений и приняв вполне сердечные поздравления присутствующих, мы добросовестно дали возможность фотокорреспондентам запечатлеть нас на пленку и вышли на улицу. Вокруг здания собралось много людей, до которых уже, как видно, долетел слух о том, что Отец народов взял себе новую жену. Некоторые из них, в основном женщины, разглядывали меня с восхищением, скорее всего, благодаря неординарному для этого времени свадебному платью и шикарной прическе. А остальные были поглощены восторженным созерцанием Сталина, что, естественно, не могло не говорить о его культе личности, который процветал и креп, несмотря на репрессии 1937 года.

— Это ничего, что на нас люди смотрят? — шепотом спросила я у своего благоверного, когда мы подходили к машине.

— Пусть себе смотрят. Теперь у них еще один повод будет завтрашние газеты читать.

— А другой какой повод?

— Снижение цен на продукты.

— Это ты в честь нашей свадьбы? Да? — наивно предположила я.

— Нет. Это запланированный процесс. Простое совпадение, — сказал он и помог мне сесть в автомобиль.

Когда мы вернулись на дачу, мне оставалось пятнадцать минут до отправки в 2010 год.

— Ты домой будешь заходить? — спросил Сталин, обнимая меня. — Если хочешь, отдохни там пару часов. Я не возражаю.

— Скорее всего, нет. Куда я там денусь в таком виде? Дома Глеб с Машей. Лучше им меня не видеть. Если только не случится чего-то из ряда вон выходящего.

— Хорошо. Сама смотри по обстановке. Главное — чтобы ты была здесь, как мы договорились.

Через некоторое время таймер перенес меня в будущее.

* * *

— Боже ж мой! — воскликнул Натаныч, увидев меня. — Вот уж не знал, что в таком расфуфыренном виде кто-то в 1937 году замуж выходил! А где корона из Алмазного фонда?

Я с улыбкой посмотрела на него:

— Сталин сказал, что нам негоже отступать от коммунистических ценностей и опускаться до империалистической помпы.

— Это он зря. Такая женщина, как ты, заслуживает империалистических подарков.

— Да, только, как это ни странно, за всю жизнь, кроме проповедующего коммунистические ценности Сталина, мне никто этих шикарных империалистических подарков не делал. И я тебя прошу! Вот только сегодня не надо мне рассказывать о том, что

их сняли с мертвых тел расстрелянных интеллигентов. Тем более что он объяснил мне, откуда они взялись на самом деле.

Натаныч демонстративно схватился за голову и наверняка хотел брякнуть какую-то гадость, предварительно допросив, из какого государственного фонда мое кольцо и прочие дары вождя, которые я ему, по счастью, не показала, но тут я решила, что больше не могу быть вдали от своего теперь уже законного мужа, и сказала:

— А сделай-ка и ты мне подарок. Отправь меня назад, причем молча и быстро.

Подавив кипящие внутри страсти, поборник чужой нравственности недовольно фыркнул и без долгих разговоров закинул меня в 1937 год.

Сталин был в отличном настроении. Расспросив о том, чем я занималась дома, он стал меня инструктировать:

— Сейчас в Георгиевском зале нам предстоит политически важное мероприятие. Приготовься к тому, что это будет долго. Нас будут поздравлять представители не только союзных республик, но и автономий. Если очень устанешь, скажи мне. Тогда я отведу тебя куда-нибудь отдохнуть. Но лучше, если ты постоянно будешь рядом. От тебя требуется только одно. Улыбайся и помни: на тебя вся страна смотрит. И пусть они видят, что я не силой тебя заставил замуж выйти.

Я заверила его, что все поняла, и мы поехали в Кремль. Через полчаса я впервые в жизни вошла в Георгиевский зал. Еще через тридцать минут я навеки рассталась со всеми своими комплексами неполноценности. А по прошествии еще некоторого времени я удостоверилась, что влюбилась в человека, которым восхищаюсь не только я, а еще и миллионы моих сограждан.

Что же касается Сталина, то если у меня и были сомнения относительно того, зачем ему понадобилось это шикарное торжество, то после того, как я выслушала речи первых десяти делегатов, для меня стало очевидно, что он увлекся политическим самопиаром. Мне было неизвестно, о чем конкретно он думал, когда все это затевал, но, видимо, он преследовал несколько целей. На мой взгляд, во-первых, он хотел стереть из памяти народной все легенды и пересуды о своей личной жизни и дать всей стране более устраивающую его тему для обсуждений. Во-вторых, а это следовало из того, как он отвечал на поступающие поздравления, ему явно не терпелось заявить о том, что государство под его руководством отныне идет новым курсом, нацеленным на процветание, которое очень скоро постучится буквально в каждую дверь. И, в-третьих, вне всякого сомнения, он хотел еще больше впечатать в сознание масс свой харизматичный образ, о чем, кстати сказать, напоминала и его презентабельная белая форма с золотыми погонами, пришедшая на смену аскетическому френчу.

Придя в 1937 год из искушенной политической показухой 2010-го, я хорошо видела, что эти руководители республик и автономий не то что не лицемерили или старались всеми силами подольститься, нет, они все без исключения находились в состоянии почти религиозного экстаза от сознания того, что могут выразить обуревающие их восторженные чувства. Я смотрела на происходящее и понимала, почему именно и в пятидесятые годы моей реальности, и в более близкие мне восьмидесятые огромное количество людей торопились прокричать со страниц книг, с экранов телевизоров или с высоких трибун о том, как они кривили душой, когда участвовали в формировании культа личности. На самом деле они пытались оправдать самих себя в том, что просто-напросто чистосердечно закрывали

глаза на репрессии, террор, диктатуру и были готовы молиться на вождя, который в течение тридцати лет буквально держал их под гипнозом...

Постепенно наша свадьба приобрела формат демонстрации достижений народного хозяйства и соцсоревнования на наиболее емкое и политически грамотное поздравление. За один вечер госколлекция сталинских подарков пополнилась огромным количеством уникальных экспонатов, которые навезли в Москву со всей страны. Ближе к одиннадцати Сталину на согласование принесли завтрашние газеты. Их первые полосы были украшены нашими фотографиями, краткой информацией о том, на ком женился Отец народов, перечислением всех, кто присутствовал на свадебном банкете, и сталинской речью, в которой он уведомлял советских граждан, что страна стоит на пороге великих перемен.

Как и было запланировано, вся эта феерия длилась до глубокой ночи. В пятнадцать минут четвертого мы сели в автомобиль и выехали из Кремля. Всю дорогу до дома мы сидели обнявшись и молчали, потому что сил говорить после этого мероприятия у нас не было никаких.

И только на даче, когда мы пришли в гостиную, Сталин сказал:

— Тебе осталось пятнадцать минут. В следующий раз я буду ждать тебя ровно через три дня в семь вечера по тем координатам, которые в приборе. Я хочу, чтобы ты пробыла дома не дольше суток.

— У нас свадьба только что была, а мы расстаемся на три дня! — сказала я заплетаясь от усталости языком. — Ну как это так? А где же наша первая брачная ночь?

— На дворе уже утро наше первое брачное. И потом... Это я расстаюсь с тобой на три дня, потому что меня дела ждут. А ты со мной встретишься гораздо раньше. Стой здесь, я сейчас приду, — сказал он и вышел из комнаты.

Вернувшись, он протянул мне какой-то сверток:

— Это тебе. Можешь считать это свадебным подарком, а можешь думать, что это тебе дали вместо значка или медали за заслуги перед родиной.

— А что это? — Я хотела развернуть и узнать, что находится внутри небольшого, но неестественно тяжелого пакета.

Однако Сталин остановил меня:

— Дома посмотришь. Думаю, на некоторое время это даст тебе возможность беспрепятственно летать сюда, не отвлекаясь на заработки, и отпраздновать свадьбу сына так, как ты мечтала...

В этот момент щелкнул таймер, и я оказалась в своем времени, где было полпервого ночи. Обнаружив на диване спящего без задних ног Натаныха, я пошла к себе и посмотрела, что именно лежит в загадочном свертке. После этого, поняв, что действительно заслуживаю империалистических подарков, я приняла душ и легла спать в состоянии обжигающего счастья.

* * *

В семь утра меня разбудил звонок в дверь. Надеясь на то, что сын проснется и выяснит, кого нелегкая принесла, я повернулась на другой бок и накрыла голову подушкой. Мелодичная трель повторилась.

— Глеб! Пойди разберись! — крикнула я и прислушалась.

Из его комнаты не доносилось ни единого звука. Он вообще здесь или уже куда-то уехал? Мне пришлось сползти с кровати и пойти в прихожую.

— Кто там еще? — я высунула голову в общий холл.

Из-за дальней железной двери раздался голос Натаныча:

— Иди сюда! Разговор есть!

Ругаясь на чем свет, я пошла открывать:

— Тебе делать нечего? Да? Семь утра! Жара идиотская дышать не дает. Я после свадьбы в себя пытаюсь прийти. А ты бродишь здесь, как привидение!

Он сунул руки в карманы шортов и, наклонив голову, посмотрел на меня:

— Симпатичная у тебя ночная рубашка. Интересно, а чего ты ее с собой в 1937 год не берешь?

— Ты пьяный что ли опять?

— Трезв как стекло. И заметь! Прекрасно себя чувствую!

Мне захотелось спустить его с лестницы:

— Я поспать имею право? Мне, знаешь, это вообще нечасто удается. А ты приходишь и будишь меня ни свет ни заря! Говори, что надо, и уходи!

Он стал прохаживаться вдоль лифтов:

— Знаешь, я вчера весь вечер думал и пришел к выводу, что если я полечу к Косыгину, то он выпишет мне допуск к моей установке, и тогда я смогу, как ты говоришь, жару отключить.

— Ну так и лети к своему Косыгину! А еще можешь Брежнева навестить, Суслова, Устинова... и еще кого-нибудь, кто мил твоему сердцу. Только я не понимаю, зачем ты сюда в такую рань приперся!

Он подобрал с пола какую-то рекламку:

— Для реализации моих планов мне нужен Windows 98. У тебя есть установочный диск?

Я поняла, что заснуть мне уже не удастся:

— Нет у меня диска. И не было никогда. Я даже не знаю, как все это устанавливается. Бред какой-то! Если тебе поговорить хочется, так давай пойдем кофе выпьем. Или ты предпочитаешь тут, возле мусоропровода, объясняться?

Натаныч замахал руками:

— Нет, нет, нет... У тебя там Глеб... Он и так обо мне невысокого мнения из-за твоей распушенности, а тут еще меня на кухне увидит... Ладно, раз диска нет, то я пошел...

— Ну счастливо! — Я хотела захлопнуть дверь, но он остановил меня.

— Слушай, какой же я дурак! Ведь я могу взять эту системную папку в твоём старом ноутбуке, где ты гороскопы считаешь. Дай мне его на пару часиков. Я тогда к вечеру успею вернуться из 1974-го и заброшу тебя, куда скажешь.

— Натаныч! Зайди в квартиру. Я не могу бегать тут в таком виде. Глеб, кажется, ушел уже. А ноутбук у меня на антресоли рядом с елкой лежит. Мне минут пять понадобится, чтобы его вытащить.

Тут у меня из-за спины раздался заспанный голос сына:

— Мам, кто там пришел? Я вчера сантехника вызвал. Это он?

Натаныч приложил палец к губам, а я крикнула:

— Нет! Это ко мне! Соседка с пятого этажа! — Я посмотрела на щуплую фигуру моего

друга и засмеялась. — Ладно, герой-любовник, жди здесь. А то, действительно, сейчас он начнет выяснять у тебя, сколько сигарет я выкуриваю, почему без букета пришла... Я мигом!

Быстренько шмыгнув домой, я на цыпочках прошла в кухню, взяла табуретку и полезла на антресоль. К счастью, ноутбук лежал с краю. Я схватила его и выскочила к Натанычу:

— Держи. Только я вспомнила... У него же USB-порт не работает. Я тебе говорила. Ты не сможешь папку достать.

Натаныч покрутил в руках мой увесистый компьютер:

— Такой кирпич! Да еще и порт сгорел! Ну ничего. Я из него все, что мне надо, через флорпи-диск выужу...

— Через что? — не поняла я.

— Темная ты! — он ткнул пальцем в боковую прорезь. — Через дискету! Ну, мне пора. А то в 1974-й не успею.

Не дожидаясь, когда приедет лифт, я помахала ему и пошла обратно. К своему ужасу, я застала Глеба у себя в комнате с фотографией в руках.

— Мама! — Он удивленно смотрел на меня. — Это что еще такое?

Чаша моего терпения лопнула, и я решила сказать ему правду:

— Это мое свадебное фото. Вчера в 1937 году я расписалась со Сталиным. Это он заваливает меня цветами, подарил кольцо с бриллиантом и попросил принести ему литературу, чтобы вести страну к светлому будущему!

Глеб улыбнулся и еще раз посмотрел на снимок:

— Да... А я и не знал, что ты так лихо в фотошопе работаешь. Практически не заметно, что это фотомонтаж. Только вот с историей у тебя напряженка. В 1937 году Сталин такую форму не носил. Это гораздо позже было! — Он положил фотку на стол. — Ну, я пойду еще посплю. Мне в двенадцать на пресс-конференцию ехать...

Облегченно вздохнув, я легла на кровать и, прокрутившись минут сорок, заснула. Однако в девять меня снова разбудил дверной звонок. Решив, что это слесарь, я накинула халат и выбежала открывать. На пороге стоял Натаныч в своем допотопном костюме семидесятых годов и с моим ноутбуком в руках:

— На, заberi. Действительно, ни фига не работает. Хорошо еще, что у меня дискета завалялась от старых времен. А то накрылся бы мой проект. Ну, я пошел в 1974-й, надеюсь, что жара теперь недолго продержится.

Вернувшись в квартиру, я бросила компьютер на стул в прихожей, решив, что в ближайшее время посчитаю на нем синастрический гороскоп себя и Сталина, и пошла варить кофе. Как можно выспаться в такой обстановке? Позавтракав, я вышла на балкон. Интересно, что синей машины, которую мы с Натанычем подозревали во всех смертных грехах, под окнами не было. Может, мы слишком мнительные и ноутбук у меня стащили обычные воры, а не загадочные структуры, которые мне после 1937 года на каждом шагу мерещатся? Как бы это проверить? Я вернулась в комнату и стала искать в мобильнике номер того неизвестного заказчика. Когда мои поиски увенчались успехом, я нажала кнопку. Через некоторое время мне ответил уже знакомый глухо звучащий голос:

— Слушаю.

От неожиданности я растерялась.

— Это... Это... Помните, мы с вами разговаривали насчет перевода программы? Это было... — Я поняла, что даже не представляю себе, сколько дней прошло с тех пор. — Ну, я еще приехать к вам должна была...

— А, да... Кажется, Елена? Я ждал вас. Куда же вы подевались?

Не зная, что сказать, я стала оправдываться:

— У меня компьютер украли. Потом я вам перезванивала, а мне сказали, что номер не существует...

— Сочувствую, — закашлялся он. — Не знаю, почему телефон не работал... Наверное, от жары в сети перегрузка была. Но теперь уже поздно говорить. Мы наняли другого переводчика. Так что только и могу, что пожелать вам удачи...

Попрощавшись, я в задумчивости снова вышла на балкон. Значит, мы с Натаньчем параноики. Может, и программы его вовсе не хакеры взломать пытались, а просто вирус какой-нибудь из сети попал? Надо ему рассказать! Я было рванулась к телефону, но вспомнила, что создатель жары собрался лететь к Косыгину. Это было как-то некстати. Теперь придется ждать, когда он вернется от своего любимого Алексея Николаевича.

Я вернулась в комнату и хотела вытащить из глубины стола свадебный подарок Сталина, но, услышав шаги сына, села на кровать и быстро схватила книжку.

— Мам, — сказал Глеб, заходя ко мне. — А если серьезно, то что это за кольцо у тебя на руке? Оно же правда обручальное. Зачем ты его надела?

— Понимаешь, — я потупила взор. — Мужчины пристают. Устала их отгонять от себя. Вот, чтобы больше никто ко мне не подходил, я решила носить кольцо. Это мне бабушка дала. Оно у нее с тридцатых годов валялось.

— Понятно, — засмеялся он. — Ну, я пойду. Мне еще в одно место надо заскочить. Завтракать не буду, очень жарко!

После того как он ушел, я достала из сумки визитку и позвонила человеку, помогавшему мне в свое время продать прадедово наследство. После короткого разговора я поехала к нему в антикварный салон.

Увидев, что я ему принесла, он сразу назвал мне сумму, от которой я испытала шок. Оказалось, что, по мнению Сталина, я была достойна вовсе не империалистических подарков, а куда более солидных — императорских. Теперь я действительно могла забросить работу и думать о предстоящей свадьбе Глеба не с чувством горечи, а с радостным предвкушением грандиозного торжества. Договорившись, что приеду в салон в один из ближайших дней, я отправилась в банк, беззаботно сняла остаток своей теперь уже казавшейся нищенской заначки и купила сногсшибательное платье, которое, все всякого сомнения, должно было понравиться моему высокопоставленному супругу.

Вечером я позвонила Натаньчу:

— Ты вернулся?

— Да! Брежнев мне орден хотел вручить, но Громыко помешал. Написал рапорт о том, что я своими разработками не только экологическую обстановку нарушаю, но и внешнеполитический климат.

— Ну не сочиняй только! Лучше скажи, когда жара спадет.

Он захихикал:

— Когда рак на горе свистнет. Не знаю. Это процесс итерационный и по времени не прогнозируемый. А ты когда меня посетишь, товарищ Санарова? Или как там тебя теперь величают?

— Меня оставили Санаровой, дабы не менять мой распрекрасный серпастый паспорт. Сейчас оденусь и приду. Готовь новые координаты, те, которые в приборе.

Я повесила трубку и стала прихорашиваться. Вскоре я уже сидела на полу у Натаньча в

своем новом наряде.

— А ты знаешь, что там у тебя, в 1937 году, уже лето к концу подходит? — каким-то подозрительным тоном спросил теоретик итерационных процессов. — Дожди на улице, холодные августовские ночи...

— Это ты к чему? — удивилась я, обмахиваясь журналом.

— Ну... Ветровочку бы какую взяла... Или тужурку...

Я махнула на него рукой:

— Зачем мне тужурка? Я все время в помещении. То на даче, то в театре, то в Кремле. А ты что меня, за полярный круг уполномочен отправить? А?

Не снизойдя до объяснений, он ввел координаты и быстро щелкнул кнопкой.

* * *

Переместившись, я оказалась на мягком ковре в какой-то довольно просторной комнате с высокими потолками и новой, пахнущей лаком мебелью. Стоявший рядом Сталин поднял меня с пола и обнял:

— Надо было пораньше тебя сюда вызвать. Я три часа назад прилетел. Столько времени зря потерял. Уже могли бы вместе быть.

— Прилетел? — Я прижалась к нему и не могла оторваться. — И куда же ты, интересно знать, прилетел? Даже представить не могу, что ты такое придумал, что нам пришлось по отдельности ехать.

Он слегка отодвинул меня и стал, как обычно, внимательно рассматривать мое новое платье:

— Ну, пока нас с тобой Кемаль Ататюрк в гости не пригласил, я подумал, что мы можем позволить себе несколько дней в Сочи отдохнуть.

— Мама дорогая! Так ты что, меня вот так взял и в Краснодарский край забросил?

— В Азово-Черноморский. Думаю, не в самолете же тебя сюда отправлять... А у тебя платье новое? Мне нравится. Только здесь, к сожалению, погода испортилась. Так что придется эту красоту пока спрятать, — он оставил меня возле окна, а сам подошел к платяному шкафу и вытащил из него плащ и длинный яркий шарф. — Одевайся. Пойдем прогуляемся...

Здание, в котором мы находились, явно было только что достроено. Его архитектура соответствовала традиционному, но сугубо послевоенному сталинскому стилю, что навело меня на мысль, что в моем параллельном мире этого места вообще не существовало.

— А как давно это все здесь появилось? — спросила я, когда мы вышли во двор и, обогнув дом, стали спускаться к пляжу по засыпанной гравием дорожке. — Как-то странно это все выглядит для 1937 года.

— Эту госдачу по моему заказу возвели в предельно сжатые сроки, используя новейшие технологии быстрого строительства... специально дня нас с тобой. Когда я утверждал проект, то в первую очередь руководствовался твоим вкусом. Тебе нравится?

Я повернулась и стала рассматривать белый фасад с огромным солярием, выходящим на море. Если бы в 2010 году еще до полета в прошлое меня заставили описать внешний вид моего воображаемого приморского коттеджа, то он бы выглядел именно так. Оказывается, в отношении архитектуры я была поклонницей сталинского ампира. Это меня поразило.

— А как ты так угадал? — спросила я, глядя на большие окна первого этажа. — Мы же с тобой никогда об этом не говорили.

Он ухмыльнулся:

— Тебя все время удивляет, что мне не составляет никакого труда твои мысли читать. Правда, должен отметить, что и вкус у нас с тобой во многом совпадает. Так что я прикинул, какой дом здесь хотелось бы видеть мне, дополнил его солярием и сказал, чтобы крышу украсили этими башенками. По-моему, неплохо получилось. Думаю, ты меня вдохновляешь.

Мы вышли к морю и пошли по пляжу вдоль воды. Вокруг не было ни единого человека. Скорее всего, это была закрытая правительственная территория. С моря дул сильный, но довольно теплый ветер, по небу метались серые клочья облаков, дождя не предвиделось, и настроение у меня было прекрасное.

— Знаешь, это даже хорошо, что погода испортилась, — сказала я, глядя на кувыркающиеся волны. — У меня там в 2010-м такая жара стоит, что я с удовольствием от нее отдохну. Тем более что я вообще ни разу в жизни в Сочи не была. Я как-то все время в Риге отдыхала.

— Это была территория Советского Союза? — Сталин поправил мой шарф, с которым я никак не могла справиться, и посмотрел на меня.

— Да. Я же тебе рассказывала. Ты не обратил внимания, что Латвия была нашей республикой?

— Обратил. Просто я думаю, стоит ли ее еще раз республикой делать. Или лучше так оставить.

После этих слов я как-то впервые задумалась о том, что мои планы по гармонизации отечества могли, мягко говоря, не понравиться некоторым странам Ближнего Зарубежья. Хотя... Если все сложится идеально, то кто же откажется жить в сверхждержаве, где... как он там говорил... процветание стучится в каждую дверь? Нет, все-таки надо во что бы то ни стало добиться от него, чтобы он сотворил тут чудеса социалистической мысли, которые потом превратятся в развитую экономику и все такое прочее. Причем, судя по тому, как он себя ведет, его уже сильно захватила идея построения идеального общества.

— А можно тебе вопрос задать? — спросила я, решив выяснить у него планы в отношении Германии.

— Если ты о внутренней политике, то лучше не надо. Тебе вообще в это вникать не стоит. А если о внешней, то уж ладно, задавай свой вопрос.

— Скажи, а ты решил уже, что с Гитлером делать будешь?

Он, прищурившись, посмотрел на меня:

— Это у тебя любимая тема, да? Может, тебе стоило к фюреру лететь и его уговаривать идеальный мир создать? Ты адресом случайно не ошиблась? А то, знаешь, он меня моложе на десять лет, ты по-немецки говоришь свободно. Глядишь, он бы там с тобой далеко продвинулся...

— Ну что ты такое выдумал? — поняв, что меня занесло, куда не следовало, я стала выкручиваться. — Какой еще фюрер? Все, все, все... Больше я тебе никаких вопросов не буду задавать. В конце концов, у нас тут медовый месяц. Или эта... медовая трехдневка. Так что объявляем Сочи зоной, свободной от политики, и говорим только о любви. Давай я тебе расскажу о своих чувствах! Хочешь?

Не сдержавшись, он рассмеялся:

— Тебя каждый раз какая-то чушь спасает. Только я соберусь на тебя разозлиться, так

ты что-то такое мне говоришь... Слов не хватает описать... Ну и что такого нового ты мне можешь о своих чувствах сообщить?

— А вот могу, представь себе! — Я обняла его. — Ты вот жил в своем 1937 году и даже не знал, что я к тебе с пятнадцати лет равнодушна. Я тогда увлеклась темой... вот только можно я как есть скажу, а?

— Можно. Говори уже, что хочешь.

— Так вот. Когда я училась в девятом классе, то увлеклась темой 1937 года и много-много всего прочитала. Ну, в основном это все, конечно, запрещенная литература была... Ну и так, ты знаешь, я впечатлилась, что пошла в киоск и купила пачку «Герцеговины флор». Она у меня до сих пор лежит. Потому что ты был для меня кумиром... Ну, это как-то все параллельно с изучением репрессий шло... — Я пожалала плечами и улыбнулась.

Сталин прижал меня к себе, и мы стали целоваться. Через некоторое он время сказал:

— Я думаю, что в тот день, когда ты первый раз ко мне в кабинет пришла, меня правильная мысль посетила. С головой у тебя что-то не в порядке. То ты мне говоришь о том, что я тиран, каких свет не видывал, и пристаешь ко мне с этими репрессиями. То выясняется, что ты в восемьдесят каком-то году папиросы купила от избытка чувств. Это невероятно. Пойдем домой. А то мне кажется, ты есть хочешь.

За ужином я решила больше не донимать его политикой, а, вспомнив про Кемаля Ататюрка, стала рассказывать о развитии туристического бизнеса Турции. Поздно вечером, еще раз объявив Сочи свободной от политики зоной и присвоив ему почетное звание города нашей любви, мы выпали из реальности...

— Ты когда в 2010 год попадешь? — спросил Сталин ближе к полуночи.

— Совсем скоро. Я так специально рассчитала... Скажи, можно мне сюда сразу вернуться? Пожалуйста... Я не могу... Просто не могу расстаться с тобой. Я так люблю тебя...

Он внимательно посмотрел на меня. В свете ночной лампы мне казалось, что его глаза горят каким-то мистическим огнем.

— Я бы хотел, чтобы ты все три дня была здесь постоянно. Это, конечно, иллюзия, но тогда получится, как будто ты из этого мира. Думаю, твоему другу не составит особого труда каждые десять часов на кнопку нажимать?

— Конечно, конечно... Тогда я скоро уйду. Сбегаю домой. Навру что-нибудь сыну. И сразу обратно. — Я продолжала его целовать, окончательно впад в какую-то любовную горячку, и тут вспомнила, что ничего не сказала про его царский подарок. — Ой, прости, меня. Так неудобно получилось. Я же забыла тебя поблагодарить...

— Ты о чем говоришь?

— О том, что ты мне подарил. Я...

Он перебил меня:

— Не надо. Скажи только, это имеет какую-то ценность в твоём времени?

— Очень большую.

— Мне приятно это слышать. Теперь я могу видеться с тобой столько, сколько захочу. И не буду думать о том, что ты из-за наших встреч на грани голодной смерти. Тебе не пора?

Я посмотрела на часы.

— Еще пять минут. — Неохотно встав, я оделась и подошла к окну. — Мне сразу в этот же момент вернуться?

— Минут через пять. Я покурю пока.

— Ой, нет! — Я подбежала и села на край кровати. — Ты не кури без меня. Я сейчас вернусь...

Не успев договорить, я врезалась в Натаныча.

— Что ты стоишь на ковре, когда мне возвращаться нужно? — возмутилась я и резко встала. — Что за шутки такие?

— Да не кипятись ты... — Он был какой-то озабоченный и испуганный. — Мне кажется, что круг сужается. Я уверен, что пока они заняты твоим компом и пытаются взломать программы. Но когда они поймут, что это невозможно, будет беда.

— Натаныч! — Я посмотрела на себя в зеркало и, ужаснувшись, стала поправлять прическу. — Я же тебе не успела сказать, что звонила по тому номеру. Помнишь, заказчик, который, как мы думали, украл мой ноутбук?

— И что?

— Ничего. Он взял трубку. Сказал, он меня помнит, но заказ отдали другому переводчику... И вообще... Синяя машина пропала. Так что все хорошо!

— Это ничего не доказывает! — Он зашагал по комнате, как аист. — Только страшнее становится.

— Слушай, я не могу здесь оставаться. Меня Сталин ждет. Ты знаешь, где я там нахожусь?

— Знаю, конечно, — усмехнулся он. — На югах. Твой драгоценный вождь тебя в свое любимое место в район Сочи переправил. Ладно, иди уже...

Дома я обнаружила плачущую на кухне Машу, которую Глеб тщетно пытался успокоить.

— Что случилось? — спросила я, хватая со стола косметичку и лихорадочно запихивая в нее высыпавшиеся коробочки теней.

Маша разрыдалась, а Глеб развел руками:

— Мам, Маша считает, что я не смогу учиться и работать. Она раздула из этого целую проблему. Теперь у нас тут будет не только ребенок несчастный, но и мы с ней по миру пойдем. А потом еще марсиане прилетят, земля будет повергнута в хаос, и начнется великое оледенение.

Я посмотрела на часы. Мне совсем не улыбалась перспектива сидеть на кухне и утешать их обоих.

— Так, Маша, вставай, — схватила я ее за руку. — Пойдем я с тобой поговорю. А ты, Глеб, побудь чуть-чуть один.

В комнате я посадила ее на кровать и сказала:

— Значит, так. Слушай меня внимательно. Сейчас я тебе кое-что покажу. Но Глеб об этом ничего знать не должен. Я хочу, чтобы он работал и чувствовал ответственность за то, что происходит. Ты можешь гарантировать мне, что не проговоришься?

Она закивала, вытирая слезы, а я вытащила из стола футляр, который, в отличие от своего императорского подарка, забыла положить в банковскую ячейку.

— Твой папа ведь в ювелирной мастерской всю жизнь просидел, да?

— Да.

— Значит, ты хоть что-то понимаешь в этой области?

— Я очень хорошо разбираюсь, — с воодушевлением пискнула она и захлопала ресницами.

— Тогда посмотри сюда, — открыла я крышку. — Это то, что наша семья подарит тебе

на свадьбу. Если вдруг так случится, что марсиане всех поработят, то ты это продашь и будешь жить на проценты.

— Елена Григорьевна! — Она вмиг успокоилась и пришла в себя. — Глеб никогда не говорил мне, что вы из древнего рода. Это же... У меня нет слов, что это такое...

— Дорогая Маша, — сказала я, улыбаясь, и спрятала обратно нашу «семейную реликвию», — в эту великую тайну по традиции мы посвящаем только женскую половину нашего древнего рода. Поэтому не смей даже полусловом обмолвиться Глебу о том, что ты видела.

Я отвела ее обратно на кухню и, сообщив сыну, что три дня проведу в Экваториальной Гвинее, ушла в коридор, чтобы причесаться. Спустя минуту до меня донесся их разговор.

— Что тебе мама сказала? — спросил Глеб.

— Она показала мне бумагу, в которой было написано, что африканский диктатор открыл на наши имена счета в швейцарском банке. Теперь я успокоилась...

— Да, Маша! — ответил он. — И ты туда же!

Не став слушать, чем это все закончится, я вернулась к Натанычу.

— Все! Отправляй меня в ту же минуту на десять часов. Я хочу обратно!

Оказавшись в 1937 году, я швырнула косметичку на трюмо и бросилась к Сталину.

— Меня дети отвлекали, мой друг какую-то ерунду городил про шпионов и секретную разведку, — стала объяснять я, стягивая с себя платье. — Я сказала сыну, что три дня меня не будет. Вообще не будет. А ты что делал?

— Что я мог делать? Несколько секунд прошло. Ты же мне сказала, чтобы я даже не курил без тебя.

— Ах да, — засмеялась я и залезла под одеяло. — Ну, вот мы вместе. Теперь делай, что пожелаешь... — Я стала обнимать его. — Хочешь, я тебе твою «Герцеговину» принесу?

— Не надо. Она здесь лежит. — Он взял с тумбочки папиросу и затянулся. — Ты сегодня какая-то особенная. Это юг на тебя так действует?

— Это не юг. Это ты на меня так действуешь. С каждой встречей все сильнее. Пока мы там ходим где-то, разговариваем... да еще если люди кругом... это как-то не так. Но когда остаемся одни, то я как под гипноз попадаю. Особенно когда взглядом с тобой встречаюсь. Это вообще какая-то катастрофа! Если я здесь с тобой три дня проведу, то мне трудно даже представить себе, как я буду жить в своем времени. Ты понимаешь? Я оторваться от тебя не могу! Я с ума просто схожу от любви этой.

Он бросил папиросу в пепельницу:

— Повезло мне с тобой. Ты очень странная, но, как видно, именно это мне и было нужно. Получать в жизни то, чего на самом деле почти быть не может.

— Да... Почти быть не может... А ведь в параллельной реальности ты совсем другой. — Я прижалась к нему и закрыла глаза. — Так удивительно. Получается, что, кроме меня, никто и не знает, какой ты на самом деле. И даже если бы я рассказала, то никто бы не поверил.

— Для меня нет той реальности. Есть только эта. Я такой, какой есть. А та история, о которой ты вспоминаешь, уже изменилась. Получается, что все идет иначе. И теперь ты не предскажешь будущее. Даже день моей смерти не определен. Это может и завтра произойти, и в 1953 году...

Утром, увидев, что погода стала исправляться, мы решили завтракать под открытым

небом на площадке милого моему сердцу солярия. Потом, после того как я смоталась на минуту в 2010 год, мы съездили в город, чтобы посмотреть, как там вообще все выглядит, и, вдоволь нагулявшись по довоенному Сочи, вернулись к обеду и не выходили из дома до вечера...

Мы оба уже не ощущали себя ни в 1937 году, ни в каком-то другом времени... Мир свернулся вокруг нас клубком, и в течение трех дней в нем существовали лишь шелестящие на ветру пирамидальные деревья, дом с белыми башенками, кусок побережья и наши чувства.

* * *

После сочинских каникул для нас обоих начался новый этап во взаимоотношениях. Теперь нам стало еще труднее расставаться друг с другом, и если бы не катастрофическая загруженность Сталина государственными делами, то я бы, скорее всего, окончательно поселилась у него в 1937 году. Однако бурная деятельность, которую он развил, стремясь своими большевистскими темпами привести страну к райской жизни, вынуждала его видаться со мной гораздо реже, чем того хотелось нам обоим.

Теперь наши встречи происходили либо на даче, куда я приходила поздно ночью, либо в Кремле, где я становилась невольной участницей различных событий мирового масштаба. После свадьбы Сталин коренным образом изменил внешнюю политику СССР и стал приглашать в Москву высокопоставленных представителей разных стран. Он не посвящал меня в цели всех этих секретных переговоров, которые он проводил на пару с Молотовым, но зато регулярно заставлял присутствовать на ужинах в честь именитых гостей, во время которых нередко использовал меня как своего личного переводчика.

Таким образом я познакомилась со многими историческими фигурами довоенной эпохи, в том числе с Рузвельтом, который в этой реальности побывал в Москве с официальным визитом, и с Чемберленом, приехавшим в столицу сразу после мюнхенских переговоров, которые здесь произошли на год раньше, чем в моих исторических координатах. Я уже было размечталась, что в связи с ускорением политических процессов мне дадут краем глаза посмотреть и на подписание пакта с Германией. Однако, когда в Москве стали ожидать Нейрата, которого по неизвестным мне причинам должен был сопровождать еще не вступивший в должность министра иностранных дел Риббентроп, Сталин очередной раз сделал мне выговор за повышенное внимание к национал-социализму и отослал меня в 2010 год, запретив целую неделю показываться ему на глаза. Но зато потом клятвенно пообещал, что непременно возьмет меня с собой в Берлин после того, как фашистский режим будет низвергнут.

Время снова шло для нас непараллельно. У меня в 2010 году все еще стояло аномальное лето, которое, несмотря на допуски Косыгина, выжигало пожарами целые деревни, а в 1937-м швырялась дождями осень.

Мне хотелось знать, что происходит в стране и насколько продвинулся Сталин в реализации своего нового государственного курса, поэтому однажды, сидя с ним поздно вечером в гостиной, я набралась смелости и, внутренне наплевав на категорический запрет обсуждения событий 1937 года, спросила:

— А ты не мог бы хоть немного рассказать мне о том, что вообще в государстве

творится? Я же ничего об этом не знаю. Хожу только на приемы, радио не слушаю, газет не читаю... Мне же интересно! Ты не держи меня в такой изоляции!

Естественно, он воспринял это заявление с явным недовольством.

— Ты думаешь, мне в Кремле мало этих разговоров? Мы видимся не так часто, чтобы время на политические дискуссии тратить. Хочешь газеты посмотреть, чтобы правду узнать?

— Ну, хотя бы так...

— А их не для тебя печатают! Понимаешь? — Он закурил и отошел к окну. — Их должны читать люди 1937 года и делать те выводы, которые им положено делать. А чтобы ты поняла, что здесь на самом деле происходит, мне сейчас придется всю ночь тебе лекции читать и открывать государственные тайны. Как ты думаешь, я этим буду заниматься?

— Но я же постоянно принимаю участие в этом процессе! Таскаю тебе из будущего всякие книги и статьи. К каждому нашему свиданию как к выступлению с трибуны готовлюсь, чтобы на все твои вопросы отвечать. А ты ничего, ничего мне не говоришь... Это бесчеловечно, в конце концов.

— Хорошо! — Он резко вышел из комнаты и вернулся с толстой пачкой «Правды». — Возьми это с собой! — Он швырнул газеты на стол. — И сколько угодно читай, почему, как и что тут происходит...

— Спасибо, а... — Я хотела еще кое-что спросить, но Сталин перебил меня.

— Я так чувствую, что с внешней политикой тебе все более-менее ясно. Значит, сейчас ты продолжишь испытывать мое терпение и задашь какой-нибудь такой умопомрачительный вопрос, после которого этот вечер будет окончательно испорчен.

Я пожала плечами:

— Ну я только поинтересоваться хотела, чем сейчас Хрущев занимается.

Он снова закурил и на удивление спокойно ответил:

— Хрущев? Партия направила его на Украину. Он там ответственный пост занимает. Ему дали квартиру, госдачу, автомобиль. Да, я чуть не забыл тебе сказать! Указ вчера вышел, что Крым вместе с Севастополем отошел к УССР.

Я оторопела:

— Подожди... Я в толк не возьму... Это ты так шутишь что ли?

Он повернулся и обрушил на меня огненную лавину своего взгляда:

— Нет! Это ты шутишь! Причем очень неостроумно!

— Я не понимаю, — спросила я, вжимаясь в диван.

— Как ты думаешь, где может быть Хрущев, который на двадцатом съезде развенчал мой культ личности? Тебе это место показать?! — Он смял пустую папиросную пачку.

Мне захотелось испариться в 2010 год и недельку там отсидеться. Но до отлета было очень далеко, и надо было срочно выправлять ситуацию. Я хотела было что-то сказать, однако, увидев выражение его лица, поняла, что никакие разговоры, уговоры, нежности и прочие рычаги воздействия здесь были совершенно бесполезны.

С горя я забралась с ногами на диван и, завернувшись в шаль, нахохлилась, как курица, и опустила глаза. Мне вдруг показалось, что я вообще надоела Сталину со своей любовью и разговорами о мироустройстве и весь этот ядерный взрыв был вызван вовсе не моим желанием узнать положение дел в стране, а его потребностью найти цивилизованный повод для прекращения наших отношений. От этой мысли меня охватил такой ужас, что я не могла даже пальцем шевельнуть.

— Ты онемела? — резко сказал он.

Я pokrутила головой, зажмурилась и еще сильнее прижалась к спинке дивана. Сталин, все еще злясь, стал шумно распечатывать новую «Герцеговину».

— Ну и что ты теперь молчишь? Чья еще судьба тебя интересует? Говори... Не стесняйся.

— Моя, — прошептала я.

Видимо, он повернулся и посмотрел на меня:

— Что ты имеешь в виду?

Не сдержавшись, я разревелась, понимая, что так рискую вообще вывести его из себя. Однако почему-то именно это заставило его взглянуть на происходящее с другой стороны. Он сел рядом со мной на диван и, вытащив меня из шали, обнял:

— Ты меня за кого принимаешь? У нас с тобой современные отношения должны быть, основанные на равенстве. Почему ты все время боишься?

— Потому что на тебе свет клином сошелся! — Я, как дикая, бросилась его целовать. — Я не могу, не могу с тобой расстаться... Если ты скажешь, чтобы я не приходила, то я там у себя просто умру. У меня сын взрослый, я ему не нужна... И если здесь все это закончится, то для чего мне жить вообще?

Всю его злость после этого как рукой сняло. Но даже несмотря на то, что он от всей души захотел меня утешить, ни слова о своих чувствах он, как водится, не сказал:

— Успокойся. И не думай, что я расстаться с тобой хочу. Это полная чушь. В конце концов, это не ты виновата в том, что меня из себя выводит, если женщина мне такие вопросы задает. Это другая история. И мне действительно надо о ней уже давно забыть. Так что уж ладно... Я буду тебе иногда рассказывать о том, что происходит. А то иначе это действительно как-то неправильно у нас складывается.

После этого он еще полночи приводил меня в чувства, а потом обязал прийти днем на час в кремлевский кабинет, чтобы он мог убедиться, что я успокоилась.

* * *

Утром, невыспавшаяся и зареванная, я появилась в квартире у Натаныча. Он добивал завтрак, гремя на кухне ковшиком с овсянкой.

— Привет! — Я пришла и села на табуретку. — Как дела?

Он удивленно посмотрел на меня:

— Что это с тобой? Семейная ссора?

— Ага, типа того... — сказала я и тяжело вздохнула.

Натаныч от любопытства чуть чаем не подавился:

— И вот что же ты такого могла натворить, что он тебя до слез довел? А? Может, глазки кому-нибудь состроила? Или вообще загуляла там с молодым партийцем?

— Я спросила Сталина, чем сейчас занимается Хрущев...

Натаныч разразился неприличным хохотом:

— Идиотка! Ты вообще понимаешь, где и рядом с кем ты там находишься? Вот тебя жизнь вообще ничему не учит? Ну немного хоть надо в мужской психологии разбираться! И что он тебе ответил?

— Что Хрущев на Украине госдачу получил и автомобиль.

— Молодец! — Мой друг захлопал в ладоши. — Он еще шутит с тобой. Я бы, наверное,

не удержался и отвез тебя куда-нибудь на экскурсию... Чтобы ты глупых вопросов не задавала... Ну, я надеюсь, закончилось-то это все мирно?

— Да, конец света отложили на неопределенный срок... — Я пошла в комнату и принесла газеты. — Смотри, я выпросила у него прессу. Он, конечно, сказал, что там, мягко говоря, вранье пишут, но что-то, наверное, все равно можно понять.

— Боже ж мой! — Натаныч аж подпрыгнул от восторга. — Сколько прошло лет с тех пор, как я последний раз за завтраком «Правду» читал! Ну-ка, ну-ка... Давай посмотрим.

Мы оба углубились в изучение печатного слова. Через некоторое время я поняла, что из всех этих текстов действительно невозможно уразуметь, что именно творится в государстве. Однако Натаныч, выросший в несколько иной атмосфере и приученный с пеленок читать между строк, сидел и увлеченно шуршал страницами. Он пересмотрел всю пачку по диагонали, потом вернулся к некоторым заметкам во второй раз и после этого, хлебнув остывший чай, посмотрел на меня.

— Ну, я тебе скажу, это сильно! — сказал он и снял очки. — Честно говоря, я такого результата не ожидал.

— Ну, ты теперь тоже, как Сталин, будешь меня загадками доканывать? — возмутилась я. — Говори толком, что ты там вычитал!

Он сложил на груди руки и развалился в кресле:

— Начнем с того, как написаны эти газеты. Я говорю о самом стиле. Он, видимо, контролирует там каждый вздох редактора. Ты посмотри! — постучал он пальцем по передовице. — Это же не журналистика 1937 года! Это современная газета с изощренной пропагандой. Это не тупой советский слог с прославлением вождя и всякими идиотскими стихами. Это серьезный пиар, это политическая реклама, наконец... Это и НЛП, и медиавирусы, и не пойми еще что...

— А по существу?

— Ну, начнем с того, что происходит в деревне. — Натаныч вытащил из середины стопки газету и посмотрел на нее. — Я так понимаю, что он решил немного изменить свой подход к коллективизации. Ну, у него и там было много планов насчет повышения плодородности земель, но их он не реализовал из-за войны... А тут он взял быка за рога, придумал еще более масштабные планы, а потом вытащил из лагерей всех спецов-аграриев, которых сам туда перед этим отправил, и сказал им: идите и реабилитируйтесь! Если не получится — к стенке. И они со всех ног помчались внедрять индустриализацию в деревни, не забывая, конечно, и о животноводстве. Но при этом каким-то образом он дал зеленый свет существованию в некоторых местах этих... по-нашему говоря, фермерских единиц, обложенных налогом, а также расширенных личных хозяйств, которые были официально зарегистрированы как военный резерв. Получилось, что он идеологически перетянул на свою сторону еще и тех крестьян, которые хотели идти индивидуальным путем, соглашаясь работать на государство как бы на своей территории. Это он их, конечно, облапошил, но они ему поверили и стали пахать с утроенной энергией ради того, чтобы их в колхозы не тащили. Смысл всего этого сводится к тому, что он обеспечил все для создания стратегического зернового запаса страны, исключил все возможности повторения истории с голодом начала тридцатых годов, заложил действительно прогрессивную систему сельского хозяйства да еще и поднял свой рейтинг доверия в том сегменте народонаселения, который раньше относился к нему более чем прохладно.

— А промышленность? Что там произошло?

— Там... — Натаныч полистал газеты. — Ну, положи-то руку на сердце, у него и в нашем 1937 году все это неплохо шло. А тут он еще начитался всякого разного, чего ты ему натащила... И опять же вытащил толпу арестованных инженеров, запугал их хорошенько и отправил развивать страну. Вообще надо сказать, что этот подход у него тут хорошо виден. Думаю, он даже рад, что такую кучу народу успел посадить. Теперь ему есть где брать кадры, которые готовы на него круглые сутки пахать, только чтобы их обратно не отправили.

— А с военной промышленностью что?

— Ну так тебе и сказали в газете «Правда», что там с ВПК делается! Это же военно-промышленный комплекс 1937 года! А значит, полная секретность. Не знаю, что. Меня другое интересует. Смотри. Отсюда видно, что все, что он сделал хорошего для страны в нашей реальности, там у себя в параллельном мире он решил увеличить как минимум в два раза. Для этого ему понадобились его любимые кадры. Он их взял за решеткой. Тогда у меня появляется вопрос.

— Какой? — спросила я, не понимая, как Натаныч сумел вычитать все из этих газет.

— Кто у него сидел и занимался великими стройками коммунизма? Наверное, он кого-то продолжил репрессировать... — Мой гениальный друг снова зашелестел газетами. — Да... Точно! Он ужесточил уголовный кодекс. Теперь за самое мелкое воровство можно было получить такой срок, что мама не горюй! Таким образом он стал искоренять криминальный мир, а заодно бороться с коррупцией. Думаю, что если он ввел это все в 1937 году, то лет через пять там вообще все криминальные элементы стали исправно вкалывать без малейшей надежды на амнистию.

— Ну и что получается-то?

— Получается, что наука у него развивается, промышленность работает, образование на высоте, сельское хозяйство тоже скоро будет в норме, наверняка военная мощь наращивается, а значит, все о'кей! Мы на верном пути. Народ дрожит от страха и любви. Любое нарушение наказывается лагерем — заметь, не расстрелом! — потому что кадровый дефицит и нужен человеческий резерв. Ну а особо несогласных с его политикой все-таки ставят к стенке, как видно из этих кратких сообщений. — Он показал на какие-то короткие заметки, а потом снова начал листать газеты. — Слушай, а чего-то я не пойму, что с Кагановичем-то?

— Да ничего... — пожала я плечами. — Что ему сделается. Как был, так и есть.

— А тогда кто такой этот нарком путей сообщения Бакулин?

Я махнула рукой:

— Это дед мой по маминой линии. Двоюродный.

— Да ну?! — удивился Натаныч. — Это ты его в наркомы протащила?

— С ума сошел? Нет, конечно. Это реальный мой дед! Он действительно наркомом был до 1938 года. Ну а потом... Сам понимаешь.

— Боже ж мой! — сказал Натаныч, ехидно усмехаясь. — И в твоей семье были приличные люди!

Я треснула кулаками по столу:

— Ты, Натаныч, совсем охамел! А прадед мой энергетик, что, не был приличным человеком? А священник тоже, по-твоему, непонятно кто? Да?! А все мои деды и бабки, которые войну прошли? Это что, ворье какое-то?

— Я говорил о двадцатых, тридцатых годах! Кем был твой дед по линии маминой матери?

— Дезертиром.

— Вот, а ты говоришь! Гэпэушник, дезертир... Гнилая кровь! Кстати! — Натаныч оставил в покое моих родственников и снова углубился в газеты. — Я не понял, кто у нас тут мое любимое нэкэвэдэ возглавляет! Ты мне можешь сказать?

— Могу, — я плеснула себе в чашку воды и выпила. — Его зовут Кондратьев Олег Борисович.

— И кто это такой? — удивился Натаныч.

— Не знаю. Я тебя хотела спросить. В Интернете его нет. В энциклопедии тоже. Сталин сказал, что его назначили в Москву с Дальнего Востока.

— А ты его видела?

— Конечно. Нормальный мужик такой лет сорока пяти. Среднего роста. Я даже думала, что Кондратьев — это псевдоним какой-то. Но вроде нет. У него жена, дети. Все нормально.

Натаныч призадумался:

— Интересно. И этот тип, про которого мы ничегошеньки не знаем, сидит спокойно и перетасовывает людей туда-обратно. Одних в ГУЛАГ, других на волю. Чудеса у тебя там, дорогая подруга! Вот что я тебе скажу!

— Да, только непонятно, чем Сталин занимается в отношении внешней политики и что он намерен делать с Гитлером.

— Это неизвестно... — протянул Натаныч, а я отправилась домой приходить в себя после бессонной ночи.

* * *

На следующий день я, как мне было велено, появилась в Кремле.

— Ну что? — спросил Сталин, обнимая меня. — Успокоилась? Не боишься больше, что мы расстанемся?

Я стала целовать его и бормотать что-то невнятное. Он посмотрел на меня, как на тяжелобольную, и сказал:

— У меня есть время. Пойдем прогуляемся. Там сегодня на удивление тепло, правда, в одном платье ты все равно замерзнешь. Но я тебе свой второй китель дам.

Вытащив из-за двери запасной китель с маршалскими звездами, он накинул мне его на плечи. Мы покинули кабинет и по традиции направились в сторону Боровицкой башни. В том месте, где мы всегда останавливались, чтобы поговорить, Сталин спросил:

— Ну что, прессу изучила? Меня интересует, что ты из всего этого поняла, а то мне совершенно не нужно, чтобы ты неверные выводы делала.

Вспомнив все, о чем мы говорили с Натанычем, я пересказала это от своего имени практически слово в слово. Сталин тяжело вздохнул и, опершись руками о парапет, посмотрел на реку:

— Я так и думал. Газет больше не получишь.

— Ну а что не так? — всполошилась я, мысленно ругая Натаныча. — Там это было написано.

— Объясняю. Про сельское хозяйство неправильно. Про уголовный мир верно лишь отчасти. Да и вообще все это не то и не так. Кроме того, я не понимаю, откуда у тебя эти циничные утверждения о том, как перетасовывают людей и как их ставят к стенке? — Он

внимательно посмотрел на меня. — Понятно. Это не твои мысли. Приятель твой наверняка с тобой политбеседы вел. Я прав?

— Ты всегда прав, — улыбнулась я и посмотрела на него. — Во всем.

— Тогда слушай меня. Да, партия борется с врагами народа. И в зависимости от степени вины эти люди попадают или в лагеря, или на тот свет. Иначе, без этой жесткой системы, невозможно в нашей огромной многонациональной стране, привыкшей к царизму и единоначалию, построить хоть что-то... А «хоть что-то» я строить не собираюсь, так как мне хочется создать действительно великое государство. За несколько последних лет были допущены ошибки в оценке вины многих людей. С некоторых пор мне пришлось взять этот процесс под свой контроль, и многие приговоры были пересмотрены. Что касается сельского хозяйства... Я изменил некоторые планы, которые считал правильными несколько лет назад. Это долгий разговор, и, конечно, то, что там происходит сейчас, было бы совершенно неверно описывать так, как это сделал твой друг. В машинах времени он силен, но в коллективизации — увы. Что тебя еще интересует?

— Когда мы увидимся в следующий раз? — сказала я и поправила сползший с меня маршальский китель.

— Это хороший ответ, товарищ Санарова! Завтра. В одиннадцать вечера.

Он улыбнулся, и мы пошли гулять дальше. При этом я абсолютно не поняла, что же именно происходит в Советском Союзе этой реальности и во что это может вылиться в будущем...

Вернувшись в 2010 год, я первым делом сделала втык Натанычу:

— Ты чего мне тут наговорил про коллективизацию сельского хозяйства? Я из-за тебя перед Сталиным осрамилась. Он сказал, что все у них там совсем не так происходит, как тебе показалось. Да и с репрессиями дела иначе обстоят.

— Да?... — с сомнением в голосе буркнул он. — Ну, допустим... Человек я не деревенский и в рогатом скоте ни шиша не понимаю, но про лагеря уж извини! Там черным по белому все было написано. А он-то как тебе это все объяснил?

Я закатила глаза:

— Ну, типа того, что по его приказу все дела пересмотрели и многих отпустили, так как приговоры были неверные.

— И все?

— Да.

— Ясенько. — Натаныч сделал рукой неопределенный жест. — Ему очень хочется, чтобы ты его безгрешным считала. Ну-ну... Все равно ежу понятно, что он там всех в страхе держит и карает за любую провинность. Только расстрелов стало меньше, а репрессии как были, так и остались. Короче, он был бы не он, если бы отступил от своей деспотичной политики.

— Ну и ладно... — сказала я и ушла домой.

* * *

Спустя пару недель мы со Сталиным сидели в гостиной и обсуждали делегацию из Норвегии, которая за день до этого прибыла в Москву. Неожиданно он сменил тему и сказал:

— Я хотел поговорить с тобой об одном деле. У меня для тебя поручение будет. Ты уже однажды его выполняла.

— Ты о чем?

— Так складывается, что именно сейчас в отношении Германии все становится ясно. Ситуация под контролем. Но... Меня волнует вопрос, какие будут последствия и буду ли я сам доволен тем, что произойдет. Поэтому... Я хочу, чтобы ты отправилась в 1952 год и снова взяла у меня письмо.

— Но... — грустно посмотрела я на него. — Разве ты не помнишь, что в этом случае можешь больше меня не увидеть... То есть увидеть, но только через пятнадцать лет. Тебя это не волнует?

Он встал и отошел к окну:

— Я просто знаю, что ты вернешься. В моей реальности мы будем вместе. Это для меня очевидно.

— Ты так самоуверен. Но одному из вас все-таки придется меня потерять. И изменить этот закон невозможно. Я-то к тебе приду, но ты...

Он перебил меня:

— Ты помнишь, во сколько попадешь сегодня в 2010 год?

— Так ты поэтому сказал, чтобы я выставила таймер всего на два часа?! — я схватилась за голову, придя в ужас от того, как легко он со мной расстается. — Значит, ты придумал это еще вчера и теперь хочешь, чтобы я прямо сейчас ушла... Хорошо. Я пойду и заберу твой конверт. А потом вернусь. — Я посмотрела на циферблат и встала. — Уже почти пора.

Сталин как-то мрачно посмотрел на меня:

— Ты отправишься туда ровно на три минуты. И сразу вернешься сюда. В этот же момент. Расценивай это как приказ. И даже не думай о том, чтобы его нарушить. Поняла меня?!

— Поняла, — сказала я и испарилась.

В 2010 году я села на диван и задумалась. Почему он так спокойно отослал меня в будущее? Неужели он совсем не дорожит нашими отношениями? Или все-таки ему на самом деле все это поднадоело? Если бы он любил меня, то хотя бы иногда говорил мне хоть что-то, тем более сейчас... Но он этого не делает! Нет! Так не может продолжаться! Я должна знать, нужна ему или нет! Иначе я не смогу, не смогу с ним общаться...

От этих дум меня оторвал Натаныч:

— Вот ты таки прилетела — и что? Я не понимаю, почему ты ушла не на десять часов, как обычно, а на два? Что у вас там в 1937 году, комендантский час ввели для путешественников во времени?

— Слушай... А вот ты скажи мне... — взглянула я на своего лохматого друга. — Ты своим женщинам в любви объяснялся?

— Ха! — Он взмахнул руками. — Разумеется! Я им оды любовные слагал! Болтал без умолку под окнами... А в чем проблема-то?

— Да так... Ни в чем...

Натаныч заинтересованно посмотрел на меня:

— Ты, значит, страдаешь, что он тебе стихи не посвящает, не называет твоим именем звезды, не ставит тебе памятники в городах СССР? Да?

— Не утрируй. Я просто хочу понять, как он ко мне относится. Он же молчит все время.

Может, я ему осточертела? А? Ну что, этого разве быть не может?

— Дура! — в сердцах сказал Натаныч, в котором явно заговорила мужская солидарность. — Ты по поступкам суди, а не по словам! Он ради тебя Алмазный фонд разворовал!

— Заткнись! Не воровал он ничего!

— Не важно! — Его было уже не остановить. — Он на тебе женился в Георгиевском зале! Он тебя как первую леди на все приемы берет! Вот... Вот... Именно из-за этого я с женой развелся! Я пахал, как идиот. В 1976 году, понимаешь, в 1976 году купил ей шубу, стенку, хрусталь... Я все время изобретал какие-то немислимые аппараты и патентовал их, чтобы заработать денег. И после этого... Ты знаешь, что было?

— Нет. Ты никогда не говорил мне.

— Я уехал в Новосибирск и, как в дешевой мелодраме, вернулся на день раньше! И что ты думаешь? Она сидела в нашей квартире и пила с ним шампанское из этого самого хрусталя!

— Так, может, у них ничего не было?

— Если бы! — Он оседлал стул и задрогал шлепанцем. — Она сказала, что этот кретин умеет красиво ухаживать. Он водил ее в театр и читал наизусть Пастернака. Поэтому она от меня ушла и поселилась с ним в коммуналке. Потом он спился, а она осталась одна, наедине со стенкой, шубой и хрусталем.

— А ты ее любил?

— Тьфу ты! — Натаныч бросил на пол какие-то бумажки. — Ты безнадежна. Бедный Отец народов! Я ему искренне сочувствую. Женился на тупице! И угораздило же его на старости-то лет!

У меня лопнуло терпение, и я села на пол:

— Все, дорогой друг! Отправляй меня в 1952 год туда же, куда я в прошлый раз летала. Буду его задание выполнять.

Перепрограммировав реальность, знаток женской психологии хитро посмотрел на меня:

— А ты на сколько туда собралась, красавица?

— На два часа.

— Неужели? А я вот голову даю на отсечение, что он тебе это запретил. Да? Ну скажи!

— Запретил, запретил! — ответила я, нервно дергая штекеры. — Но я пойду на два часа.

Натаныч потряс от возмущения головой и ткнул кнопку.

Оказавшись в 1952 году, я обвела глазами комнату. Из нее вынесли всю мебель, кроме дивана, на котором сидел Сталин и курил трубку. Увидев меня, он улыбнулся:

— Вот я и дождался. Ты пришла. Молодая и прекрасная...

Я вскочила и бросилась к нему.

— Почему, скажи, почему ты меня сюда отправил? О чем ты там думал в 1937 году, когда это делал? — я обняла его и всхлипнула. — Тебе надоела наша связь, да? Ты просто не хотел признаваться?

Он развернул меня и посмотрел мне в глаза:

— Да как тебе такое в голову пришло? Я помню этот момент. Я постоянно возвращался к нему в течение этих пятнадцати лет! Мы подписали такие документы... Мы сделали все, чтобы война, если она все-таки случится, шла на чужой территории. Я потратил столько сил на то, чтобы заставить работать каждый шарнир в государственной машине. Я разработал

схему, которая должна была принести плоды уже через несколько лет. И так и случилось! Тогда, в 1937 году, я нечеловечески устал от того, что решил научить общество тридцатых годов жить по законам будущего. Сейчас я удивляюсь, как мне это удалось, однако факт остается фактом! Но мне и этого показалось мало! Я стал понимать, что мне нужен ответ на один вопрос. Всего на один вопрос. И я решил, что ты должна сходить сюда.

— Но ты же знал, что можешь потерять меня!

— Я в это не верил. На тот момент я контролировал не только Советский Союз. Европа. Америка. Япония — они все делали то, что было нужно мне. И я даже представить себе не мог, что ты... ты исчезнешь из моей жизни!

— Так ты любил меня? — спросила я сквозь слезы.

— Любил ли я тебя? Ты приходишь из 1937 года, где я был готов ради тебя на все, и задаешь мне этот вопрос? Ты что, ничего не видела?

— Но ты никогда, никогда не говорил мне об этом! Почему, скажи мне!

Он пожал плечами:

— Такой уж я человек. Я считал, что не мужское это дело — о любви говорить. Главное — то, как мы с тобой общались. А в этом отношении все было идеально.

— Да?

— Ну... Я помню, что поругались мы однажды из-за разговора про этого Хрущева. Тогда я разозлился, потому что... Ну... Ты просто не знаешь этой истории. И, скорее всего, никто не знает. Ты могла спросить про кого угодно... и я бы слова плохого тебе не сказал... Но речь шла именно о нем.

— И долго ты на меня потом злился?

Он удивленно посмотрел на меня:

— Нет. Я же любил тебя бешено. Я голову терял от любви. Ты помнишь, как мы в Сочи отдыхали? Разве ты ничего не видела? Да я тогда в 1937 году страну новым курсом повел ради тебя!

Я расплакалась:

— Ты знаешь, я, наверное, настолько там влюблена, что ничего не соображаю...

Он повернул мою руку и посмотрел на стрелки часов:

— На сколько ты пришла?

— На два часа, — закусил губы. — Это ужасно?

Он прижал меня к себе:

— Ты сделала мне щедрый подарок. Наградила после пятнадцати лет воспоминаний. Знаешь, когда я там, в 1937 году, узнал, что ты не вернешься... Думаю, что-то подобное я, наверное, испытал в твоей реальности, когда на нас немцы напали. Мне показалось, что у меня земля из-под ног ушла. Почти неделю я был дезориентирован.

— А если бы я вернулась? Ты бы и не понял, может быть, как я тебе нужна?

— Понял бы я все. Только ты не вернулась. Потом я снова работал, затем эта война...

— Так она была?! — воскликнула я.

— Мы открыли второй фронт. И когда Европа уже превратилась в огненное месиво, прошли по восточной части, заняли Берлин и восьмого мая в одиннадцать часов ночи приняли капитуляцию. А в Москве...

— А в Москве уже было девятое мая... — закончила я за него знакомую фразу. — Скажи, ты доволен тем, как все сложилось?

Он мрачно усмехнулся:

— Нет. Слишком много потерь. Полтора миллиона советских граждан.

— Полтора миллиона! — воскликнула я. — Ты помнишь, сколько погибло на войне в моей реальности?

— Этой реальности нет. — Он, как в былые годы, поправил мои волосы. — Есть только одна реальность — та, в которой я живу. И в ней уже пятнадцать лет нет тебя. Это вторая причина, по которой я не могу быть доволен собой. Но теперь поздно об этом говорить. Тогда я сделал ошибку. Но я там, в 1937 году, я ее больше не повторю.

— Почему? А если тебе захочется еще что-то спросить, проверить?

Он протянул мне тонкий конверт:

— Потому что, прочитав это, я многое узнаю. А ты же помнишь, я доверяю только себе.

После этого я стала расспрашивать его о тысяче разных вещей, без которых, как мне казалось, я могу что-то упустить, не понять в наших отношениях с ним самим в 1937 году. Он рассказывал мне, давал советы, объяснял какие-то детали, до которых я не могла додуматься самостоятельно. Говорил о том, что мне следует делать, если что-то складывается именно так, а не иначе. Я выяснила у него столько всего, о чем он никогда даже примерно не упоминал пятнадцать лет назад. И когда до моего возвращения оставалось десять минут, я спросила:

— А почему ты сейчас мне так свободно рассказал обо всем?

— Потому что ты больше никогда не вернешься.

— Знаешь, — прошептала я, глядя на пачку «Герцеговины». — Мне было так интересно, почему ты перестал курить трубку. Но я не решалась тебя спросить.

— Да, я тоже хотел узнать ответ на этот вопрос. И только когда ты ушла, я понял. Тебе нравилось, что я курю папиросы. Я прав?

Я обняла его:

— Да. Это действительно так. А теперь мне уже почти пора...

Неожиданно он сказал:

— Ты не должна сейчас идти в 1937 год.

— Но... Что я могу сделать? Ты же меня там ждешь.

— Ты пробыла здесь два часа, — усмехнулся он. — И ты думаешь, что я там тебя так легко прощу?

— А ты думаешь, что нет? Но ведь я же была не с кем-то, а с тобой!

Он не удержался и поцеловал меня:

— Как ты наивна. Да если бы я почувствовал, что ты хотя бы взгляд бросила в чью-то сторону... В 1937 году или 2010-м... То тебя... То тебя бы пришлось в закрытом гробу хоронить! Что же касается этой истории, то я помню, как ждал тебя в тот вечер. Я был на взводе, мне нужен был ответ на этот вопрос, — показал он на конверт, который я держала. — И меньше всего мне хотелось бы узнать, что ты не веришь в мою любовь и решила обратиться за советами ко мне самому. Мне трудно представить, что бы я с тобой там сделал, но я тебе не советую это проверять.

— Так как же мне быть? — с ужасом спросила я.

Он на некоторое время задумался:

— Пришли мне в 1937 год письмо. И попробуй в нем что-то такое написать, чтобы я понял, как ты чистосердечно раскаиваешься.

— Но... Ты не любишь, когда я... Одним словом, ты ратуешь за современные отношения, в которых есть равенство. Как я при этом такое письмо напишу?

Он рассмеялся:

— И ты мне веришь? Это же полная чушь. Пиши много. Так хотя бы жива останешься...

Не успев попрощаться, я оказалась у Натаныча.

— Ну что? — спросил он. — Теперь в 1937-й?

Я помотала головой:

— Нет. Иначе сюда вернется мой хладный труп. Я пошла письмо писать. И... Даже не уговаривай меня! Тебе я не дам его читать!

Забрав сталинское завещание, я пошла домой и забралась в кровать с ноутбуком. Поскольку я привыкла думать, глядя на экран, мне пришло в голову сначала сочинить все в компьютере, а потом переписать на бумагу. Я приступила к работе и довольно быстро накатала свое послание. Это был политически безграмотный с точки зрения страны Советов текст, который больше походил на объяснительную записку жительницы гарема своему султану, чем на письмо мужниной жены, проживающей с ним в социалистическом 1937 году. И чего я только там не выдумала, чтобы, как мне посоветовал сам Сталин, он понял, что во мне бушует чистосердечное раскаяние. Я объяснила ему, как сильно переживала, как металась в сомнениях относительно его чувств, как решила спросить об этом у него самого и как он там, в 1952 году, мне открыл глаза на происходящее. И потом я написала еще много, много всего о любви и страданиях. Всю эту челобитную я закончила вопросом о том, когда мне можно вернуться. Запечатав конверт, я пошла к Натанычу.

— Отсылай. На час.

— Ты думаешь, он так долго будет читать?

— Нет. Читать он будет быстро, как обычно. А злиться потом будет долго.

Натаныч покачал у меня перед носом указательным пальцем:

— Ошибку совершаешь! С письмом хорошо придумала, но таймер надо ставить на десять минут.

Я решила довериться его мужскому чутью и согласилась. Через десять минут на полу лежал конверт, на котором было размашисто написано: «Возвращайся немедленно!» Сжав штекеры и пакет с завещанием, я переместилась в 1937 год.

Естественно, Сталин стоял рядом со мной и, конечно же, прожигал меня именно таким взглядом, который мне больше всего не нравился. Поэтому говорить я начала прямо с пола:

— Ты можешь меня убить! Я даже не против... В некотором смысле я, можно сказать, за! Но подумай, как тебе будет плохо, если меня не будет рядом!

Вместо ответа он спокойно помог мне встать на ноги, посмотрел на меня, а потом сгреб рукой волосы у меня на затылке и сильно сжал:

— Ты зачем это сделала?

— Я тебе написала... Но я могу повторить... Мне было страшно, так как я не знала, что ты ко мне чувствуешь... Поэтому... — Тут я увяла и решила, что мне стоит прерваться.

Он помолчал, видимо прикидывая, каких именно карательных мер я больше всего заслуживаю, и потом сказал:

— Знаешь, что тебя в этот раз спасло?

— Что? — прошептала я, в глубине души надеясь услышать от него здесь, в 1937-м, а не 1952 году эти слова.

Но он ответил мне в своем неизменном стиле:

— То, что я действительно тебя очень сильно... ждал.

* * *

После многострадального похода в 1952 год меня еще сильнее скрутили тиски чувств. Сталин окончательно парализовал мою волю, завладел разумом и уже подбирался к душе, которую я охраняла из последних сил. Когда мы находились в разных временных пространствах, он постоянно был в моих мыслях, я вела с ним внутренние диалоги, думала о том, что с его точки зрения хорошо, что плохо. А после того, как оказывалась в 1937 году, я просто растворялась в своей любви и из кожи вон лезла, чтобы он был мной доволен. Я восхищалась им и даже не пыталась искать в нем недостатки.

Сам же Сталин относился ко мне по-прежнему, однако теперь, после того как он сам в 1952 году выдал мне свои тайны, я, несмотря на его скрытный характер, уже понимала, как сильно он меня любил.

Мне было неизвестно, о чем именно он написал в своем завещании, но было понятно, что он воспользовался собственными советами, так как стал работать еще больше. Теперь он думал о делах даже в те редкие выходные, которые, как правило, мы проводили на даче. Иногда он посвящал меня в свои идеи, нередко ограничивался только общими фразами, но порой, когда я должна была так или иначе стать активной участницей какого-либо государственного процесса, он подробно рассказывал, что и для чего намерен делать.

Был такой момент, когда поздно вечером он стоял возле окна и курил, а я сидела на диване, листая журнал. Его молчание затянулось, и мне захотелось узнать, что у него на уме.

— Скажи, пожалуйста, а о чем ты так долго размышляешь? — спросила я и подошла к нему.

— Думаю, как завоевать доверие народа, — ответил он и ухмыльнулся.

Я провела рукой по его золотому погону:

— Да куда ж тебе больше-то? И так в историю войдешь со своим культом личности. Мне кажется, что после твоих реформ тебя уже и в лагерях любят. Скоро заключенные тебе благодарственные письма слать будут за то, что ты их наставил на путь истинный.

Он затушил папиросу и обнял меня:

— Ну, это ты преувеличиваешь. И в лагерях этих, тема которых тебе покоя не дает, на самом-то деле меня ненавидят и боятся. Но я сейчас о тех людях, которые на свободе живут, говорю. Меня их мнение прежде всего волнует.

— В моем 1937 году тебя восхваляли, потом в 1941-м с твоим именем в бой шли. Когда война закончилась, тебя уж совсем обожать стали, а после смерти вообще в Мавзолее похоронили...

— А в 1956 году враз поверили, что я тиран, и приравняли к врагам народа! — Он посмотрел на меня и провел рукой по моим волосам. — В этой реальности такое положение вещей меня категорически не устраивает. Потому что... Если это произойдет, то запустится опасный процесс. Сначала народ начнет терять веру в непогрешимость власти. Затем станут появляться люди, которые будут искать ориентиры за рубежом. А меня ведь уже здесь не будет, и остановить их будет некому... Поэтому спустя некоторое время инакомыслие зацветет буйным цветом. Начнут обесцениваться идеалы. Постепенно страна потеряет стержень. Общество и правительство будут говорить на разных языках, и никакого

понимания между ними не будет. В результате развалится не только экономика. Мы потеряем самое главное.

— Что?

— Нацию, единую нацию. И я надеюсь, ты понимаешь, что я не говорю о нации чисто русской по национальному наполнению. А имею в виду русскую или советскую нацию как организм, который объединяет в себе черты огромного количества национальностей, оставаясь при этом единым целым. Здесь, в 1937 году, у нас уже сложилось понятие «советский народ». И мне надо сохранить это во что бы то ни стало.

— И как ты собираешься это делать? — спросила я, думая о том, какие чудеса творятся с нашей единой нацией в 2010 году.

Он снова закурил:

— Это надо осуществлять с помощью очень точно выверенной идеологии. Но, как ни крути, говоря о нашей стране, нельзя не использовать такое понятие, как империя. И как бы неправильно и неграмотно это ни звучало, сейчас мы здесь имеем социалистическую империю, а потом, по моим представлениям, в ней установится несколько иной строй при старом названии... Так вот. Чтобы все сложилось так, как я задумал, мне здесь и сейчас надо обеспечить сохранение в государстве нерушимых идеологических ценностей. И раз мы говорим об империи, то в качестве основы уже нельзя использовать идеалы марксизма и ленинизма.

— А чем же ты это заменишь? — удивилась я, не понимая, куда его вообще занесло.

— Если хочешь что-то сохранить, то следует привлекать в помощь то, что проверялось столетиями... И я удивляюсь, почему мне раньше это в голову не приходило... Подожди минуту, мне позвонить надо.

Он подошел к телефону и отдал распоряжение:

— Завтра в Москве я хочу видеть Карпова. Да, Георгия Григорьевича. Он должен быть в Кремле не позднее трех часов дня.

Когда он положил трубку, я спросила:

— А кто такой этот Карпов? Чем он занимается?

— Не важно, чем он занимается. Главное — кем он станет после нашего с ним разговора, — сказал Сталин и, оставив в покое идеологию, полностью переключился на меня...

Утром, появившись в 2010 году, я первым делом спросила у Натаныча:

— Слушай, а кто такой Карпов?

— Гроссмейстер, — не задумываясь, ответил он. — Что, любовь так память отшибла, что ты фамилию шахматиста нашего забыла?

Я покачала головой:

— Вот я там сижу в 1937 году и об Анатолии Карпове думаю! Что за ерунда! Я тебя спрашиваю, кто такой Карпов... Кажется, Георгий... Который как-то связан с идеологией.

Натаныч пожал плечами и показал мне на сетевой провод, сиротливо валявшийся на полу скрученной змейкой:

— Интернета нет. Боюсь хакеров. Так что ничем не могу помочь. Знаю только одно: если твой любимый вождь занялся идеологией, то скоро ты будешь собственноручно гладью вышивать серп и молот на вашем семейном флаге СССР. А по выходным и праздникам вы оба будете выходить во двор госдачи и поднимать это рукотворное знамя на флагшток.

— Очень смешно! — деланно улыбнулась я. — Отправь меня обратно.

— С чего бы это? — удивился он. — А домой зайти, деток проведать?

— Детки укатили на все выходные отдыхать от жары на Валаам. Поэтому делать мне там нечего, и пойду я в 1937 году в галантерею. Пяльцы куплю для вышивки. Уж очень меня Сталин заинтриговал своими разговорами об имперской идеологии и единой нации.

Натаныч присвистнул:

— Батюшки милые! Не нравится мне это. Как-то, знаешь ли, пахнет идеями... Ты знаешь, по твоему лицу вижу, что знаешь, какими идеями... Так что иди-ка действительно разберись, что он там еще выдумал, твой гений всех времен и народов. И кстати! Вы многое пропустили, товарищ Санарова.

— Ты о чем?

— Жара кончилась. Так что дети на Валааме мерзнут, а моя итерационная программа прошла второе испытание.

Я подбежала к открытому окну. На улице действительно стояла вполне нормальная теплая погода.

— Фантастика! Тебе Нобелевскую премию надо вручить! А ты еще будешь править эту программу?

— Да... Придется... — поскреб он затылок. — Когда я второй раз в 1974-й летал, то там одного мужика встретил... Мы с ним когда-то мечтали вместе машину времени изобрести... Его потом грохнули в 1993 году... Ну не важно. Так вот, он мне идейку подсказал, нюансик, на который я внимания не обратил. И знаешь, я наконец-то догадался, что надо сделать, чтобы все корректно работало. Так что я тут сижу и уже сутки над этим тружусь.

— Но тестировал-то ты старую программу, — сказала я и села на пол. — А сейчас новую сделаешь и опять жару устроишь? Или теперь на тайфуны переключишься?

Он скрестил руки на груди и уставился в экран:

— Старая тоже вроде работает. Но... Честно говоря, вероятность того, что она запустит эту итерационную переделку мира, составляет 73,55 процента. А новая нам бы дала 99,98 процента.

— А на сто процентов ума не хватает? — возмутилась я. — Что-то слабовато ты справляешься. Ладно. Забрасывай меня в одиннадцать вечера через пять дней до утра.

— Пять дней?! Это мне снова реальность перепрограммировать? Что, так трудно соблюдать правило и летать туда не реже чем раз в четверо суток?

Натаныч достал медную пластину и произвел с ней привычные манипуляции.

— Слушай, — начал ехидничать он, вручив мне штекеры. — А что это он тебя не каждый день приглашает? По каким таким причинам в ваших свиданиях периодически наблюдаются столь значительные перерывы?

— Не догадываешься?

— Нет.

— А знаешь, почему не догадываешься?

— Ну и? — удивленно уставился он на меня.

— Потому что у тебя детей нет. А у него есть. И ему приходится еще и ими заниматься, а не только мной. Все, хватит разговоров. Отправляй меня. Хотя нет... — Я встала с ковра. — Пойду-ка я переоденусь. А то мало ли что он мне там скажет. Вдруг на какое-нибудь идеологическое мероприятие заставит идти. Тогда надо быть в соответствующем виде.

Через час я расфуфыренная пришла обратно и притащила Натанычу свой рабочий ноутбук:

— На, подключись к сети. А то я вижу, что у тебя тоска неземная в глазах от недостатка информации. Почитай новости свои любимые, диссертации на разные темы... Что ты там еще смотришь обычно... Я все равно сейчас не работаю, а тебе будет полезно душой отдохнуть.

От радости Натаныч готов был меня расцеловать и, не став приставать с дурацкими вопросами, быстро переместил в 1937 год.

* * *

Сталин встретил меня в парадной форме. У него было отличное настроение, и, подав мне руку, он с улыбкой сказал:

— По твоему платью можно сделать вывод, что ты на календарь иногда смотришь. Я удивлен. Мне казалось, что ты только примерно представляешь себе, какой день за окном.

Я удивилась:

— Так... Вроде седьмое ноября прошло уже. Что ж тут у нас за праздник, что ты в белый китель переоделся? Страна опять новым курсом пошла?

— Пошла, — рассмеялся он. — Ты угадала. Но парад по другому поводу. У тебя день рождения сегодня.

— Да? Мне даже в голову это не приходило. Что ж это получается, что мне досрочно тридцать девять стукнуло? Я не согласна. Хочу быть молодой! — Я поцеловала его и улыбнулась.

— Ну а подарок мне куда девать? Ждать, пока тебе в 2010 году тридцать девять исполнится?

— Может, оставить его до Нового года?

— Тогда тебе не в чем будет на улицу выйти, — сказал он и, взяв с кровати какую-то шубу, накинул мне ее на плечи.

Я провела рукой по шелковистому меху глубокого, почти черного цвета:

— Спасибо... А что это такое?

— Соболь, конечно. И раз день рождения у тебя в моей реальности, то и фасон годится только для 1937 года. Ну все, пойдем ужинать, а то у меня к тебе серьезный разговор есть...

Серьезный разговор, парадная форма, черный соболь и упоминание о том, что страна пошла новым курсом, сулили мне очередную неожиданность. И как это все связано с идеологией? Мы сели за стол, накрытый по праздничному варианту, и стали пить терпкое вино нашей любви — саперави. После заздравного тоста и всевозможных пожеланий Сталин резко сменил тему и спросил:

— Тебя в детстве крестили?

Такого вопроса я ожидала меньше всего:

— Да, в десять лет. Меня епископ крестил... Я забыла, какой именно, но епископ.

— А с мужем своим, эмигрантом ты венчалась? — Он как-то непонятно посмотрел на меня.

Я заерзала на стуле:

— Нет.

— А почему?

И что ему сказать? Что я так рано выскочила замуж, потому что залетела? Свадьбы толком не было. А когда мы собрались ее отметить, случился путч 1991 года, кроме того, начался пост, поэтому венчание, о котором мы было задумались, пришлось отложить на неопределенный срок, ну а потом в этом и вовсе отпала необходимость. Не зная, как лучше ответить, я пожала плечами:

— Ну... Ну... Это было не принято.

— А раньше ты говорила, что это, наоборот, стало пользоваться популярностью. Так что же было на самом деле? Ты действительно с ним не венчалась? И вообще ни с кем не венчалась?

— Нет, конечно!

— Очень хорошо. — Он долил нам вина. — Значит, послезавтра ты обвенчаешься со мной.

— Мама дорогая! — От удивления я плеснула вино на скатерть. — Ты... Ты... Я... Я...

— Понятно, — засмеялся он, — ты опять впала в свое сильное душевное волнение. Ну помолчи немного, успокойся. Ты, кстати, где хотела бы венчаться? Может, у тебя церковь какая-нибудь любимая есть?

Я обрела дар речи и прикрыла тарелкой неэстетичное винное пятно:

— Ну, зная тебя, можно было бы предположить, что, скорее всего, тебе захочется сделать из этого события политически важное мероприятие. Так сказать, на глазах у всей страны меня под венец повести. Но вот беда! Самый большой храм Москвы-то ты взорвал. Там теперь Дворец Советов строят...

— Так! — треснул он ладонью по столу. — Забыли о Дворце Советов! Не будет его. Я тебя отвезу посмотреть, что там сейчас. Клумбы, асфальт и деревья. Что ты еще можешь предложить кроме храма, которого уже нет?

Я задумалась, пытаюсь представить себе, какое место отвечало бы его амбициям больше всего. Но никак не могла вспомнить, что вообще в 1937 году было открыто. Почему-то на ум пришел Иоанн Грозный.

— Может, в Успенском соборе? — спросила я и затаилась.

— Очень хорошо, что у нас с тобой в очередной раз мнение совпало! — сказал Сталин и закурил «Герцеговину». — Значит, послезавтра нас в Кремле патриарх обвенчает.

— Да что ты? — ехидно улыбнулась я. — И откуда же у нас тут патриарх-то в тридцать седьмом году появился, если его с 1925 года нет?

— Его вчера избрали.

— То есть пять дней назад, когда ты мне про имперскую идеологию рассказывал, патриарха у нас не было. А сегодня он есть, и страна новым курсом пошла? — Я понимала, что не очень прилично веду себя по отношению к серьезным церковным вопросам, но не смогла удержаться и засмеялась. — Скажи, это ты его назначил, руководствуясь партийными нуждами?

— Я ценю твой юмор. Но я никак не мог назначить патриарха, потому что по правилам его должен был избрать архиерейский собор. Именно это и произошло.

— А можно я тебе еще несколько вопросов задам?

— Можно. Задавай!

— Расскажи мне, пожалуйста, поподробнее, как именно это произошло.

Было видно, что ему нравится наблюдать за моей реакцией:

— Я вызвал к себе Карпова. Объяснил ему, что он возглавит совет по делам Русской православной церкви при Совнарком. После этого сказал, чтобы он позвонил митрополиту Сергию и от имени правительства пригласил его, а также митрополита Алексия в Кремль. Поскольку так сложилось, что оба они в этот день были в Москве, через два часа мы встретились и побеседовали. Я кроме всего прочего сказал им, чтобы архиерейский собор был созван большевистскими темпами, и в результате через три дня в стране был патриарх.

Я расхохоталась:

— Ты сказал двум митрополитам, чтобы они проявили твои любимые большевистские темпы и избрали патриарха? И ты думаешь, я поверю в эти шутки? Да этого просто быть не могло!

— Не хочешь мне верить на слово — не верь. Но факт налицо. Патриарх есть, и он нас обвенчает.

На нервной почве у меня проснулся аппетит. Я набросала себе полную тарелку закусок и выпила еще вина:

— У меня в голове это не укладывается. Значит, ты решил сделать ставку на православие. Ну, для тебя это в принципе нормально. Кстати, хорошо, что у нас с тобой религия одна. Проблем меньше. А вот что ты с остальными конфессиями собираешься делать?

— Этот вопрос тоже решается. По моим предположениям все они будут мирно сосуществовать, и даже не исключено, что в некоторых вопросах станут поддерживать друг друга. Кроме того, таким образом мы сможем еще больше укрепить и наши международные позиции. Думаю, что это станет заключительным этапом моего плана. Но об этом мы с тобой позже поговорим ...

Я призадумалась. Все это принимало какой-то нешуточный оборот. Одно дело — выйти замуж в параллельном времени и получить печать в паспорт, который вышел из употребления семьдесят лет назад. А другое дело — обвенчаться по всем канонам православной церкви. Тут уже не важно, что мы живем в разных временных пространствах. Речь идет о настоящем браке, как говорится, до гробовой доски. И никакого обратного хода этому дать уже будет нельзя. Мне стало как-то жутковато, и я спросила:

— А для тебя это вообще как? Я понять хочу... Ты к этому как к фикции относишься? Или ты... ты... — Было как-то неудобно спрашивать его, верующий ли он вообще, но меня сжигало любопытство. — Скажи! Ты понимаешь, насколько это серьезно? Это же не ЗАГС! Это церковь!

— Ну, ты мне-то только лекций тут не читай о православии. Я, наверное, не хуже тебя в этом разбираюсь. — Он встал и подошел к окну. — Серьезно, не серьезно... Хочется верить, что для тебя это действительно серьезно. Ну а раз мы оба это воспринимаем так, как надо, то придется все это сделать по правилам.

— Это ты о чем? — Я пересела на диван и посмотрела на него.

Он поправил воротник кителя:

— Это я об исповеди и причастии. Завтра мы с тобой на службу поедem. И все сделаем как положено.

Все это было уже выше моего понимания:

— Ты хочешь сказать, что исповедоваться будешь?! — воскликнула я.

— А, по-твоему, я отпущения грехов не заслуживаю? — Сталин посмотрел на меня с ухмылкой. — И как у тебя совести хватает мне говорить такое? Ладно, я так понимаю, что

ты человек несознательный. И мало что вообще в религии понимаешь. Ну ничего... Завтра тебе объяснят, что к чему.

— И кто мне объяснит?

— Митрополит Алексей.

— А почему именно он?

— Потому что он сам этого захотел. И будет это в шесть утра в Кремле, так как в девять тебе обратно.

Я еще больше распереживалась:

— Нет, он мне грехи не отпустит. Да если я ему все честно о своей жизни расскажу, то он на меня епитимию наложит! В конце концов, он же живет в 1937 году и не представляет, как там у нас в будущем все происходит!

В ответ Сталин усмехнулся:

— Он будет прав, если наложит. Я бы на его месте так и сделал. Очень мне жалко, что я твоей исповеди не услышу. Хотя и так ясно, что ты далеко не праведница.

Я подбежала к нему:

— Как это не праведница? А? Я тебе верная жена! Законная, между прочим, супруга! И вообще, если разобраться, то у тебя тут домострой. А я жертва любви! И кстати... Скажи, вот ты знаешь, о чем завтра говорить будешь?

Он задумался:

— Да... Есть у меня один грех, в котором я бы исповедоваться хотел...

— Только один?! — не сдержалась я и тут же прикусила язык, так как Сталин, потеряв терпение, уничтожающе посмотрел на меня.

— Ты!.. Жертва любви! Не забудь завтра митрополиту Алексею на исповеди рассказать, как ты разговариваешь со своим, как ты говоришь, супругом законным! Чувствую, зря я тут тебе про социалистическое равенство рассказывал. Распустил совсем. Все! Спать пойдем. А то уже выезжать скоро...

Рано утром мы прибыли в Кремль. И я действительно исповедовалась будущему патриарху Алексею во всех своих грехах. Когда он услышал, ради чего я прилетела в 1937 год, и понял, почему за последние месяцы страна постоянно шла каким-то новым курсом, он сказал, что благословляет меня на продолжение трудов во благо отечества и будет молиться за то, чтобы Сталин с Божией помощью сумел заложить основу великого государства, а я беспрепятственно дала ход новой истории России в своей реальности.

Попав в 2010 год, я прилегла на диван и посмотрела на Натаныча, сидевшего за ноутбуком:

— Ты даже не представляешь себе, что со мной произошло за последние десять часов.

— И что же? — спросил он, с любопытством разглядывая меня. — Отец народов объявил православие основой идеологии, сказал, что в СССР все религии будут мирно сосуществовать, и заставил майора нэкэвэдэ, или кем он там был в твоём 1937 году, заниматься вопросами Русской православной церкви? Да?

Я села, от удивления сжав в руках подушку:

— Откуда ты знаешь?

— А я в Интернете прочитал, кто такой Карпов. Ну а потом приплюсовал к этому разговоры про имперскую идеологию. Это лихо! Так он, по-нашему говоря, еще повысил свой рейтинг доверия. Что еще интересного произошло?

Махнув рукой, я ответила:

— Ты понимаешь... Вроде бы выбрали патриарха. Но серьезно Сталин говорить об этом не мог, потому что у него настроение было уж больно хорошее. Он все время острил и сказал, что буквально за два часа собрал в Кремле двух митрополитов и распорядился, чтобы они большевистскими темпами созвали архиерейский собор.

— Да, — ничуть не удивился Натаныч. — Он тебе правду сказал. Только у нас этот разговор в 1943 году состоялся. И митрополита там было три. А у тебя два. Потому что митрополит Николай у тебя в 1937 году еще митрополитом не стал, и его не пригласили. Да, и вот что характерно: Сталин действительно посоветовал им проявить большевистские темпы и решить этот вопрос в три дня. А избранный патриарх Сергей, между прочим, называл его мудрым богопоставленным вождем народов великого Союза. Так что плохо ты своего благоверного знаешь.

— Невероятно! — воскликнула я. — Это в нашей с тобой реальности было?!

Натаныч захлопнул ноутбук:

— Ну, к сожалению, о твоей реальности я в Интернете ничего прочитать не мог. Хотя мне этого бы ой как хотелось. Поэтому пришлось довольствоваться информацией о нашем существующем и, увы, далеком от процветания государстве. Так... Ну а что было потом? По твоему затуманенному грезами взгляду видно, что еще что-то необыкновенное случилось.

Я не могла не улыбнуться:

— Мы завтра венчаемся в Успенском соборе Кремля. Поэтому сегодня ходили на исповедь и причащались.

Натаныч встал со стула и ошарашенно посмотрел на меня:

— Ты хочешь сказать, что он исповедовался?!

— Да, нашему будущему патриарху Алексию. Тому, которого теперь называют Алексием Первым.

— Батюшки милые! — он снова сел и облокотился на спинку. — А я не верил, что тебе удастся уговорить его построить идеальное общество! Что делается! Что у тебя там за страна? Почему я родился в другом мире? Я бы столько всего полезного для государства мог сделать... Ладно... — махнул он рукой и решил оставить эту тему. — Какие у нас планы?

— Ну, я опять из режима выбилась. Поэтому он мне разрешил дома посидеть. Короче говоря, было бы хорошо, если бы ты меня завтра спозаранку на дачу забросил. Мне там в девять надо быть.

Я ушла домой, а утром переместилась в 1937 год.

* * *

Сталин снова встретил меня в парадной форме. Он был настроен торжественно и серьезно. Придирчиво рассмотрев мой скромный макияж и, видимо, решив, что в таком виде меня спокойно можно вести под венец, он сказал:

— Вот твое новое платье. Переоденься, я на тебя посмотрю. Прическу делать не будем, потому что ее все равно фата прикроет.

— А не поздновато мне в фате замуж выходить? — спросила я, беря в руки свой подвенечный наряд.

— Ну, что-то же у тебя должно на голове быть. Я решил, что фата — не самый плохой

вариант.

После того как я с его помощью застегнула на себе длинное, до пола, платье и кучей доисторических заколок закрепила на голове фату, мне захотелось себя рассмотреть, и я убежала к зеркалу. Уж не знаю, почему Сталин выбрал для меня именно такой стиль. Возможно, это было продолжением имперской темы. Но в этом атласе с ниспадающей прозрачным шлейфом фатой я стала остро напоминать себе довоенную герцогиню, вступающую в политически важный брак с каким-нибудь великим князем пограничного государства. При этом его китель с золотыми погонами только усиливал впечатление.

— Не слишком шикарно для 1937 года? — спросила я, разглядывая нас в зеркало.

— Это соответствует курсу, которому страна будет следовать с этого момента. 1937 год должен войти в историю Советского Союза как наиболее значимый и с точки зрения внутренней политики, и со стороны международных отношений.

— Чудеса! — Я поправила пышные рукава и взяла в руки хвост от фаты. — А у нас-то ведь 1937 год тоже в историю вошел, правда, несколько иначе. Наверное, в это время звезды как-то по-особому на небе стояли.

Он притянул меня к себе:

— Нам ехать пора. Это не ЗАГС. Опаздывать неудобно.

Я игриво посмотрела на него сквозь белый муар фаты:

— Ты знаешь, я вчера вычитала, что патриарх Сергей называл тебя мудрым богопоставленным вождем народов великого Союза.

— Ну, я думаю, тебя это только радовать должно! — Он накинул мне на плечи моего шикарного черного соболя. — Значит, теперь ты уже не за маршала Советского Союза замуж выходишь, а за мудрого богопоставленного вождя. Должна собой гордиться. Это тебе не эмигрант-неудачник... Ну все. Хватит разговоров. А то действительно опоздаем...

Когда мы подъезжали к Кремлю, я поняла, что, в отличие от нашей гражданской церемонии бракосочетания, о венчании было объявлено заранее. Люди, видимо, находились в шоке от очередного поворота в политике государства, поэтому, когда они прочитали в газетах, что Сталин, решив продемонстрировать гражданам СССР нерушимость своей православной веры, собирается венчаться, им захотелось хоть издали посмотреть на это диво.

Однако была середина недели и в соответствии с ужесточившимися законами любое, даже пятиминутное опоздание на работу грозило лагерями, поэтому к Успенскому собору с самого утра скромненько потянулись по большей части престарелые москвичи и москвички, которые, родившись во времена правления Александра Третьего, в глубине души с нежностью вспоминали «проклятый царский режим» и ненавидели антихристов-большевиков. Но именно на это, как я поняла, и была сделана ставка. Решив, что данная категория граждан сыграет роль средств массовой информации гораздо лучше «Правды», радиотрансляции и еще не существующего телевидения, Сталин распорядился пустить в Кремль ровно столько человек, сколько это позволяла территория. Таким образом, он повысил свой рейтинг доверия еще и у этой контрреволюционно настроенной прослойки общества, включил сарафанное радио и при всем честном народе повел меня через площадь к Успенскому собору. При входе мы, как водится, дали возможность сделать свою работу фотографам. И под приглушенные голоса не верящих своим глазам людей вошли в храм.

Тут я выяснила, что главными фигурами на нашей свадьбе будут назначенные идеологическими проводниками нового курса Молотов и Карпов, которого я наконец-то

увидела. При этом Молотов после подписания всех сногсшибательных международных договоров уже совершенно спокойно воспринимал очередной виток сталинской политики и вел себя так, будто все происходящее было обычным делом для 1937 года. А Карпов, как видно, еще не переварил свое новое назначение и потому выглядел испуганно, но радостно. Что касается приближенных к Сталину членов Политбюро и их жен, то, разумеется, в соборе присутствовали не все. Так, Каганович, имея вполне уважительную причину, церемонию пропустил, чем сильно меня порадовал...

После этого был праздничный банкет, правда, уже не в Георгиевском зале. После чего, ограниченные временем моего пребывания в 1937 году, мы со Сталиным на пятнадцать минут позднее, чем было нужно, покинули Кремль, вследствие чего я попала к Натанычу прямо из автомобиля в шубе, платье и фате.

Увидев меня, мой друг только что не закукарекал от восторга:

— Дама в соболях ко мне пришла! Там жены-то великих партийцев небось с завистидохнут? Они яду тебе в свадебное вино не подлили?

Он даже не знал, как был близок к истине:

— Ой, Натаныч, это мой больной вопрос, — сказала я, сбрасывая на диван шубу. — Мне кажется, они все меня ненавидят. Это ужасно.

Он хихикнул:

— А за что им тебя любить? Ты у нас птица загадочная. Отцу народов голову вскружила. Заставила его в стране какой-то кордебалет устроить. Раньше им все ясно было, а теперь они встревожены. Из них небось больше половины считали себя великими партработницами и строительницами коммунизма. Теперь же, я так понимаю, они довольствуются даже не третьими ролями в этом театре... А так... Что называется, пол на галерке подметают.

Я совсем расстроилась и грустно дергала фату:

— Да, это надо было видеть, как они на меня смотрели. На той гражданской-то свадьбе в Георгиевском зале до них еще не дошло, что происходит. А сегодня они единогласно меня врагом признали, особенно после того, как я за столом с митрополитом Алексием вела оживленные беседы.

Натаныч прошелся по комнате:

— Ну, ты не переживай. Я тебе совет дам. Когда кто-то из них тебе особенно насолит, ты сразу Сталину скажи. Он с этим быстро разберется. Если он после войны жену Молотова дрова пилить отправил, то думаешь, в 1937-м ему кто-то помешает?

— Но... Это не мои методы... Я не умею, да и не хочу в эти игры играть...

— Да что ты говоришь? Эти твои разговорчики хороши для разведенной эмансипэ двадцать первого века, которая встречалась непонятно с кем. А для первой леди Советского Союза 1937 года, — Натаныч потряс у меня перед носом шубой, — эти рассуждения более чем неуместны. Ты не забывай, кто у тебя там в мужьях, и настраивайся на серьезные закулисные интриги.

Поняв, что настроение у меня окончательно испорчено, я забрала своего соболя и села на пол:

— Ой, ладно... Отправляй меня на дачу. Я хочу туда попасть до его возвращения...

Появившись в 1937 году, я сняла фату, отнесла на вешалку шубу и, услышав звук

подъехавшей машины, прямо в платье выбежала на улицу.

— Что ты делаешь?! — сказал Сталин, быстро отводя меня в дом. — Холодно! Заболеть решила?

— Очень соскучилась, — сказала я, обнимая его в прихожей. — Так непривычно было здесь без тебя находиться... Больше никогда не буду сюда одна приходить.

— И не надо. Кто тебя заставлял? А на самом деле, почему ты такая расстроенная? — Он прошел в гостиную и сел на диван.

— Да так... — Я протянула ему пачку папирос и стала ходить по комнате. — Если признаюсь, то ты наверняка скажешь, что я надумываю... Сплетни собираю...

Он закурил и внимательно посмотрел на меня:

— Имена мне назови.

Я вспомнила разговор с Натаньчем, и мне стало не по себе:

— Нет, нет... Ты... Я боюсь, что ты можешь...

— Я жду, — сказал он и стряхнул пепел.

Тогда я выдохнула и назвала ему фамилии тех дам, которые явно хотели подорвать мое устойчивое положение у вершины пирамиды власти.

— Вот и все, — сказал Сталин, улыбнувшись. — Отныне во время банкетов и прочих мероприятий они будут сидеть дома и заниматься хозяйством. Мне твое сильное душевное волнение ни к чему, а их политические потуги тем более. А теперь... Прежде чем наступит наш очередной медовый брачный вечер, я тебе хочу кое-что показать.

Он встал и вышел из комнаты. Вернувшись, он разложил на столе какие-то чертежи:

— Я тут в перерывах между политикой опять занялся реконструкцией Москвы. И знаешь, мне не давал покоя тот снимок, который ты принесла из 2010 года. Помнишь? Университет.

— Да, конечно, — улыбнулась я, подумав о том, что в тот момент даже представить себе не могла, сколько всего со мной произойдет за какие-то несколько месяцев моей реальности.

— Так вот, — продолжил он. — Хочу сразу оговориться. Меня не волнует то, как, когда и почему эти высотные здания, о которых ты мне рассказывала, появились в твоём мире. Здесь их будет восемь. Проекты уже подписаны. И строительство начнется в ближайшее время. Посмотри, это именно они?

Я наклонилась над столом и стала внимательно изучать листы ватмана. Это, несомненно, были знаменитые сталинские высотки, которых в моей реальности было семь. Мне они всегда очень нравились, и увидеть момент их зарождения было приятно.

— Да, — улыбнулась я. — Это твой знаменитый сталинский ампир.

Он обнял меня.

— Ну а раз так, я хочу, чтобы ты знала, что все эти здания я посвятил тебе. Конечно, на них не будет этого написано, но по легенде... А я так понимаю, что вокруг моей личности в будущем будет много этих народных сказаний... Так вот, по легенде, которую из уст в уста станут передавать архитекторы и журналисты, высотное строительство Москвы будет посвящено последней жене великого диктатора и богопоставленного вождя Иосифа Сталина, — засмеялся он. — И хотя в твоей реальности это не так, я все равно хочу, чтобы ты, проезжая по своей столице, каждый раз об этом вспоминала...

Прошло еще несколько недель. За это время по Политбюро прокатилась волна кадровых перестановок. В результате этого процесса некоторые фигуры бесследно исчезли, появились какие-то новые персонажи, ни малейшего упоминания о которых в 2010 году я найти не смогла. Хотя меня и мучило любопытство, но после незабываемой истории с Хрущевым я уже не решалась спрашивать о том, куда делся тот или иной политический деятель и чем вызваны эти перетасовки. По этой же причине для меня оставалось загадкой, что происходит с Берией, фамилию которого последний раз я видела только в газетах, которые мы изучали с Натанычем.

Страна уверенно шла новым курсом. И поскольку Сталин перестал посвящать меня в свои дела, я поняла, что он всерьез занялся военно-промышленным комплексом. Однажды, после того как мы провели прекрасный выходной, он обязал меня явиться днем в Кремль для короткого разговора...

— Что-то случилось? — спросила я, садясь за стол. — Снова изменения во внутренней политике?

Он посмотрел на меня и, захлопнув какой-то блокнот, сказал:

— Небольшие изменения будут происходить постоянно, иначе государство в болото превратится. Но сейчас речь вообще не о том, что происходит в 1937 году.

У меня сердце екнуло:

— Я тебя прошу... Только не отправляй меня в 1952-й. Я этого не перенесу!..

— Успокойся! — перебил он меня. — Никто тебя никуда не отправляет. Помолчи немного и послушай. По моему мнению, на сегодняшний день я сделал все, чтобы заложить основу для гармоничного развития общества и обеспечить нам стабильную международную обстановку. И теперь только время может показать, прав я или нет. Однако, как ты понимаешь, на этом этапе мне уже недостаточно знать, что произойдет с Советским Союзом в ближайшие пятнадцать лет. Меня волнует дальняя перспектива, в том числе и положение дел в твоей реальности. Я бы, конечно, мог закрыть на это глаза, поскольку параллельный мир существует для меня лишь в твоих рассказах. Но, во-первых, там живешь ты и близкие тебе люди, а во-вторых, это тоже наша страна, судьба которой мне небезразлична. Поэтому... Мне надо еще раз поговорить с твоим другом. Думаю, будет достаточно четверти часа. Передай ему, что я буду ждать его здесь сразу после того, как ты вернешься домой. Сколько ты еще пробудешь здесь?

— Минуту.

— Хорошо. Тогда с тобой мы увидимся через три дня на даче в одиннадцать вечера. И не волнуйся. Я прекрасно понимаю, что ты придешь туда из своего 2010 года не сразу, как это у нас с тобой заведено, а через некоторое время...

Прилетев к Натанычу, я заявила:

— Все, дорогой друг! Допрыгался! Тебя в Кремль вызывают. Ты должен попасть туда в тот момент, из которого я вернулась.

Он схватился за сердце:

— Не могу! Это слишком большой стресс для моего организма!

Не обращая внимания на эти выкрутасы, я пошла в прихожую и притащила его

драгоценный костюм девяностых годов:

— Не дури и одевайся. Будешь Сталину рассказывать о том, с какой целью ты меня дезинформировал насчет коллективизации сельского хозяйства.

Он замахал руками:

— Что ты выдумала! Какая еще коллективизация? Не пойду я туда! И не проси! Ты у нас строительница идеальной страны, ты и шляйся по временным пространствам. А я человек скромный. Простой ученый. Мое дело — сторона. Сидеть и корпеть над программами.

— Ага! — подтолкнула я его и заставила встать со стула. — Вот про эти самые-то программы ты ему и доложишь. А то он считает, что пришла пора навести ревизию в будущем его реальности и посмотреть, стоит ли мне на кнопку нажимать, чтобы Россию к краю земному вести. И ему, как видно, информация нужна о том, чем ты занимаешься.

— Да ты что?! — Натаныч всплеснул своими неприлично исхудавшими руками. — Это ж другой разговор! И зачем ты меня коллективизацией пугала? Раз ему приспичило говорить о моих разработках, то я готов! Давай костюм! Сейчас я ему похвастаюсь своей новой программой!

— Только не рассказывай, что прежняя обеспечивала вероятность 70 процентов. Он тебя вряд ли похвалит за такие поражающие воображение результаты.

— Для науки это нормально! — воскликнул мой гениальный друг, снимая штаны. — И твой драгоценный вождь должен это понимать. Временные программы — тончайшие и нежные механизмы, с которыми надо обращаться предельно бережно! Для них даже 30 процентов — это и то был бы прекрасный показатель. Ну а 99,98 процента, которых я достиг на сегодняшний день, — вообще взрыв мозгов и революция в умах теоретиков! Все, готов. Очень хорошо, что я тебя не послушал и оставил этот галстук завязанным. Теперь раз! Никаких хлопот, и я уже готов! Мне туда на сколько лететь?

— На пятнадцать минут.

Натаныч разочарованно посмотрел на меня:

— Почему так мало? Что я успею рассказать ему за такое время? Это как-то неуважительно по отношению к моей персоне!

— Иди уже, персона! — Я подняла с пола пластину и сунула ему в руки. — И смотри не опозорь меня там какими-нибудь дурацкими рассуждениями о сельхозреформах.

Расстроенный Натаныч повозился с компьютером, ткнул в Enter и исчез. Через пятнадцать минут он появился на ковре с таким лицом, как будто ему дали партийное задание подготовить покушение на Брежнева.

— Что с тобой? — обеспокоенно посмотрела я в его немигающие глаза. — Интересно, что тебе Сталин такое сказал, что ты язык проглотил?

Мой друг сел на диван и торжественно произнес:

— Он сказал, что правительство СССР уполномочило меня проинспектировать развитие страны в нескольких контрольных точках временной оси. То есть! — Тут он наконец-то ожил и вернулся к своей обычной манере. — Я должен смотаться в 1952 год. Именно туда, куда ты уже дважды летала, и забрать там легендарное завещание. Но этого мало! Если все сложится так, как он хочет, то затем я отправлюсь в следующий момент. Но об этом мы с ним поговорим только после того, как он ознакомится с результатами своих трудов.

— Слушай!.. — Я задумалась и, как Натаныч, стала мерить шагами комнату. — Если ты идешь в 1952 год, то по логике вещей ты можешь там встретить меня. То есть если мы со

Сталиным не расстанемся, то все будет хорошо и я буду с ним до последнего момента. Я права?

Он уставился в пол и стал крутить остроносый ботинком:

— Не хочется тебя обижать... Но ты не так умна, как думает Отец народов. Я заметил, что он тебя идеализирует. Конечно, может быть, пообщавшись с ним столько времени, ты, наверное, стала немного разбираться в политике 1937 года... Но в науке не преуспела! Как, скажи, как я там могу встретить тебя, если с одного компа может заходить в прошлое только один человек? И хватит мне голову морочить. У меня важное задание, я пошел. Меня не будет полчаса. Сиди и жди. Можешь печенье поест. Они там в пакете лежат, чтобы их тараканы не затоптали.

Он быстро схватил электроды и самоликвидировался. Я так и не поняла, почему он сказал, что я ничего не смыслю в науке. А если он мне наконец-то сделает мою собственную машину времени и я смогу без его помощи летать в прошлое?.. То тогда мы попадем в 1952 год с разных компьютеров, а значит, он сможет посмотреть, есть я там или нет...

От нечего делать я подошла к окну и стала бездумно разглядывать прохожих. Какой-то человек посмотрел на меня и быстро сел в автомобиль. Влюбленная пара целовалась возле дерева. На лавке сидел старик с газетой. Вдруг я увидела вдалеке Глеба с Машей и поспешно ушла вглубь комнаты. Оставалось пять минут. Надо поставить чайник, а то гений научной мысли сейчас придет и наверняка есть захочет. Но я ошиблась. Потому что когда этот гений появился в комнате, он был настолько горд собой, что у него не появилось даже зачаточного желания подумать о какой-то прозаической чашке чая.

— Знаешь... — Он сел на диван и закинул ногу на ногу. — Я должен рассказать тебе это в красках. Это что-то сногсшибательное! Представляешь... — Натаныч стал сильно заикаться. — Я попал в пустую комнату. Сначала я было испугался, но вдруг открылась дверь, и ко мне подошел какой-то человек. Поздоровавшись, он сказал, что проводит меня к Сталину. Мы пошли...

— Так, мне чего-то непонятно! — перебила я. — Почему это ты попал в пустую комнату? Это, между прочим, наша спальня. И с какой это стати из нее мебель вынесли?

Натаныч посмотрел на меня поверх очков:

— Ты вообще понимаешь, сколько лет там твоему драгоценному вождю? Больше семидесяти! И ты думаешь, что ему дело есть до вашей общей спальни? Да и потом... я не знаю, была ты там или нет... Лучше послушай, что произошло дальше!

— Ну и? — расстроено сказала я, пытаюсь прикинуть возможность существования каких-нибудь альтернативных временных реальностей.

— И вот я пришел в кабинет. Сталин встретил меня в форме...

— Он все время в форме ходит. Это не новость! Ты по существу говори.

— А ты молчи! — огрызнулся Натаныч. — Он пожал мне руку и сказал, что благодаря моим разработкам ему чудом удалось избежать войны и добиться фантастически высоких экономических показателей.

— Так он и сказал? Ты ври, да не завирайся.

Натаныч махнул на меня рукой:

— Ну, я тебе суть передаю. Я же не могу дословно тебе пересказать весь разговор. Так вот. После этого он добавил, что непременно вручил бы мне Сталинскую премию за развитие советской науки, но, поскольку эта премия мне по барабану... То есть, пардон... Поскольку эта премия в моем времени не имеет никакой ценности, ее неделю назад вручили

моему отцу, который тоже сделал очень много для СССР. После этого он отдал мне свое завещание и попрощался. Я улетел сюда.

— А ты ему что сказал перед тем, как ушел? — спросила я, чувствуя, что за всей этой бравадой лежит плохо скрытый патриотизм.

Он шмыгнул носом и развел руками:

— Честно говоря, я был впечатлен. Это первая государственная премия, которую мне хотели дать. До этого никто, даже Косыгин, мне такого не говорил. Поэтому я растерялся и вместо прощания сказал: «Служу Советскому Союзу!»

Мы помолчали, сидя рядом друг с другом на диване. Натаныч, как видно, переваривал отцовскую премию, а я переживала неизвестность, которая меня ждала в параллельном будущем. Через некоторое время несостоявшийся лауреат сказал:

— Пора. Труба зовет. Сталин приказал, чтобы я слетал к нему на пять минут, отдал этот пакет, а потом сразу переместился на сутки позже и пробыл у него полчаса. Поэтому если хочешь, можешь еще подождать.

Он исчез, а я в задумчивости легла на диван. Неужели меня там нет? Значит, что-то произойдет и наша связь прервется. Может, машина времени сломается? Или Сталин меня бросит? А вдруг я нечто такое натворю, чего он мне простить не сможет? Хотя нет... Это ерунда какая-то! В политику я не лезу, а изменить ему я не смогу. Значит, дело в программе. Надо сказать Натанычу, чтобы он обязательно сделал мне копию. Я напрасно позволила ему монополизировать эту машину. Он должен понимать, что со мной будет, если я не смогу летать в прошлое...

С традиционно громким хлопком в комнате нарисовался мой друг:

— Так, жди еще немного, и я приду! — Он постучал клавишами и снова исчез.

Время тянулось, как кисель. Я продолжала думать. Интересно, как Сталину удалось избежать войны? Может, он приказал организовать покушение на Гитлера? Но тогда фашистскую Германию мог возглавить кто-то другой. А может, так и произошло? И теперь там мир поделен на две части? Это совсем не то, о чем я мечтала... К добру это не приведет...

Я закрыла глаза и уснула. Видимо, мысли о войне не перестали доканивать мой мозг, и мне приснился жуткий сон. Я сидела на койке в какой-то зарешеченной камере и четко осознавала, что это гестапо. В дверь вошел человек в черной форме и сказал: «Остаток жизни вы проведете вдали от родины в изгнании. Никто и никогда не позволит вам вернуться в ваш родной 1937 год»...

— Очнись! — Натаныч тряс меня за плечо. — Я вернулся.

Я вскрикнула и схватила его за руку:

— Слушай! Ты должен срочно записать мне копию программ! Если ты еще не доделал итерационную, то ладно... Потом ее мне перекатаешь. Но у меня должна быть машина времени! Ты понимаешь?!

Он быстро встал, подошел к столу, что-то бесшумно написал на листочке и протянул мне. После этого громко сказал:

— Ты, подруга моя, много хочешь! Я тебе программы, а ты любовь крутить? Я! Только я один во всем мире буду владеть этими разработками. И никакая сила не вытащит из моих мозгов секрет временных программ! Разговор окончен!

Смерив его уничтожающим взглядом, я посмотрела на листок. На нем неровным почерком было написано: «Заткнись. Я уверен, что нас постоянно прослушивают. Если они

узнают, что у тебя есть машина времени, тебе конец. Я все тебе запишу, как только доделаю итерационную программу».

— Натаныч! — сказала я, осторожно пряча в карман записку. — Это просто предательство! Я общаюсь с тобой только потому, что без тебя не могу летать в 1937 год. Ладно, рассказывай, что Сталин сказал.

— Итак! — великий подпольщик оседлал стул и намотал на спинку какой-то проводок. — Я отдал Сталину завещание и рассказал о своем визите в пятидесятые. Потом, как ты помнишь, я вернулся сюда и переместился на сутки вперед. Он встретил меня в отличном настроении. Сказал, что удовлетворен результатами проделанной мной работы и хочет, чтобы я перешел ко второй части задания.

— И в чем она заключается? — спросила я, раздумывая над тем, мерещатся ли моему другу шпионы или у него действительно есть основания бояться слежки.

Пока я мучилась этим вопросом, Натаныч продолжил:

— Вторая часть, по его мнению, предполагала контрольный полет в семидесятые, потому что именно этот период, как я понял, вызывал у него какие-то сомнения. Потом он спросил, имел ли я возможность в своей реальности лично общаться с каким-нибудь государственным деятелем. Я ответил, что однажды пересекался с Косыгиным, а потом, когда испытывал программу, летал в 1974 год и общался с ним, так сказать, более предметно в течение часа.

— И что он тебе на это ответил?

Натаныч захихикал и потер руки:

— Вот я тебе скажу, и ты не поверишь! Потому что ты не знаешь, что это был за человек!

— Кто? Косыгин?

— Ну не Сталин же! Про него тебе уж, наверное, больше меня известно! Ясное дело, Косыгин. Так вот. Твой любимый вождь сказал мне, чтобы я отправился в 1974 год и попробовал выяснить, что там делает Косыгин, и если он занимает хоть какой-то важный пост... То я должен с ним поговорить. И теперь главное!.. Ты помнишь, кто в 1939 году стал наркомом текстильной промышленности?

— Косыгин твой драгоценный. Ну и что?

Натаныч с победным видом вскочил со стула и, как водится, стал бегать взад-вперед:

— А вот то! Что либо Сталин где-то об этом прочитал, либо Косыгин стал наркомом на два года раньше. Короче говоря, эта фамилия твоему благоверному была хорошо знакома. Поэтому он сообразил, что вполне может использовать Алексея Николаевича в качестве своего информатора. Он быстренько написал для него записку и отдал мне.

— Ага! И Косыгин, конечно, поверит в этот бред и напишет Сталину рапорт о том, что происходит в стране?

Натаныч расхохотался:

— А почему нет? Ведь мы говорим о совершенно иной реальности. Получается, что вариантов существует море. Например, Сталин вполне может вызвать Косыгина перед смертью и заранее предупредить о моем визите. Ну или еще что-то такое сделать.

— И что в этой записке? — спросила я, понимая, что начинаю путаться во всех этих временных парадоксах и полетах туда-обратно.

Мой друг вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный вдвое конверт и помахал им в воздухе:

— Вот этот исторический документ. Только не думай, что я разрешу тебе его читать! Я не такой дурак, чтобы к Косыгину с распечатанным конвертом идти.

Я ушам не могла поверить.

— Ты же форменная свинья, Натаныч! — От бессильной злости я треснула кулаками по подушкам и выбила облака пыли. — Как мои письма и сталинские завещания вскрывать, так это ты первый, а когда дошло до Косыгина, так ты в кусты? Он тебе отец родной, что ты его так обожаешь? Это тебя расквасило из-за того, что он тебе в реальном 1974-м руку пожал? Да кто он вообще такой, чтобы так к нему относиться?

Натаныч спрятал письмо в карман и сложил руки на груди:

— Можешь поливать его сколько душе угодно. Я считаю, что он был честный человек. Он не любил Хрущева, ненавидел Брежнева. Проводил гениальные экономические реформы... И, между прочим, не только не был репрессирован, как ожидали многие недоброжелатели, а был продвинут по службе еще в эпоху сталинского правления, то есть при непосредственном участии твоего муженька.

— И с каких это пор тот факт, что человек не был при Сталине расстрелян, стал для тебя показателем честности? Раньше ты по-другому считал!

— Не придирайся к словам!

Я махнула рукой и встала с кровати:

— Мне все ясно. Ты офигел от любви к своему Алексею Николаевичу. И сейчас полетишь в 1974 год непонятно на сколько часов.

— Ты права! — кивнул Натаныч. — Я отправляюсь в прошлое, а ты можешь идти отдыхать. Позвоню, как только вернусь. И чтобы ты не беспокоилась, я тебе клянусь, что не телепортируюсь в 1937 год, пока не поговорю с тобой.

На этом мы и распрощались. Мне дико хотелось попасть на дачу к Сталину, но это было невозможно...

* * *

Придя домой, я обнаружила, что уже полпервого ночи. Теперь Натаныч по моему примеру решил сбить себе режим и маханул на десять часов в разгар дня 1974 года. От нечего делать я легла спать, а утром мучительно ждала, когда наконец сталинский посланец вернется со своего партийного задания. В одиннадцать раздался телефонный звонок:

— Я к тебе с пионерским приветом! Приходи, буду о гениальности Отца народов рассказывать.

Через минуту я была у него в квартире.

— Ты действительно там Косыгина нашел? — спросила я, садясь на кухонную табуретку.

— А как же! Было непросто к нему прорваться... Но! Ты же еще не знаешь, что я там за человек!

В первый момент я подумала, что у Натаныча с непривычки крыша поехала от всех этих полетов и он возомнил себя кем-то великим. Но потом вспомнила, что ему пришлось пойти в ту реальность, которая лишь зарождалась в 1937 году, а значит, он рос с родителями, легко и просто получил хорошее образование, а потом наверняка у него была блистательная карьера.

— Так чем ты там занимаешься в 1974 году? Ты сам с собой-то там познакомился? — спросила я, внутренне настраиваясь спокойно воспринимать все временные парадоксы, которые он сейчас начнет на меня выливать.

— Да! Естественно! — Он схватил котелок с овсянкой и стал жадно есть. — Ты не обращай внимания, я не ужинал. Потом болтался там десять часов... Короче говоря, я с голоду умираю. Итак! Да, мы встретились. Я и я. И я тот сказал себе этому, что я полный жлоб! Ну конечно, после того как узнал всю нашу с тобой историю оптимизации родины.

— Почему это жлоб? — удивилась я.

— Потому что я не соглашался отправить тебя к Сталину. То есть! Ты можешь себе представить, что я там — ярый сталинист. Хотя это как-то бессмысленно звучит для той реальности. К примеру, как если бы я сказал, что кто-то ярый поклонник Николая Первого. Что же в этом такого удивительного? Ведь разные у людей пристрастия бывают. Ну а с другой стороны, кем мне еще быть, если у меня отец лауреат Сталинской премии и, кстати, частичный лауреат премии Нобелевской... Он с двумя коллегами ее получил в пятидесятые.

— И ему ее дали? В пятидесятые-то? — спросила я, снова забыв, что мыслить надо в новых координатах.

— Еще бы! Но разговор не об отце. Об этом я тебе как-нибудь потом подробно расскажу. Главное, что там я, как ты и говорила, возглавляю шикарную лабораторию с такими приборами! Я когда это увидел... У меня глаза на лоб полезли! Я стал маркировку проверять, смотреть, какая страна их собирает. А там стоит штамп «Сделано в СССР»! Ты понимаешь, на улице 1974 год, а там персональные компы с жидкокристаллическими экранами и программным обеспечением, которое не уступает современному... И это русские изобрели... В общем, на мое счастье, я оказался там заслуженным человеком с большими связями в правительстве, потому что моя работа связана с обороной... И не спрашивай меня, как я попал в эту лабораторию! Хотя это и происходило в параллельном мире, но все равно государственную тайну я тебе не раскрою... Короче! Через два часа после нашего знакомства я сам привел себя к Косыгину, который там, как я и ожидал, занимает пост... Ты меня вообще слушаешь? — Натаныч испуганно посмотрел на меня.

— Да. — Я потеряла виски. — Просто голова болит. Я, наверное, перенервничала с этим твоим Косыгиным. И с машиной времени тоже. Ладно... продолжай!

— Ну, пришел я к Алексею Николаевичу, попросил самого себя второго оставить нас наедине и прямо сказал ему, откуда и зачем появился. И что ты думаешь! Он таки ждал этой встречи с 1953 года! Он прочитал сталинскую записку, выдал мне вот этот заранее подготовленный конверт и просил передать его лично Сталину. — Натаныч показал мне посылку с гербом СССР и печатями.

— А на словах он тебе рассказал о том, что в стране творится?

— Обязательно! — Натаныч просто кипел от восторга. — Значит, так. Я тебе по порядку, начиная с конца тридцатых расскажу. Итак. В 1937 году страна пошла новым курсом. Все были в шоке, потому что стали подозревать Сталина в отходе от истинных марксистско-ленинских идей. Говорят, что вроде бы даже готовился заговор с целью его убийства. Но в этот момент он назначил на пост наркома нэкэвздэ Кондратьева, который был просто гений внутренней безопасности. И всех зачинщиков быстренько обезвредили и расстреляли. Прокатилась небольшая волна репрессий. После чего страну заставили работать в усиленном режиме. Все показатели начали стремительно расти. Заграница выпала в осадок, так как все заподозрили, что если так пойдет, то скоро СССР станет

монстром... В этот момент Сталин начал новую международную политику. Но в 1937 году это были только цветочки! Он просто прикинулся, что мы не хотим войны, будем всячески поддерживать и укреплять мир и все такое прочее. Нам поверили. Типа, что мы такие лохи. И тут он ввел новую идеологию... Ну ты знаешь, как это было... Тогда Запад озадачился не на шутку. Там не поняли, чем это чревато! Одно дело — иметь на востоке социалистическую и еще довольно слабую державу, другое — встать лицом к лицу с какой-то, мягко говоря, непонятной империей с тоталитарным правителем, который умудрился влюбить в себя весь народ, за исключением, конечно, эзков.

— Так как же мы войны-то избежали? — От любопытства я стала терять терпение.

— Ха! — Натаныч подбросил в воздух котелок. — Ты помнишь те газеты? Я был прав... Нет, не про коллективизацию, конечно... Про то, что твой любимый вождь использовал кадровый резерв ГУЛАГа. Он действительно остановил расстрелы, проанализировал ситуацию и отпустил на свободу всех спецов. Во всех областях. И что получилось? Что ты молчишь и на меня смотришь? Ты понимаешь, что из этого вышло?

Я помотала головой.

— А то, что уже к 1939 году мы имели ядерное оружие. А в 1941-м у нас было такое мощное вооружение, что мы сказали всем четко и ясно: «Ребята, не рыпайтесь. У нас будут репрессии по всему миру, если вы только к нам сунетесь». Они отвяли. Но это полдела. Благодаря какой-то фантастической внешней разведке нашими силами были... Это, конечно, не очень гуманно звучит, но это так... Всех, кто имел отношение к разработке ядерного оружия в Германии, Америке, да и где угодно вообще, просто не стало. Научная элита наших наиболее вероятных противников была вырезана, а то, что они успели сделать, просто испарилось. В этом смысле мы их отбросили назад и получили преимущество.

— А Гитлер?

— Он, конечно, не решился объявлять нам войну и попер, как ему и было положено, на европейские страны. Когда он добрался до Великобритании, американцы открыли второй фронт. Фашизм задавили. Европа лежала в руинах. В том числе Англия. Распределение ролей было несколько иное, поэтому экономически пострадали все, кто хоть как-то был к этому причастен. И тут мы заимели фору еще в несколько лет, потому что нам не пришлось восстанавливаться после войны, а им — напротив. И, следовательно, мы имели возможность развиваться как?

— Как? — разинула я рот.

Натаныч расхохотался и с сильным грузинским акцентом сказал:

— Большевистскими темпами!

— А на Дальнем Востоке что было?

Он приложил руку ко лбу:

— Слушай, я забыл. Ну честно! Помню только, что бомбы на Хиросиму и Нагасаки никто не сбрасывал, потому что у американцев их не было. И, кажется, вся эта катавасия закончилась, так как нас достала политика японцев. СССР четко и ясно объяснил, что с ними будет, если они продолжат дергаться, и без единой капли крови положил конец их режиму. Мы некоторое время подержали там войска, а потом ушли восвояси.

Я выдохнула и налила себе чай:

— А он сказал тебе, как дальше события развивались?

— Да. К середине пятидесятых годов в мире была только одна сверхдержава — СССР. Ну, понятное дело, что началась холодная война, поскольку у всех Союз как кость в горле

застрял. И тогда... Мы решили бороться с ними иными, невоенными методами. Мы перешли к экономической войне, бесконечному промышленному шпионажу и даже... Ты знаешь, неудобно тебе признаваться, но я не знаю, как это правильно называется... Может быть, спецам это просто, но я полный профан. Короче, если своими словами, то мы каким-то образом стали контролировать финансовые рынки. И сама финансовая система в мире к концу шестидесятых сформировалась несколько иначе. Даже принципиально иначе...

— Ну ладно, с этим вроде ясно, а он тебе карту СССР показывал?

Натаныч выудил откуда-то сложенный во много раз лист бумаги:

— Он мне ее подарил. Сказал, что в 1952-м она была немного другая, потому что в шестидесятые к нам добровольно присоединились некоторые страны, на независимость которых стали посягать пограничные государства. — Он быстро убрал чашки и разложил карту на столе.

Я посмотрела на ярко-розовое поле. Это был несколько расширенный Советский Союз, хотя в основном он имел вполне привычные для меня границы. Обратив внимание на не совсем знакомые очертания республик, я подумала о внутренней политике:

— Слушай, Натаныч, а что в самой-то стране делалось?

Убрав карту обратно, он размешал в чашке сахар и сказал:

— Понимаешь, самое любопытное в этом не то, что происходило в мире и внутри страны, а то, кто за этим стоял. Косыгин сказал мне, что в 1937 году Сталин написал некий «Генеральный план развития Советского Союза». Это такой секретный документ, который практически никто никогда не видел. Им пользуется только руководитель государства, и страна живет в соответствии с этим планом уже несколько десятилетий.

— Но этот план наверняка устарел уже к середине шестидесятых!

— А вот и нет! — Натаныч выпил чай и стал хрустеть печеньем. — Начнем с того, что этот генеральный план не прикреплен к конкретным датам, а связан, так сказать, с понятиями. То есть в нем вроде бы написано, чем надо заниматься после того, как что-то произойдет, и что следует делать, когда та или иная задача решена. То есть это странный многовариантный и, видимо, многотомный документ, благодаря которому они очень успешно управляют страной. Никто не знает, каким образом Сталину удалось предугадать, как будет развиваться весь мир, и разработать внешне— и внутривнутриполитическую стратегии, но у Косыгина есть версия на этот счет.

— И какая же?

Натаныч наконец-то перестал есть и развалился в кресле:

— Незадолго до своей смерти в 1953 году Сталин вызвал к себе Косыгина и сказал ему, что существует секретная государственная разработка, благодаря которой страна идет уверенным курсом. Это научное открытие советских ученых, связанное с временными парадоксами. После этого он объяснил ему, что для корректной работы этой системы в 1974 году Косыгин должен будет составить подробный отчет с описанием того, во что за эти годы превратился мир и СССР. И добавил, что отдать этот документ ему придется человеку, которого приведет... Ну и он назвал мне мое имя. То есть того меня, который живет в их 1974-м. Но дело в том, что Косыгин сделал из этого всего неверные выводы!

— Да что ты! — удивилась я. — А мне казалось, что он вообще не может ошибаться!

— Не ехидничай! — Натаныч бросил в меня мятой бумажной салфеткой. — Он после своего разговора со Сталиным свято уверовал в то, что речь идет о постоянно корректирующейся системе. То есть что каким-то образом великий «Генеральный план

развития Советского Союза» ежегодно или ежемесячно меняется в зависимости от обстоятельств. Ну ты понимаешь... Он просто-напросто переоценил мои возможности, но недооценил Сталина. Я же не летал все эти годы к руководителям государства и не давал им советы, как править миром и страной. А Сталин, изучив организацию современного мира, то есть мира начала XXI века, въехал в эту проблему и понял, как можно буквально вслепую управлять еще практически несуществующим государством в условиях, которые еще не сложились. Ты, кстати, спроси у него! Может, он хоть тебе на этот вопрос ответит!

— Не знаю, — вздохнула я. — Может, и ответит... Пойдем в комнату, а то я уже устала тут сидеть.

Когда мы ушли из кухни, я прилегла на диван, а Натаныч встал передо мной, как лектор: — Так вот, вернемся к вопросу о том, что творилось внутри страны. К 1953 году авторитет Сталина был незыблем. Загранка от него рыдала, а советский народ его обожал. Получилось, что он практически искоренил преступность, избавился от инакомыслия, заставил всех жить в мире и согласии, работать и счастливо жить. А почему бы и нет? Войны там не было. Народу было много, строились новые города, работала промышленность, двигалась вперед наука, развивалось мое любимое сельское хозяйство... Так и не знаю, как именно оно развивалось, но да ладно! А экономика была такая, что для нормального работающего человека устроить себе комфортную жизнь не составляло труда. При этом надо помнить, что мы шли с огромным отрывом от Запада не только из-за войны, но и благодаря политике государства. Ну и в семидесятые годы мы уже не были по сравнению с Европой и Америкой средневековыми жителями, как это происходило в нашей с тобой брежневской реальности, а имели такое ультрасовременное изобилие, которое Западу и не снилось. Достаточно сказать, что в 1964 году в СССР работал Интернет, к которому были подключены десятки тысяч пользователей по всей стране. Конечно, на тот момент это были, так сказать, корпоративные, а не частные клиенты, но все равно...

— Слушай, — прервала я его рассуждения. — Интернет — это, конечно, очень хорошо, но ты мне скажи, когда именно и как Сталин умер и кто после него СССР возглавлял.

Натаныч развел руками:

— Косыгин сказал, что 5 марта 1953 года Сталин, будучи абсолютно здоровым, скончался в полном сознании от сердечного приступа. Наверное, у него просто судьба была умереть в тот день. Что же касается нового вождя... То тут получилось следующее. Поскольку существовал этот генеральный план, то стране был нужен уже не гений стратегии, а верный сталинским идеям исполнитель, который бы обладал талантом дипломата, чтобы справляться с международными проблемами. Ну и ты, конечно, понимаешь, что на эту роль годился только один человек...

— Молотов?

— Именно он. А потом, когда он по возрасту уже не мог вести дела, его сменил другой политический деятель. Я утром посмотрел, но у нас в Интернете его нет. Не знаю, откуда он взялся. Возможно, в нашей реальности его расстреляли в юные годы, а может быть, он не смог пробиться к власти. Но я так понял, что этот тип хорошо там соображает. Да! И я же забыл тебе сказать! После смерти Сталина согласно его плану стали немного приоткрывать железный занавес, дабы показать людям, что за бугром сплошной кошмар: вечные кризисы, безработица и восстания. Начал развиваться международный туризм, и шаг за шагом все сильнее укреплялись отношения с разными более-менее терпимо к нам настроенными странами. Началась полоса международной дружбы, благо что Молотов был спец и мог это

все разруливать.

— Интересно, а как у них там дела с партноменклатурой? — спросила я, почему-то представив себе Брежнева на трибуне Мавзолея.

— А... — Натаныч усмехнулся. — Я ждал от тебя этого вопроса. Ведь в той реальности ты, дорогая моя подруга, стала первой, из-за кого глава государства поступился принципами и черпанул из государственной казны.

— Да что ж ты наговариваешь-то на него постоянно?! Неужели не понимаешь, что ерунду мелешь?

— Мелю? — он рассмеялся. — Да ладно тебе... Я же не слепой в самом-то деле и вижу, что между вами происходит. Но... Конечно, все это жалкие гроши, копейки медные в сравнении с тем, что сегодня творится там, — показал он на потолок. — Но дело не в этом, ведь мы говорим о другой реальности. А в ней... Оказалось, что сталинская система работала так, что каким-то образом даже спустя десятилетия было исключено любое, даже минимальное использование служебного положения в корыстных целях. Взяточничество и взяточничество каралось огромными сроками. Ну а та партноменклатура, которая была в нашем с тобой прошлом... В таком виде там ее вообще не существовало. Я так думаю, потому что госаппарат был небольшой, вкалывали в нем убежденные патриоты, да и вообще сама система государственного устройства там была иная. Нет... Ну конечно, Косыгин там жил лучше, чем среднестатистический работник ЖЭКа. Но, извини меня, это вполне нормально, учитывая, так сказать, заслуги перед отечеством. Так что получилось, что твой драгоценный вождь в 1937 году решил, что лишь ему будет дозволено дарить своей даме украшения из Алмазного фонда. А всем остальным он дал такой окорот, что испугал их на долгие годы... Кстати сказать, в нашей-то с тобой реальности он этого не сделал. А распустил своих прихлебателей так, что они в блокадном Ленинграде пирожные жрали, пока остальные на улицах падали. Не знаю уж чем это объяснить, но, как видно, ты там на него очень отрезвляюще действовала, ну или начитался он чего-то умопомрачительного...

Я слушала все эти рассказы, пыталась представить себе удивительную, созданную Сталиным страну, и вдруг почувствовала, как в мою в душу начала проникать щемящая тоска. Это было трудно объяснить, но в последние месяцы для меня существовали лишь два мира: реальность 2010 года и реальность 1937-го. Они никак не пересекались между собой, и это было как-то понятно и привычно. Но сейчас, после того как Натаныч рассказал мне обо всем, что узнал от Косыгина, мир стал глобален. Кроме того, что в нем вновь остро появилось прошлое нашего государства с Хрущевым, Брежневым и прочими людьми, там стал заявлять о себе и альтернативный расклад, основа которого была заложена в 1937 году. Да, это, по словам Косыгина, был успешный мир, но мы в нем никогда не жили. И, кроме того, я ощутила, что никакая машина времени не отменит такие понятия, как старость и смерть, а значит, моя реальность там, по ту сторону ограничена 1953 годом. И от этого становилось страшно.

— Скажи, а про меня там хоть что-то известно?

Он замялся:

— Ну... Тебя там нет. Не существует в принципе. Видишь ли, я знаю твою семью, а значит, нетрудно сделать выводы. Войны не было, а следовательно, твой дед по маминей линии не был военным разведчиком и не поехал в конце сороковых на Дальний Восток. Ну и значит, мама твоя не родилась, как не родилась и ты...

— Натаныч, Натаныч... — покачала я головой. — Меня не интересует, родилась я там

или нет. Я спрашиваю, известно ли там хоть что-то о третьей жене Сталина!

Он ударил себя рукой по лбу:

— Я идиот! Ну конечно! Говорю какую-то ерунду. Да! Я спросил Косыгина о том, как вообще в 1974 году относятся к Отцу народов. Ну, культ личности и все такое прочее... Он сказал, что Сталин для них великий деятель государства, чьи заслуги перед отечеством никогда не подвергаются сомнению ни официально, ни, так сказать, среди обычных людей. Ну то есть со временем он приобрел в массах образ, который можно было бы сравнить с Петром Первым. Вроде бы и перегибы были, но уж столько всего хорошего сделал, что и ругать как-то язык не поворачивается. И конечно, за эти десятилетия вокруг него стали складывать всевозможные легенды. Так, например, народ считает, что на новый курс 1937 года его толкнула любовь к последней жене, которой он, кстати сказать, посвятил высотное строительство. Ну ты об этом еще не знаешь, ведь высотки, скорее всего, позже появились... Кстати, Сталина там похоронили у кремлевской стены, а не в Мавзолее, что вполне объяснимо, так как основная государственная религия — православие, а значит, надо было тело земле предать...

— А ты не спросил его, сколько Сталин прожил с этой своей любимой последней женой? — спросила я, все еще надеясь услышать от него хоть что-то обнадеживающее.

— И ты думаешь, мне там заняться больше нечем было, как только былины записывать о жизни великого вождя! — прошипел Натаныч. — Нет. Не спросил.

— Слушай, — расстроено сказала я и схватилась за голову. — Я домой хочу.

— Ну иди. Тебя кто-то держит что ли?

— Ты не понимаешь, — я показала ему на компьютер. — Отправь меня в 1937 год. Я хочу к нему. Мне невыносимо слушать, что где-то он стал легендой, как Петр Первый, что его похоронили у стены...

— Ты с ума сошла! — мой друг схватил конверт Косыгина. — Сейчас моя очередь туда лететь. На десять минут, как он мне сказал. А потом посмотрим...

— Ладно. — Я забралась с ногами на диван и обняла подушку. — Я тебя подожду.

Он схватил штекеры, поцокал кнопками и исчез.

* * *

Через десять минут Натаныч появился и, буркнув, что вернется через два часа, снова испарился. Мне пришлось ждать, мучаясь от желания покинуть уже доставший меня 2010 год. Я лежала на диване, побродила по комнате, прибралась на кухне, подошла к окну и стала разглядывать людей. Где-то в ином мире их, может быть, не существует. А возможно, они родились, но занимаются какими-то другими делами. Я посмотрела на черную машину, которая вчера стояла во дворе на этом же месте. Интересно, кто из наших соседей ее купил? Раньше я как-то и не замечала, чтобы кто-нибудь ездил на этой модели... Хотя на что я вообще обращала внимание за последние месяцы?.. Сзади раздался хлопок. Я повернулась и увидела, как Натаныч с каким-то мрачным и озадаченным лицом плюхнулся на диван.

— Что это с тобой? — спросила я, садясь на пуф.

— Ничего, — ответил он, но потом, помолчав некоторое время, почувствовал, что не может мне не пожаловаться. — Ну!!! Я тебе скажу, это что-то! — Он в негодовании потряс руками и закатил глаза. — Твой драгоценный вождь мне там такого наговорил! Такого!

— Он Косыгиным, что ли, недоволен был? — удивилась я. — Или его результаты развития СССР не устроили?

Натаныч задрыгал ногой и посмотрел куда-то вдаль:

— Нет. Это все его вполне-таки удовлетворило. Но он сказал мне... Что я... Короче, он, конечно, еще тот... даже не жлоб. Это я ошибался. Он хуже. Когда я туда пришел на два часа, он поговорил со мной о Косыгине, а потом спросил, сделал ли я... И когда узнал, что до сих пор нет... То... Ну он заявил, что очень сожалеет... Сожалеет о том, что не может меня поставить к стенке, потому что находится в некоторой зависимости от моей персоны. И после этого... Я, знаешь, много вообще-то в жизни повидал... Но как-то раньше не сталкивался с людьми, которые способны взглядом в пол впечатывать. Я на тебя смотрю вот сейчас и прямо-таки удивляюсь, как ты с таким... с таким... чудовищем рядом можешь находиться и тем более о какой-то там любви говорить! Да он меня просто с землей сравнивал, когда я, как идиот, раскололся и сказал ему, что... Короче, он был даже не в ярости... Получилось, что после нашего с ним того давнего разговора он был уверен... Ну да, я обещал ему... А он... Он же такой великий человек, распоряжения которого не только не обсуждаются, а выполняются прямо сиюминутно... А тут он узнал, что кто-то... Вообще буквально отброс какой-то посмел его послушаться!..

Мне надоел этот бессвязный бред, и я сказала:

— Ты, Натаныч, зря в науку рванул после школы. Тебе надо было к Пырьеву идти. Он бы тебя сразу в главных ролях стал снимать. Вот что ты тут сидишь и распинаешься? Ты думаешь, я хоть что-то поняла из всего этого потока твоего словесного? А? Из-за чего он тебе выговор сделал? Что он такое узнал? О чем ты говоришь?

— Ни о чем!!! — рывкнул мой безумный друг и встал с дивана. — Иди домой. Я должен выполнить его задание и проинспектировать 2010 год параллельной реальности.

Я не могла верить в то, что слышу:

— Но ты говорил, что нельзя летать в альтернативное настоящее!

Видимо, у него сдали нервы:

— В настоящее нельзя! А во вчерашний день можно! Вот туда я и отправлюсь по заданию твоего горячо любимого вождя! И не звони мне! Я сам объявлюсь, когда будет надо, а то ты надоела мне уже со своими овечьими глазами, полными слез от желания отправиться в 1937 год!

Поняв, что Натаныч с непривычки чуток перенапрягся, я встала и, помахав ему рукой, пошла к себе. Обижаться не имело смысла. Если Сталин действительно на него за что-то там такое разозлился, то Натанычу можно было только посочувствовать, потому что я, к примеру, не могла спокойно выдерживать даже легкого недовольства своего высокопоставленного супруга. Кроме того, нельзя было сбрасывать со счетов и того, что мой друг просто-напросто не привык летать в прошлое и устал от всех этих безумных перемещений. «Слабак!» — подумала я и, чтобы хоть как-то убить время, отправилась в магазин за новым платьем...

В четыре часа ночи меня разбудил телефонный звонок:

— Если тебе интересно, что стало с миром к 2010 году, можешь прийти. Но предупреждаю. У меня есть час. Потом я лягу спать, а утром полечу в 1937-й. Потому что сейчас лететь туда у меня нет никаких моральных сил. И желания тоже нет...

— Ну и?... — спросила я, проходя в комнату и садясь на диван.

Натаныч сидел за компьютером и крутил в руках штекер. Было видно, что он на грани

срыва:

— Буду рассказывать коротко, четко и ясно. Слушай. В параллельном нам 2010 году я работаю директором огромного института, который занимается сверхсекретными разработками. Поэтому мне не стоило никакого труда буквально за руку отвести меня самого к главе государства. Этот человек, которого вообще не существует в нашем времени, так как он здесь не родился, обладает всеми талантами, которые требуются для того, чтобы управлять наимоощнейшей сверхдержавой. А именно так можно охарактеризовать страну, в которой я там живу. Как и прежде, наше государство носит название СССР. Я не могу сказать точно, какой там строй, но официально он именуется социализмом, коим, конечно же, не является. Итак, сначала о том, что происходит в мире. Мы контролируем все, что происходит на земном шаре. Ни одно народное волнение не вспыхивает без нашего наблюдения. Союз всем диктует свои условия, но при этом, так сказать, позволяет другим странам жить самостоятельно и собственными силами расхлебывать свои ошибки. Мы держим всех в узде уже не за счет одного только ядерного оружия, по объемам которого мы, несомненно, имеем преимущество. Это было бы слишком банально. На самом деле мы просто управляем этим миром. Именно так, как сейчас в нашем с тобой 2010 году им управляют некие структуры, о существовании которых мы только догадываемся и строим гипотезы. Там нет никакого международного терроризма, потому что нет силы, которая его финансирует в нашей реальности. Но зато есть наркотики, от которых многие страдают, в том числе Штаты, Китай, Европейское сообщество... То есть, пардон, небольшая поправка. Там нет Европейского сообщества, потому что экономика европейских государств не настолько развита, чтобы они могли объединяться. Так вот. Вопрос о наркотиках стоит достаточно остро. И мы могли бы его решить, поскольку на нашей территории никакого наркооборота, разумеется, нет и быть не может. Но мы предоставляем миру самостоятельно разруливать эту проблему. Как говорится, они этого горячо желали, пусть сами и разбираются.

Основная резервная валюта там рубль. Финансовым кризисам, от которых периодически лихорадит большинство стран, мы не подвержены. Внешне мы очень мирная и дружелюбная держава. Мы всячески демонстрируем свою политику недопущения вооруженных конфликтов, не позволяем одним государствам лезть в дела других. Купируем приступы политической напряженности на разных континентах, если, конечно, нам это интересно. Поставляем оружие туда, куда нам выгодно. И помогаем разным странам справляться с природными катаклизмами, которые на них обрушиваются и периодически сводят до минимума их экономические достижения, а соответственно, и уровень жизни.

— Они что, только на них обрушиваются? — удивилась я. — Как это вообще может быть, если здесь за последние годы ничего такого не происходило?

— Не знаю, — развел руками Натаныч. — Всякое бывает. Это параллельный мир. В нем и засухи случаются, и цунами, и извержения вулканов, а также прочая крупная и мелкая дребедень, которая обходит стороной СССР.

— И по какой же такой причине Союз остается в стороне и получает эту знаменитую с времен несуществующей войны фору для развития экономики? — спросила я, чувствуя в этом до боли знакомый почерк.

— Ты мыслишь категориями 1937 года! — Натаныч махнул на меня рукой и, заикаясь, продолжил: — У нас там вера сильна. Православная, мусульманская... Там люди разных религий живут, преисполненные духовности. И, конечно, немудрено, что такую страну

катастрофы стороной обходят. Но... Поговорим о внутреннем устройстве. Как это у нас тут принято говорить?.. Социально активные уверенные в себе граждане с достатком выше среднего? Именно так, если я не ошибаюсь, нам рассказывают СМИ о прослойке общества ради которой, типа того, земной шар крутится?

Я кивнула:

— Да. Только ты про возраст забыл сказать. Социально активные уверенные в себе люди с достатком выше среднего в возрасте от 25 до 45 лет.

— Вот именно, — Натаныч постучал шпекером по столу. — Так вот, в СССР большинство людей от мала до велика уверены в себе, имеют активную жизненную позицию и такой достаток, который — сейчас ты должна ликовать! — который, как ты и мечтала, позволяет им жить более чем достойно. У них есть все, о чем только можно мечтать: мирное настоящее и гарантированно мирное будущее, непоколебимая система ценностей, сильная мотивация для развития личности и всего общества, свобода слова, великолепная бесплатная медицина, прекрасное бесплатное образование, в сегменте потребительского рынка у них изобилие без перенасыщения товарами, у них развиваются науки и искусства... Но... Кажется, что-то я начинаю скатываться до мелочей. Проще сказать, чего у них в Союзе нет. Итак, у них нет демографических проблем, межнациональной, а также религиозной розни, безработицы и... У них практически нет преступности и коррупции, которые по сравнению с другими странами столь низки в процентном выражении, что в это трудно поверить. Хотя... Если почитать их законодательство, то эти показатели вряд ли вызовут удивление... И конечно, у них давным-давно нет авторитарной системы госуправления, хоть, впрочем... На самом-то деле, конечно, она есть. И именно благодаря этому у них отлично налажен диалог народа с властью. И самое главное... — он зло посмотрел на меня и сделал паузу. — Это не страна-утопия! Это реальное государство, в котором живут реальные люди и реально наслаждаются жизнью! И основу всему этому заложил твой драгоценный Сталин в незапамятном 1937 году!!!

— А почему же тебя так это бесит? — спросила я, не понимая, почему Натаныч просто вне себя от каких-то раздирающих его страстей.

Он отшвырнул в сторону электрод:

— Потому что... Потому что... — Он стал сильно заикаться. — Потому что мы с тобой живем здесь! И никак, ни при каких обстоятельствах не сможем жить в этом Союзе Советских Социалистических Республик!

— А твоя итерационная программа?! — воскликнула я.

— Если мы ее запустим и если она сработает, то в новой России мое поколение уже жить не будет! Я не врал тебе, когда говорил, что серьезные, глобальные изменения только начнут происходить спустя лет шесть или десять после нажатия кнопки. А в результате в этой прекрасной сверхдержаве немного поживешь ты, значительно больше — твой сын, ну а внуку повезет, и он вступит в заметно начинающий обновляться мир, скорее всего, к совершеннолетию. Что же касается остальных стран земного шара... То от них фортуна не то чтобы отвернется... Она будет к ним менее благосклонна.

— А не слишком ли это будет жестоко — вот так, одним нажатием кнопки, возвышать нас и отбрасывать назад их?

— Ну, дорогая моя! — он всплеснул руками. — Таковы уж законы мироздания. И, по моему мнению, в этом нет ничего несправедливого, так как в реальном, а не утопичном мире всегда одним будет хорошо, а другим плохо.

— Интересно, а там еще помнят о «Генеральном плане развития СССР»?

— Да. И, как это ни странно, глава государства им часто пользуется, поскольку этот документ содержит гениальные политические схемы, которые продолжают быть актуальными и в 2010 году этой удивительной реальности. Сталин там по-прежнему национальный герой. Памятники ему стоят во многих городах. А легенды о нем передаются из уст в уста.

Я задумалась и, немного помолчав, спросила:

— Ты можешь мне объяснить одну вещь?

— Ну?

— Если мы сейчас запустим эту программу, то параллельные реальности перестанут быть параллельными и начнут сближаться. И с каждым годом они будут становиться все более похожими. Но почему ты уверен, что тот прекрасный мир альтернативного 2010 года просуществует долго? Вдруг на СССР обрушится астероид или, как говорит моя будущая невестка, к нам прилетят марсиане и всех поработят? Если в 2010 году в Союзе мир идеален, то с какой стати он таким будет в году, скажем 2150-м?

— Потому что я это знаю, — сказал Натаныч и снял пиджак. — У меня есть доказательства. Вот посмотри... — он показал мне два конверта, которые лежали на бюро. Один был с гербом, а второй — с каким-то странным штампом.

— И что это такое?

— В одном пакете находится официальный рапорт председателя президиума Верховного Совета СССР, адресованный лично Сталину. В нем содержится полная и исчерпывающая информация о том, что и как происходит на нашей планете в 2010 году. А во втором лежат результаты исследований временного промежутка от 2010 до 2300 года, в которых сказано, что СССР как был, так и будет мировым лидером во всем — от благосостояния народа до космических исследований. Этот документ подписан все тем же председателем президиума, который чисто формально и по давней традиции является еще и генеральным секретарем ЦК КПСС.

— Там правит компартия?

Мой друг грустно ухмыльнулся:

— Там правит здравый смысл. А то, как именно это называется, всех перестало волновать еще в 1937 году, когда страна пошла новым курсом.

— А кто сделал это исследование?

— Институт, которым руковожу я. — Натаныч посмотрел на меня и закусил губы. — За эту разработку в мае 2010 года я получил... Сталинскую премию за вклад в развитие советской науки и социалистического общества.

— Так ты там тоже изобрел машину времени?! — спросила я восхищенно.

— Увы, — развел он руками, — я разработал и внедрил там очень много государственно важных вещей. Так, кроме всего прочего я создал аппарат для просмотра будущего без возможности влияния на предстоящие события. Именно благодаря ему и был составлен этот отчет о развитии СССР с 2010 по 2300 год. А машина времени... Наверное, для того, чтобы ее придумать, нужно было иметь мотивацию.

— И ты хочешь сказать, что в этом идеальном мире у тебя не было мотивации для создания машины времени? А куда же она делась, эта твоя мотивация?

Он рассмеялся и стал протирать очки:

— Как ни странно, но это ты меня лишила этой мотивации.

— Я? Да как это могло быть? Меня там не было, ты же сказал, что я там даже не родилась! Как? Когда это произошло?!

— В 1937 году. Когда ты попросила Сталина позаботиться о моих родителях.

— Но почему? — спросила я, все еще не понимая, о чем он говорит.

— А потому, — Натаныч снова задумчиво улыбнулся. — Потому что я придумал машину времени только для того, чтобы увидеть живой свою мать. А в параллельной реальности она прожила до 2004 года. И я, тот, который живет в том альтернативном времени, даже примерно не может вообразить, как работает эта временная программа.

— И ты себе не рассказал?!

— Нет. Ты же знаешь, я не выдаю государственных секретов. А нашу с тобой деятельность я расцениваю именно так. Поэтому утром я пойду к Сталину и доложу ему о том, что выполнил все его задания, в том числе то, за которое он хотел меня расстрелять. А ты иди спи, потому что завтра сначала ты полетишь к нему, а потом, когда вернешься, нажмешь кнопку и запустишь итерационную программу. Да... И заberi свой комп. С его помощью все рано нельзя прочесть ни об одном политическом деятеле, который мне интересен.

Я встала и, прижав к себе ноутбук, пошла к двери. На пороге я остановилась и решила задать Натанычу еще один вопрос:

— А почему кнопку буду нажимать я? Ведь это твоя программа, ты ее придумал.

— Потому что итерационную переделку мира может запустить только тот, кто создал альтернативную реальность. А это сделала именно ты в тот самый день, когда отправилась в 1937 год и получила по морде на Лубянке.

Мы попрощались, и я пошла домой. За окном уже было раннее утро...

* * *

Немного подремав, я проснулась с каким-то тягостным ощущением надвигающейся беды. На часах было десять утра. Мне не хотелось выходить из дома, чтобы не пропустить звонок Натаныча, и я пошла пить кофе. К своему удивлению я обнаружила на кухне Машу, которая варила суп.

— Привет, Маш. Что это ты делаешь? — Я села на табуретку.

Она улыбнулась:

— Обед готовлю. Как обычно.

Мне показалось, что параллельная реальность каким-то чудом пришла в наш дом. И давно это она тут обеды варит? У меня гениальный сын. Он умудрился влюбиться в хозяйственную девушку! Осталось только понять, что тут у них происходит. Сказав, что хочу съесть бутерброд, я открыла холодильник. Он был полон каких-то кастрюлек, лоточков и мисочек. Может, это изобилие альтернативного мира? Я сварила кофе и достала сыр.

— Маш, а Глеб где?

— В газету поехал. Он всю ночь аналитический обзор писал про что-то там такое политическое.

— А... — Меня так и подмывало спросить, давно ли она тут поселилась, но было как-то неудобно признаваться, что я ничего не замечала.

Наконец мне пришло в голову, какой вопрос может вывести ее на чистую воду:

— Слушай... Я тебя спросить хотела. А мама твоя была не против, чтобы ты к нам так сказать досрочно переехала?

— Нет, — она насыпала зелень в кастрюлю. — Она же понимает, что беременной покой нужен. А у нас там папа совсем распоясался. Да еще брат постоянно дурит... Мне даже кажется, что он траву втихаря покуривает. Так что я ушла и вот уже две недели тут как в раю сижу. Глеб работает, я гуляю по парку... Дышу свежим воздухом...

Прояснив ситуацию, я успокоилась. Как хорошо, что я так рано родила! Как бы я сейчас к Сталину летала, если бы мой ребенок в школу ходил? Накрылось бы тогда мое строительство идеального мира, а вместе с ним и личная жизнь...

Наконец раздался долгожданный телефонный звонок:

— Ты там не умерла вдаль от своего вождя? — спросил Натаныч довольно бодрым голосом.

— При смерти уже.

— Ну тогда иди сюда. Он сказал, чтобы ты не в одиннадцать, а в десять вечера переместилась.

Быстро превратив себя в красавицу и надев новое платье, я примчалась на девятый этаж.

— Ты как себя чувствуешь? — У меня снова возникло ощущение какой-то тоски. — Ничего не случилось? Что тебе Сталин сказал?

Натаныч хмыкнул:

— Похвалил. Через силу, по-моему. Так сказать, не мог не признать моих заслуг и заставил себя побороть личную неприязнь.

— Ну чего ты сочиняешь? — Я села на ковер и подобрала штекеры. — С какой стати у него неприязнь какая-то появилась, если раньше ее не было?

Он застучал клавиатурой и буркнул:

— Нет у меня желания говорить об этом. Собралась лететь — вот и лети. А когда вернешься, мы с тобой поболтаем кое о чем.

Он брякнул по клавише и отправил меня в иную реальность.

В 1937 году я вскочила с пола и бросилась к Сталину:

— Как я соскучилась! Ты знаешь, сколько я тебя не видела? Целую вечность! Мне казалось, что еще чуть-чуть — и я уже дышать не смогу от того, что тебя рядом нет.

— Ну, зато теперь ты дышать спокойно будешь. — Он повел меня в гостиную. — Основную работу я сделал. Поэтому свободного времени у меня немного больше будет. Сможем чаще видеться. Ну и параллельно заниматься всякими делами. Кинематографом, например. А то с этой политикой так дальше творчества Александра и не продвинемся.

Мы сели на диван. Сталин достал «Герцеговину» и закурил. Я, закрыв глаза, прижалась к нему.

— Я ведь все знаю. Ты тут без меня рапорты из будущего читал. Тебе все доложили... О том, что ты создал грандиозное государство. Про сверхдержаву... И про «Генеральный план развития СССР»... Скажи! — Я посмотрела на него и утонула в его взгляде. — Как тебе это удалось? Ведь всего, что ты прочитал, на самом-то деле недостаточно даже для написания диссертации 1937 года.

Он пододвинул пепельницу и стряхнул папиросу:

— Не преувеличивай. Для диссертации всего одной книги из твоего мира хватило бы. А если говорить об этом плане... Самое главное было понять, что сильной страной управлять

гораздо проще, чем слабой. И когда я придумал, как превратить Советский Союз в сверхмощное государство, то понял, что теперь не имеет значения, для какого года и для какой реальности я буду писать этот документ. Смысл заключался в том, что СССР должен постоянно руководить миром. Ну а для этого нам требуется совсем немного.

— Что? — Я обняла его.

— Патриотизм, нерушимый патриотизм! — Он посмотрел на меня и усмехнулся. — Только он у каждого должен быть, понимаешь, у каждого гражданина Советского Союза. Он должен стоять на первом месте в системе ценностей. Патриотизм — это как любовь. Можно бесконечно испытывать терпение народа и заставлять его любить страну, которая не дает ему ничего, кроме разочарования. А потом долго сетовать на то, что, оказывается, никто ни во что не верит. Но понимаешь... Гораздо-то проще быть патриотом в мощной сверхдержаве, где созданы все условия для счастливой, насыщенной и по-настоящему комфортной жизни. И поэтому... Ближайшие пятнадцать лет мне придется неустанно работать. Ну а потом этим должны будут заниматься все последующие руководители государства.

— Я тобой восхищаюсь! — сказала я и поняла, что во мне зашкалило чувство восторженной любви. — Мне жаль, что в моей реальности ты окружил себя такой секретностью, что сегодня мало кто знает, сколько ты сделал для страны.

— У тебя в голове помутилось, — рассмеялся он и обнял меня. — Твоей реальности для меня не существует. И мне все равно, как и что там произошло, сколько ошибок я там сделал и почему. Есть только этот мир... — Он иронично посмотрел на меня. — И в нем ко мне пришла ты и сказала, что хочешь жить в величайшем и непобедимом государстве. Разве я мог тебе отказать? Вот оно, это государство, — показал он за окно. — Я сделал то, о чем ты просила. И теперь тебе ничего не остается, как только быть постоянно рядом со мной и вдохновлять меня на его дальнейшее строительство.

— Ты, как всегда, шутишь... А я так люблю тебя, так люблю, — говорила я, целуя его. — Но ты даже не представляешь себе, как мне страшно. Я так хотела бы никогда не расставаться с тобой, но... Мне неизвестно, буду ли я здесь следующие пятнадцать лет.

Он удивленно посмотрел на меня:

— Ты разве не знаешь? Твой изобретательный друг ничего тебе не сказал?

— О чем?

— Когда он приходил ко мне в 1952 год, там его встретила ты. По его словам, мы были с тобой вместе. И мне непонятно, с какой целью он это от тебя скрыл.

Я облегченно вздохнула:

— Ну слава богу! Теперь надо, чтобы он мне все программы сделал... Ну, машину времени... И тогда я могу быть спокойна...

— Что ты сказала?! — Сталин посмотрел на меня так, что мне показалось, удар его хватит прямо сейчас, не дожидаясь 1953 года. — Ты говорила с ним, перед тем как прийти сюда?!

— Почти нет. Он устал. Сказал, что обсудим что-то после моего возвращения. А почему ты его ругал? Он болтал нечто совсем бессвязное. Я ничего не поняла.

— Ругал? — Он встал и снова закулив, подошел к окну. — Я не ругал его! Я расстрелять его хотел за невыполнение приказа! Когда он первый раз пришел в Кремль... Ты помнишь, я вызвал его, чтобы понять, как работает машина времени. Так вот, когда он пришел ко мне и рассказал о существовании неких программ, я ему объяснил, что их надо размножить и надежно спрятать. Потом в процессе разговора выяснилось, что за ним следят, так как он

якобы занимался какими-то секретными разработками. Тогда я попытался втолковать ему прописную истину о том, что не могу обеспечивать безопасность системы, сидя здесь, в 1937 году. Мне казалось, что я с нормальным образованным человеком разговариваю, который понимает, что такими вещами не шутят. Он дрожал тут как осиновый лист и уверял меня, что все сделает, но попросил разрешения пока не ставить тебя в известность, где будут храниться эти дубли, чтобы ты была в безопасности. Я согласился, но подчеркнул, что тогда должна быть хорошо отлаженная система... Ну... Если он умрет, то ты сразу узнаешь, как следует поступить. При этом я рассказал ему, как бы я сделал это здесь, в 1937 году. Он все внимательно выслушал и поклялся все исполнить в точности.

— Это вы с ним тогда в Кремле об этом говорили? Так давно? — я не могла поверить в то, что слышу.

— Да, — Сталин расстегнул верхнюю пуговицу на мундире и поправил воротник. — А потом, спустя некоторое время, ты сказала мне, что тебя ограбили. Мы с тобой это обсудили, и я сделал вывод, что он, как мы и договаривались, куда-то запрятал эти резервные копии, а тебе специально говорит, что их нет. Поэтому я был спокоен. И вот он появляется здесь и докладывает, что вроде бы что-то сделал, но не сразу, а сравнительно недавно, непонятно как и где. Кроме того, оказалось, что он даже не думал, каким образом будет извещать тебя, если что-то случится. Ничего более-менее связного о том, почему он так поступил, твой друг сказать не смог. Тогда я посмотрел на часы и спросил его, где он предпочитает провести оставшиеся тридцать минут своего визита — на Лубянке с пулей в затылке или в моем кабинете... Разговор достиг логического завершения. Убить я его не мог, хотя очень хотел, а контролировать его действия мне как раньше, так и в тот момент было не под силу. Я сказал все, что о нем думаю, и приказал выполнить задание. Да... И я обязал его принести мне резервные копии, когда он придет ко мне в следующий раз.

— Но он же был после этого у тебя! И что произошло? Он дал тебе диски?

— Нет. Он снова воспользовался своей неприкосновенностью. Было видно, что он чуть с ног не падает от страха. Но при этом он ничего мне не отдал, однако клялся и божился, что все сделал, как ему было приказано. И обещал все тебе рассказать тебе перед тем, как ты придешь сюда. После этого я уже ничего не стал ему говорить, потому что, как я понял, он явно пользуется своим исключительным положением. Я только спросил, где именно находятся запасные программы. Он сказал, что у тебя дома.

— У меня дома? — удивленно воскликнула я. — Да он сто лет ко мне не заходил.

Было видно, что Сталин с трудом сдерживается, чтобы вести себя со мной спокойно. Он понимал, что я так же, как и он, была в зависимости от Натанычевых фантазий. Поэтому довольно мягко спросил:

— А ты сама... Ты что, не понимаешь, чем рискуешь? Почему, в конце концов, ты так спокойно сидела все это время? И как ты можешь объяснить его поведение?

Я опустила глаза:

— Не знаю. Он ученый. Это особые люди с каким-то неведомым складом ума. Может быть, он очень боится, что я не смогу надежно защитить машину времени, кто-то ее у меня отберет и начнет вершить тут дела. Ведь для тех программ, которыми он пользуется сейчас, он создал какую-то невероятную систему, которая уничтожает их при малейшем постороннем вмешательстве. А может, у него какая-то ревность к своему детищу. Не знаю. Но я привыкла доверять ему...

— Доверять ты не должна никому!

— Даже тебе?

Он внимательно посмотрел на меня:

— Когда ты в этом времени, ты слушаешь только меня. В 2010 году — веришь себе. Все. Иначе ты слишком много потеряешь.

— Но он друг нашей семьи! — Мне казалось, что я уговариваю не только Сталина, но и саму себя. — Я уверена, он наверняка сделал что-то такое, что обеспечит мне возможность сюда приходить. А про то, что за ним следят... Ты знаешь, я так далека от всего этого. Шпионы, разведка, неизвестные структуры... Кажется, что подобные вещи происходят только в кино... У нас там не 1937 год. Все иначе. Я думаю, он бредит, когда говорит, что кто-то за ним следит... — Я подошла к окну и по привычке положила руку Сталину на погон.

Он обнял меня:

— Мы напрасно тратим время. Ты уже вся бледная от страха. Я вне себя, потому что все вышло из-под моего контроля. Для меня очевидно, что если произойдет что-то непоправимое, то прежде всего в этом виноват буду я сам. Из нас троих только я способен здраво рассуждать, и именно я был так занят строительством государства, что упустил из виду элементарные вещи. Нам осталось семь часов. Если там ничего не случилось, то ты припрешь своего друга к стенке и потребуешь от него машину времени. В противном случае...

Меня уже трясло от всего этого разговора, и я сказала:

— Мы были вместе в 1952 году. Это была наша с тобой реальность. Ничего не может произойти, потому что я люблю тебя. И я не могу, не могу тебя потерять.

— Тогда разговор окончен. Пойдем спать...

Но ни о каком сне мы оба думать уже не могли. Эту ночь мы провели в диком угаре, где любовь и страх потерять друг друга смешивались и рождали сверхъестественную страсть...

Когда до моего возвращения оставалось пять минут, и мы, прощаясь, стояли обнявшись в спальне, Сталин сказал:

— Вернись ко мне прямо сейчас. На пять минут. Чтобы я знал, что все в порядке. А потом мы увидимся вечером в десять.

Я поцеловала его и кивнула, хотя в глубине души уже знала, что впереди меня ждет что-то жуткое.

* * *

Появившись в 2010 году, я застала Натаныча уткнувшимся в экран монитора.

— Слушай, у меня к тебе разговор есть, — сказала я, привычно садясь на диван и рассматривая разобранный на запчасти координатный прибор, который валялся рядом. — И только не надо говорить, что у тебя нет настроения и все такое прочее.

Он продолжил стучать по клавиатуре и, не поворачиваясь ответил:

— Прежде чем что-то сказать, подумай хорошенько. Потом к окну подойди. Посмотри, какая погода хорошая.

Я поняла, что его снова обуревают мания преследования. Как же мне выяснить, куда именно он запрятал эти программы? Я подошла к столу и, взяв карандаш, написала на клочке бумаги: «Где?» Вместо ответа он свернул экран и открыв текстовый документ,

напечатал: «В твоём компе. Папка Program Files». После этого он стер все, что написал, и посмотрел на меня:

— Иди домой. У меня система барахлит. Все надо переустанавливать.

— Так ты даже на пять минут меня в 1937 год отправить не сможешь?

— Нет. Утром встретимся. А я сейчас в магазин пойду. Потому что по твоей милости я сижу тут десять часов, как заключенный, без куска хлеба. Скоро в голодный обморок упаду.

— Ну а кто тебе мешал сходить туда, пока меня не было? — спросила я, уже совершенно не понимая, кому он это говорит — мне или наблюдателям, которые, по его мнению, слушали наши разговоры.

Он показал пальцем на клавиатуру:

— Потому что если в тот момент, пока ты находишься в прошлом, кто-то придет и что-то нажмет, тебя уже не будет ни здесь, ни в 1937 году, ни в каком другом параллельном мире. Вот поэтому я сидел и караулил.

Мне снова стало страшно:

— Натаныч, а может, к нам спустимся? Там Маша обед сделала. Суп сварила.... Что-то мне как-то не по себе. Давай ты вообще не будешь из дома выходить?

— Ерунды не говори, — буркнул он и встал со стула. — Успокойся. Если хочешь, я тебе ночью позвоню. Все, иди уже наконец...

После десятиминутных препирательств я наконец-то согласилась. Мы покинули квартиру и зашли в лифт. Когда двери открылись на шестом этаже, он сказал:

— Ну, привет! Если что... Считай меня коммунистом.

— Стой! — вцепилась я в его ветровку. — У меня предчувствие нехорошее... Пойдем к нам. Ну чего тебе дался этот магазин? Утром сходишь.

Он отцепил меня и выпихнул из лифта:

— Жалко все-таки, что у нас так долго генетика в загоне была. Хорошая наука. Только жестокая.

— Тебе не страшно? — прошептала я.

— Я боюсь всего, что происходит, начиная с 1937 года. Этот страх меня вымотал...

С этими словами он нажал кнопку и уехал. Я пришла домой и первым делом включила компьютер. Мне хотелось разобраться, что он мне записал. Быстренько отыскав папку программных файлов, я ткнула в нее и увидела две лиловые иконки и текстовый документ под названием «Начни с этого». Может, так он назвал руководство для начинающего пользователя временных программ? Я открыла файл и стала читать:

«Я только что вернулся из 2010 года. Безусловно, ты уже знаешь обо всем, что я там видел. А также о том, что я собираюсь с твоей помощью запустить итерационную переделку мира. Кроме того, я обещал тебе, что сделаю копии временных программ. Ты мне, конечно, веришь, а как же иначе! Ведь мы познакомились, когда тебе было шестнадцать лет, и я не мог не стать для тебя авторитетом. И вот что получилось! Я тебя знаю прекрасно. А ты... Ты так и не поняла, что я за человек. И хотя я постоянно говорю тебе, что никому никогда не выдаю государственных секретов, ты всячески пытаешься заставить меня записать тебе эти файлы. Ну что ж! Я подчиняюсь. Смотри. Перед тобой две программы. Если ты запустишь любую из них, то первое, что ты увидишь, будет экран с вопросом «Продолжать?». Если ты выберешь ответ «Нет», то все закроется. Если решишь, что тебе имеет смысл нажать «Да», то... Все рухнет без возможности восстановления. Потому что я записал тебе эти программы, на которые по традиции поставил свою непрошибаемую защиту, просто на

всякий случай, чтобы создать резерв для самого себя. Если же меня не станет (а вероятность этого растет день ото дня), то тебе придется смириться с тем, что ты никогда больше не попадешь в 1937 год и никогда не запустишь итерационную переделку мира. И все это произойдет по одной простой причине: я ни с кем никогда не делюсь своими исследованиями. Я, конечно, представляю себе, что мне предстоит от тебя выслушать, когда ты, прочитав это, придешь ко мне объяснять, кто я такой (если, конечно, я там еще жив). Но мне на это наплевать. И кстати. Ты можешь перерыть всю мою квартиру, поднять паркет, оторвать плинтус... Ты не найдешь резервных копий. Потому что их в этом мире не существует».

— Ну Натаныч! — прошептала я. — Ты лапши на уши навешал не только мне, но и Сталину.

Подумав о том, что удушю его, когда он вернется из магазина, я пошла на кухню. Меня все еще трясло, и я хотела выпить валерьянки. Через некоторое время зазвонил мобильник.

— Мам, ты где?! — Глеб буквально орал в трубку.

— Дома. А что случилось?

— Быстро иди вниз на улицу! Натаныча машина сбила. Я «скорую» вызвал. Как назло, Маша это видела, теперь ей дурно, и мне надо ее срочно домой отвести!

Я вылетела из квартиры и через минуту была на проезжей части. Натаныч без сознания лежал в луже крове и едва дышал. Маша в полуобморочном состоянии сидела на бордюре, а Глеб метался вокруг, пытаясь привести ее в себя.

— Ну наконец-то! — воскликнул он, увидев меня, и быстро потащил Машу к подъезду.

Я свернула куртку и села рядом с Натанычем. У меня на глазах умирал мой друг, который на протяжении двадцати лет действительно являлся для меня непререкаемым авторитетом. Он был символом настоящего ученого, готового на любые безумства ради науки. Я считала его не просто гениальным, он всегда казался мне человеком будущего, который был способен практически из ничего создавать бесперебойно работающие механизмы и непонятные приборы. Он был создателем машины времени, полностью изменившей мою жизнь и мое мироощущение. Ему удалось разработать итерационную программу, с помощью которой мы могли бы сделать из России счастливую и процветающую страну. И именно он! Именно он непонятно с какой целью лишил меня любви, о которой в параллельном мире слагали легенды. И именно он оставил граждан нашего государства без светлого будущего.

— Натаныч! — взяла я его окровавленную руку. — Не умирай. Пожалуйста. Ты не можешь так поступить со мной. Я знаю, ты наверняка что-то придумал. Сейчас придет твой двойник из альтернативной реальности и принесет мне машину времени. Ты столько всего пережил... И собираешься вот так просто умереть? Я не могу, не хочу в это верить... — Я попыталась нащупать его пульс, но ничего не смогла обнаружить.

Наконец-то приехала «скорая». Суровый врач оттеснил меня в сторону и после осмотра сказал:

— Он умер. Сейчас приедет милиция, и нам надо будет все записать. Вы можете рассказать, как это произошло?

— Нет. — Я растерянно посмотрела на свои испачканные кровью пальцы. — Все видели сын с женой. Ей стало плохо, и они пошли вверх. Может быть, его позвать?

— Да, пожалуйста, тем более что он должен будет рассказать, не запомнил ли номера машины. А сами идите домой. Вам дать таблетку, чтобы вы успокоились?

Я кивнула, проглотила неизвестно что, позвонила Глебу и, как только он появился, ушла домой. Маша плакала на кухне, а я прошла в комнату и автоматически стала снимать испачканное в крови платье. В голове моей царил хаос, поэтому я подумала: «Сейчас переоденусь и пойду к Сталину. Надо все ему рассказать. У него же там куча ученых, которых он из лагерей выпустил. Если он прикажет, они моментально работать начнут и все программы восстановят...» Тут до меня наконец дошло, что все пути в 1937 год отрезаны и ни к какому Сталину я уже не попаду. Стиснув руками голову, я села на кровать.

— Этого не может быть! — прошептала я. — Мы были вместе в 1952 году. Никакой альтернативной реальности я там не создавала. Значит, где-то существует диск или компьютер, с помощью которого я смогу туда летать. Где? Где он может быть?

Я вскочила и, схватив ключи от Натанычевой квартиры, которые он дал мне на всякий случай еще лет пять назад, побежала на девятый этаж. К моему удивлению, дверь была не заперта. Я толкнула ее, прошла внутрь и увидела, что из дома вынесли все, хоть как-то связанное с его исследованиями. Остались только мебель, посуда, груда одежды и скомканные бумаги. Было понятно, что здесь провели тщательную работу. Искать что-то еще было бесполезно.

Вернувшись к себе, я позвонила брату Натаныча, рассказала, что произошло, обещала, что если понадобится, то обязательно помогу ему все организовать, и, повесив трубку, легла на кровать. Итак, Натаныч сказал Сталину, что программы у меня дома. Может быть, он передал их Глебу? Или Маше? Специально, чтобы, как говорил Сталин, я до поры до времени ничего не знала. Где они могут быть? Я снова загрузила ноутбук и стала скрупулезно исследовать каждую папку. Я запускала поиск, открывала какие-то немыслимые файлы, залезала в непонятные компьютерные дебри, но, кроме двух лиловых иконок, ничего не могла найти. Наконец, уже почти потеряв надежду, я решила попробовать запустить итерационную программу. «А вдруг он наврал в своем письме, что они защищены? Так... Для отвода глаз», — подумала я и кликнула по лиловому пятнышку. На экране, как и обещал Натаныч, высветился прямоугольник с вопросом «Продолжать?». Я ткнула в «Да» и через долю секунды увидела какой-то глюк, мигание, наглядную демонстрацию удаления и снова иконки в папке системных файлов. Все мои попытки запустить эту программу снова оканчивались неудачей. Ее больше не было в моем компьютере. Остался лишь все тот же лиловый ярлычок, который, видимо, по замыслу Натаныча должен был символизировать памятник на могиле прекрасного будущего России.

Выключив компьютер, я вышла на кухню.

— Глеб, — спросила я, увидев детей, запивающих стресс чаем. — Скажи, а тебе Натаныч ничего для меня не передавал? Ну, диск или флешку?

— Нет, а что случилось?

Оставив его вопрос без ответа, я продолжила делать предположения:

— А он не приходил сюда, когда меня не было?

— Нет... — Глеб удивленно смотрел на меня.

— Маш, а с тобой он не разговаривал?

Она отрицательно покрутила головой.

— Глеб, а в почтовый ящик ты сегодня смотрел?

— Да, сейчас, когда с улицы возвращался. Там счет за квартиру прислали.

— Понятно... — Я села на табуретку. — Ты там рассказал милиции, как все было? Это что, грузовик какой-то или что?

Глеб скосился на Машу:

— Мы решили пройтись перед сном. Подходили к дому. На другой стороне улицы стоял Натаныч и пропускал машины, чтобы перейти дорогу. Когда он сделал шаг, вылетел джип... Я даже не понял, откуда он взялся... Ну... И он просто расплющил его. Причем это в какую-то долю секунды произошло. Мне даже показалось, что этот джип его специально ждал.

— А номер ты не запомнил? — спросила я, понимая, что Натаныч все-таки не бредил преследованиями.

— Он был без номеров, с тонировкой... Как в детективе. — Глеб развел руками. — Если бы я не знал Натаныча, то подумал бы, что его пасли криминальные элементы.

Я почувствовала, что неведомая таблетка, которую мне сунул врач, начала действовать. В голове была какая-то муть, хотелось спать и совершенно не было сил.

— Мне надо лечь... — сказала я и ушла в свою комнату.

Не раздеваясь, прямо в любимом сталинском платье я легла на кровать и погрузилась в вязкий, как болото, сон.

* * *

Ближе к полудню я открыла глаза. У меня был бешеный пульс. В голове стучало. Перед глазами сияли радужные круги. Я посмотрела за окно и вспомнила сталинский жест, когда он говорил, что создал для меня величайшее и непобедимое государство. И где оно? Осталось в параллельной реальности? Я все еще не могла в это поверить. Нет. Пройдет немного времени, и я получу какое-нибудь письмо или посылку. Мне принесут ноутбук или передадут карту памяти. Произойдет что угодно, но я доведу это дело до конца, запущу итерационную программу и смогу беспрепятственно встречаться со Сталиным...

Сняв трубку, я позвонила брату Натаныча и после короткого разговора спросила:

— Скажите, а он вам ничего не передавал для меня? Ну там записку, диск...

— Нет. Он звонил мне на днях. Был очень взбудоражен. Говорил, что много работает... Я понял тогда, что у него есть предчувствие какой-то беды... Потому что он сказал, если с ним что-то случится, то я смогу обратиться к вам за помощью. А потом он добавил, что вы наверняка будете спрашивать о его письме. И просил передать... К сожалению, он просил передать, что ничего вам не оставляет. А вы... Не обижайтесь, конечно, но вы на что-то рассчитывали?

Я поняла, что ему взбрело в голову говорить о деньгах:

— Да, я рассчитывала. Очень рассчитывала. Он разработал аппарат для энергоинформационной медицины, который лечил бы практически все болезни. Это программа, ее можно было поставить на любой компьютер. Я думала, что он успел ее доделать и хочет приберечь до рождения моего внука... Вы уверены, что ничего подобного он не отдавал вам?

На соседнем конце провода я услышала старческий вздох:

— Мне нечем вас утешить. Он специально оговорил, что для вас нет абсолютно ничего...

Мы попрощались, и я стала собираться. Мне было невыносимо сидеть дома. Я надела платье, поскольку ото всей другой одежды за последние месяцы напрочь отвыкла, выпила на ходу кофе, вышла на улицу, села за руль и бездумно поехала куда-то в сторону Университета.

Через некоторое время я поняла, что припарковалась на Ленинских... то есть на Воробьевых горах.

Я прислонилась к парапету смотровой площадки и с досадой посмотрела на высотку МГУ. Где-то там, в том мире, куда еще совсем недавно я легко заскакивала с помощью машины времени, это здание он посвятил мне. Это и еще семь... Точнее, шесть, потому что в моей реальности восьмой дом в Зарядье так и не был построен.

Низкие облака шарахались от шпиля и убегали в сторону области. Под ногами раздавалось кряхтение воробьев. Вчера я могла изменить ход мировой истории. Сегодня я размышляю, как жить дальше.

Я до одури сжала в руке острый ключ от автомобиля и камнем ухнула в воспоминания. У меня перед глазами кинолентой пролетели все события последних месяцев. Я снова пережила лубянский допрос, попытки убедить Сталина в своей правоте, походы за его завещанием в 1952 год, нашу свадьбу, отдых в Сочи, венчание... У меня кружилась голова, и панорама столицы, которая в этот день была прекрасно видна, плавала у меня перед глазами, как заколдованный остров. Как он будет заниматься без меня генеральным планом реконструкции Москвы? Кто вдохновит его на все эти проспекты, площади, дома? Он сказал, что почти неделю был дезориентирован, когда оказался в реальности, где меня больше не существовало. Как он переживет это теперь, после того, как наши отношения стали еще более близкими?

Внезапно мои спутанные мысли оборвал звонок сотового:

— Елена Григорьевна! — рыдала Маша в трубку. — Я пошла гулять... А когда вернулась... Тут такое... Такое... Ой... — Звонок прервался, и, испугавшись, что ей там не на шутку плохо, я бросилась к машине и рванула домой.

— Что случилось?! — закричала я, вбегая в квартиру, и обомлела.

Маша сидела и плакала посреди кучи вещей. А вокруг был такой бедлам, как будто тут поработал полк энкавэдэшников. Оказывается, и у нас тут бывает 1937 год! Он неистребим. Его не перехитришь, как генетику, которую Сталин объявил фашистской наукой. Правда, он сделал это в нашей реальности, а там, где жила я, был в фаворе Вавилов со своими исследованиями, Лысенко же, видимо, ставил опыты по повышению урожайности только на своем огороде... Но... Я вернулась мыслями в 2010 год и стала ходить по дому, рассматривая последствия проведенного обыска. Из дома вынесли все, что могло играть роль носителей информации. Больше не было ни ноутбуков, ни компьютера Глеба, ни дисков, ни флешек, исчезли карты памяти из фотоаппаратов, старый МРЗ-плеер и даже дискета, подоткнутая под цветочный горшок. В прихожей валялись разбитые елочные шарики, куча книг, сброшенных с антресоли, коробка с елкой и пачка «Герцеговины Флор», которую я действительно купила в киоске, когда мне было пятнадцать лет.

— Не переживай, Маша! — сказала я, догадываясь, что именно ее разволновало сильнее всего. — Драгоценности лежат в банке. Если эти люди ищут только то, что они ищут, мы будем живы, здоровы и даже более-менее состоятельны.

— А что они ищут? — спросила она всхлипнув.

— Наследство Натаныча, которого он меня лишил...

После этого мы до вечера убирали с ней квартиру, выкидывали осколки нашего с Глебом прошлого, забрасывали в ящики то, что уцелело, и, чтобы хоть как-то успокоиться, обсуждали фасон ее будущего свадебного платья.

Часов в шесть она доконала меня немymi вопросами относительно сохранности

раритетов нашего «древнего рода». И хотя со мной уже явно было не все в порядке, я взяла себя в руки и объехала все банки, по которым распределила то, что получила от Сталина.

Не знаю уж, что за структуры охотились за изобретением Натаныча и кто был так сильно заинтересован в том, чтобы не допустить в России непоколебимой системы ценностей, сильной мотивации для развития общества, патриотизма и всего такого прочего... Но эти загадочные силы не тронули мои банковские ячейки и счета. А скорее всего, они провели в них ревизию, но мои имперские копейки показались им не более чем чепухой в сравнении с их миллиардами и мировой революцией, которую я хотела устроить. Так или иначе, меня они предпочли не убивать — скорее всего, потому, что прослушивали все мои разговоры и понимали, что без Натанычевых программ я не представляю для них никакой угрозы.

Я вернулась домой, сказала Маше, что мы дадим достойный отпор рабовладельцам-марсианам, и пошла на кухню, чтобы хоть что-то съесть. В этот момент у меня перехватило дыхание, перед глазами поплыли волны, и, не выдержав перенапряжения последних дней, я рухнула на пол...

Более-менее мне удалось прийти в себя лишь к утру, когда я выяснила, что нахожусь в кардиологическом отделении неизменного института имени Склифосовского. Я лежала, безразлично соглашалась на какие-то капельницы, вливания, таблетки... И постоянно думала о Сталине. Я воображала себе наши диалоги, обсуждения каких-то событий, поездки по преображающейся Москве, полеты в Сочи... Я думала о том, что подарила бы ему на день рождения, до которого в той реальности оставалось чуть меньше двух недель... Представляла себе, как все-таки выясню, чем занимается Берия, и спрошу о карьерных успехах моего деда, наркома путей сообщения. Я промочила слезами всю подушку и поставила в тупик врачей, которые, поняв, что кардиологические примочки на меня не действуют, делегировали ко мне местного терапевта.

— Давайте мы сейчас с вами немного поговорим, — сказала мне эта пшенично-русая служительница Гиппократы.

Мне вдруг стало смешно:

— Давайте. Меня зовут Елена Григорьевна Санарова, я не была на оккупированной территории, не сотрудничала с фашистами, но готовила революцию мирового масштаба...

— Очень хорошо, что вы не теряете чувства юмора, — улыбнулась она. — Я изучила все ваши анализы и результаты исследований. Понимаете, вы абсолютно здоровы... Нам просто не от чего вас больше лечить. За небольшим, правда, исключением... Я уверена, что... Скажите, вы ведь недавно перенесли сильный стресс?

— Сильный стресс, — рассмеялась я сквозь потоки слез. — Что вы! Это был не стресс, а всего лишь сильное душевное волнение!

Она пометила что-то в моей карте и очень аккуратно добавила:

— Я уверена, что у вас депрессия. Вы должны обязательно показаться психоневрологу...

Она ушла, а я еще минут тридцать смеялась, представляя себе, какое будет лицо у этого врача после того, как я с серьезным видом скажу ему: «Ох, вы знаете, у меня такой стресс! Недавно в 1937 году я обвенчалась со Сталиным, из-за этого он повел СССР новым курсом, и теперь наша ячейка общества поломалась, потому что машину времени пришлось уничтожить, чтобы ею не завладели криминальные структуры». Интересно, что за рецепт он бы выписал мне в итоге? На это стоило посмотреть, но фамилию и телефон какого-то всемирно известного светила психиатрии Натаныч унес с собой в могилу, а остальным я не

доверяла...

Выписавшись из больницы, я слегла в кровать, не выходила из дома, отключила сотовый и никому не отвечала по городскому телефону. Меня практически ничто не волновало. Действительность 2010 года вызывала у меня приступы отчаяния, а жить я оставалась в ней только потому, что с этой реальностью были неразрывно связаны Глеб и Маша.

* * *

Не знаю точно, сколько именно дней я провалялась в таком состоянии. Но однажды возле моей кровати появилась Ольга. Это было знаменательное событие, поскольку заставить ее прийти к нам домой могли только две вещи: мой день рождения и реальная угроза моей жизни. Видимо, по словам Глеба она поняла, что сейчас на повестке дня второй вариант, и, бросив дела, пришла меня спасать.

— Ну? — сказала она, плотно закрыв дверь и усаживаясь на край одеяла в изящную импрессионистскую позу.

Из вежливости я поправила подушки и, привалившись к спинке, заставила себя сесть:

— Что «ну»? Оль, ты лучше сама расскажи, как дела. Что там нового? Что у нас в стране с культурной жизнью?

Она грозно посмотрела на меня:

— Я артистка неразговорного жанра! Давай-ка ты говори, почему лежишь в непонятном состоянии!

Поняв, что сейчас мне будут делать внушение, я тяжело вздохнула:

— У меня нет сил, чтобы встать. И желания тоже нет.

— Совести у тебя нет! — возмутилась она. — Тебе надо взять себя в руки и пойти работать. Это стимулирует. Сколько можно дома сидеть? Устройся переводчиком, ходи в офис от свистка до свистка... Не жизнь, а рай! Никакой депрессии! Вот скажи, что ты так раскисла? Ты первый раз влюбилась, да?

— Оль... — Я сделала паузу.

— Что?

— Вот ты сидишь тут уже пять минут. Тебе курить не хочется?

Она удивленно посмотрела на меня своими огромными глазами:

— Ну, хочется. А что?

Я протянула ей пустой стакан:

— На место пепельницы.

— И с чего это я буду курить у тебя в квартире, где сроду никто сигареты в рот не брал?

— Потому что мне это будет приятно.

Ольга посмотрела на меня как на тронутую, пошла приоткрыла окно и, вернувшись на место, закурила свою любимую сигарету в длинном мундштуке.

— Так я не поняла, — снова перешла она к повестке дня. — Чем он хорош-то так? Уж ты вроде много всяких повидала. А тут такая трагедия...

Я грустно усмехнулась:

— И ты думаешь, что если взять оптом достоинства всех, с кем сводила меня судьба, и объединить в одном человеке, то на выходе получится богопоставленный вождь народов великого Союза? Это бред, Оля, понимаешь, бред!

— А жить в двух временных пространствах — это не бред? — Она стряхнула пепел и глубоко затаилась. — Ты посмотри на себя! Эта история тебя вымотала. Ты тратишь две жизненные энергии — за 2010 год и за 1937-й! Этого нельзя делать! Это противоестественно! Это надо было прекратить!

— Кому это надо? Мне — нет! — Я натянула на себя одеяло. — Я все еще там, понимаешь? Мне больше нет здесь места! Да и никогда не было! Ты помнишь то время, когда нам было пятнадцать лет?

— Конечно... — Она снова закурила.

— Кого ты тогда любила? Кем интересовалась? Чьи портреты у тебя по всему дому висели?

Она развела руками:

— Ну что об этом вспоминать?! Я любила Майкла Джексона, даже книжку его в подлиннике прочитала.

— Вот! — Я открыла ящик стола и вытащила пачку «Герцеговины». — А меня в это время увлекал 1937 год. Я читала про Сталина. И даже папиросы эти вот купила, из-за него!

Ольга скептически посмотрела на меня:

— Слушай, заведи себе другого. Помоложе. Ну, поскромнее, может быть. Не вождя, а так... топ-менеджера или, так сказать, служащего среднего звена. Ты же не в 1937 году уже, и диктаторов тут на тебя не напасешься.

— На, посмотри! Ты этого не видела! — Я выудила из стола фото перед входом в Успенский собор. — Теперь поздно говорить о топ-менеджерах. Я с ним венчалась. Я его законная жена.

Ольга воззрилась на фотографию.

— Это поразительно! Какое платье! И это 1937 год! — Спohватившись, она добавила: — Ты ему законная вдова. Потому что он умер в этом... Не помню каком году.

— А вот и нет, — обессилив, я снова сползла на подушки. — Он жив, потому что я рассталась с ним в 1937-м. И если бы я сейчас туда полетела, то все было бы хорошо...

— Все ясно. — Она посмотрела на часы и, видимо, поняла, что ей пора на работу. — Школьная программа пошла. Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить. Только у тебя персонаж другой! Я пошла. Буду звонить тебе каждый день, пока ты не встанешь...

* * *

Не знаю, сколько бы времени я еще провела в бессознательном состоянии, но все это разом пресек Глеб, который однажды пришел ко мне с серьезным видом:

— Ты как?

— Никак.

— Да, мама! — покачал он головой. — Я что только не думал. В чем только тебя не подозревал. Но того, что ты так в Натаныча была влюблена, я никак не ожидал! И чем он тебя пленил? Даже представить себе не могу... Ну... Это ваши с ним дела. Я к тебе по другому поводу пришел.

Я удивленно посмотрела на него:

— Опять марсиане?

— Нет. Хуже, — насутился он. — Я, конечно, много подзаработал за это время. Даже

сам не ожидал. И в газете у меня дела в гору прут. Но... Ты понимаешь, чтобы хоть как-то прилично свадьбу отметить, надо гораздо больше. Я бы взял кредит, но меня оформили как внештатного сотрудника, поэтому я подумал... Ты еще числишься там, где турецкие переводы делала? Может, ты в банк сходишь? Думаю, что хватило бы... — Он назвал сумму, от которой я расхохоталась и вдруг как по мановению волшебной палочки вышла из своей депрессии.

— Глеб! — сказала я, ухмыляясь. — Мы с тобой не такие люди, которые берут кредиты в банках. У нас слишком высокопоставленная семья, чтобы отмечать свадьбу по экономварианту!

Он онемел и посмотрел на меня с некоторой опаской. А я полезла в сумку, которая уже неизвестно сколько времени валялась под столом, и вытащила из кошелька несколько банковских карточек.

— Это тебе. — Я отдала ему одну карту и сказала пин-код. — На мелкие расходы. Купи костюм. Хотя нет... Просто трать эти деньги на то, что тебе нужно. А остальное предоставь мне. Я знаю, как должна выглядеть свадьба моего сына. Где Маша?

— В комнате... — Он глазам поверить не мог, глядя на мое счастливое выздоровление. — Тебе ее позвать?

— Нет. — Я встала с кровати и, пошатнувшись, взяла халат. — Сейчас я приведу себя в норму, и мы с ней поедem посмотрим, что творится с платьями. Сколько у нас осталось дней? — услышав ответ, я махнула рукой. — Мы решим этот вопрос большевистскими темпами! Я всем займусь сама. Потому что вы оба ничего, абсолютно ничего не смыслите в бракосочетаниях...

Конечно, я не могла устроить им свадьбу в Георгиевском зале, но постаралась сделать все, чтобы друзья и родственники, которых мы пригласили, впали в сильное душевное волнение от моего размаха.

Я обратилась в одно из самых элитных агентств. Заказала модный, но в то же время наиболее изысканный и добросовестный ресторан нашей столицы. Обговорила с его директором и поваром меню, напитки, сервировку и флористический декор, благодаря чему праздничный банкет должен был превратиться в некую феерию вкусов и изыска.

По моему замыслу там должны были быть удивительные блюда, сочетающие в себе классическую русскую и европейскую гастрономические традиции. Я выбрала такие вина, которые могли поразить любого ценителя поистине великими вкусовыми качествами при довольно-таки редких на нашем рынке брендах. По поводу марок крепкого алкоголя я предпочла согласиться с местным сомелье, который показался мне толковым парнем. Ну а шампанское... Видимо, ассоциативно уцепившись за слово «империя», я выбрала именно то, которое поставляли ко двору Александра Третьего. И не пожалела, потому что оно действительно было лучшим в мире.

Потом я перешла к флористам, обсудила с ними все украшения стола и зала. Параллельно позаботилась о музыкальном сопровождении, которое максимально удовлетворяло бы вкусы нашей довольно разношерстной компании. И переключилась на авто. И тут я решила отказаться от всей этой многометровой безвкусицы, которая разъезжала по Москве в лентах, а забронировала автомобили, являющие собой пример безусловной элитарной классики.

Координирование процесса я доверила профессионалам из агентства, а сама наконец переключилась на платье и костюм. Но если с костюмом все было ясно — его вместе с

галстуком мы с Глебом приобрели в бутике одной из самых уважаемых фирм Европы, то с платьем дела обстояли сложнее. Из-за безумной фантазии детей приурочить свадьбу к 10 октября 2010 года в столице наметился некоторый дефицит таких фасонов, на которые волей-неволей пришлось ориентироваться Маше. Но и здесь я проявила свои таланты и отыскала фирму, которая доставила Глебу из Милана взлелеянное им в мечтах декольте грибоедовской поры для необыкновенно красивых Машиных плеч. Меня немного покорило от того, что платье и полагающуюся к нему фату шили именно в Италии, но Глеб, задумавшись о чем-то своем, брякнул, что в Милане совершили расправу над телом Муссолини, и мне как-то сразу полегчало. Ну а поскольку Маше и Милан, и Муссолини были до лампочки, а волновали ее только имя дизайнера и фасон, то она, увидев наши труды, пришла в неопикуемый восторг. Обувь дети купили сами. Насчет прически для Маши тоже можно было не беспокоиться, так как одна из ее лучших подруг работала в салоне красоты и регулярно крутила на голове моей будущей невестки невообразимые экзерсисы. И в итоге к свадьбе мы подошли в полной боевой готовности.

За несколько дней до торжества Глеб пришел ко мне с лицом, на котором проявлялись тягостные думы.

— Мам, — сказал он и сел на стул. — Не знаю, что Маше купить. И вообще, хотел тебя спросить...

Мне совершенно не хотелось выяснять с ним отношения, поэтому я сказала:

— Глеб! Я обещаю, что после свадьбы я в полной мере удовлетворю твое любопытство. А пока не морочь себе голову, потому что подарок для Маши от нашей семьи уже давно лежит у меня в раскрепасном футляре...

Так за разговорами и хлопотами я пережила несколько недель. Наступил предсвадебный вечер. Машу для соблюдения непонятных мне традиций отправили домой вместе с платьем, фатой и туфлями, Глеб, нервный и суетливый, носился по квартире. А я замерла перед гардеробом. И тут на меня снова накатила тоска. Разглядывая свои наряды, выбранные четко в соответствии со сталинскими представлениями о красоте, я поняла, что все последнее время провела в эйфории только потому, что все это делала на деньги, которые дал мне Сталин. От этого мне казалось, что мы снова вместе и я лишь на некоторое время отпросилась у него, чтобы организовать свадьбу сына.

Я почувствовала, что сильно рискую скатиться обратно в трясины отчаяния, и, чтобы взбодрить себя, стала думать о том, какое именно платье захотел бы видеть на мне он сам, если бы мы снова были вместе. Выбор пал на один из его любимых вечерних нарядов, в котором я была на приеме в честь приезда Рузвельта. Мне показалось, что это какой-то хороший знак, предвещающий мирную жизнь и независимость от финансовых и эмоциональных кризисов.

В итоге все сложилось так, как я мечтала. Все наши теперь уже общие родственники и друзья были поражены невероятно высоким уровнем торжества. Многие поглядывали на Глеба, явно подозревая в нем не просто начинающего журналиста-политолога, а аналитика, приближенного к высшим эшелонам власти. Он это чувствовал и, чтобы не терять фасон, ходил гордый, давая всем понять, что лишь один шаг отделяет его от славы.

Все шло как по маслу. Но главный козырь я хотела открыть за столом, когда по замыслу мы с Машиными родителями должны были вручить детям подарки. И этот момент наступил. Они торжественно осчастливили свою дочь и моего сына какой-то ерундой, от которой бедная Маша покрылась пятнами. А когда пришел мой черед, я встала и сказала:

— По традиции, которая передается в нашем древнем роду из поколение в поколение, мы дарим тебе, Маша, эту семейную реликвию. Пусть она принесет тебе счастье! — Я открыла футляр и намеренно протянула его так, чтобы ее родители увидели, что именно там лежит.

Маша очень талантливо всплеснула руками, делая вид, будто бы впервые видит этот набор из коле, сережек и кольца; ее мама, мало что понимающая в ювелирном деле, охнула от яркого сияния, а папаша не сдержался и выдернул у меня из рук подарок.

— Елена! — сказал он, разглядывая камни. — Вы сами-то вообще знаете, что это такое?

— А что это? — очень кстати встряла его жена.

Он посмотрел на нее как на полную дуру и сказал:

— Это старинные бриллианты, рубины и изумруды. Но они такого размера! — Он отдал футляр дочке, я сам сел на место, налил себе стопку водки и залпом махнул ее.

Маша быстренько надела на себя обновки, благо что кольцо мы с ней подогнали под размер за несколько дней до свадьбы, а Глеб повернулся ко мне и хотел было сказать:

— Мама, откуда...

Но я заставила его умолкнуть, эффектным жестом вручив ему ключи от автомобиля, о котором он мечтал.

— Это, Глеб, тоже наша семейная традиция. Ну ты-то, конечно, знаешь. До революции у нас было принято породистых скакунов дарить, ну а теперь вот мы на автомобиле переключились.

Таким образом я лишила его возможности говорить до конца свадьбы. От удивления он был способен только целовать Машу по команде «Горько!» и танцевать с ней что-то невообразимое...

* * *

На следующий день Глеб решил, что не отступит до тех пор, пока наконец не выяснит все наши семейные тайны.

— Так, мама! — сказал он, беспардонно заходя ко мне в комнату и садясь на кровать. — Говори! Откуда ты взяла столько денег? И не надо мне сочинять про Экваториальную Гвинею. Я этим сыт по горло. Ты в общей сложности потратила... — Он назвал мне сумму, которая удовлетворила мое тщеславие и еще сильнее разожгла в душе благодарность Сталину за то, что он решил мои материальные проблемы.

Глеб смотрел на меня и ждал, что я хоть что-то ему объясню. А я соображала, как мне отвертеться от этого разговора. Наконец я не выдержала его психологического давления и сказала:

— Так. Давай договоримся. Я показываю тебе часть. Только часть того, что у нас есть. Все остальное пока будет моей тайной.

— Согласен... — протянул он, видимо сильно опасаясь, что я снова обману его. — Куда-то надо идти?

— Ну, именно эта часть лежит в том банке, который находится в пяти минутах хода. Так что если есть желание, то пойдем прогуляемся.

Очень быстро мы дошли до банковского отделения, в котором я снимала ячейку. В комнате, где нам дали возможность вместе разобраться с ее содержимым, я вытащила из

стального ящика коробку и, открыв ее, показала Глебу:

— Вот. Смотри.

— И что это? — Он потрогал пальцем большие золотые монеты. — Это какие-то рубли? Я улыбнулась.

— Это золотые николаевские империалы. Их было выпущено не так уж много, поэтому их цена довольно высока. — Я покрутила между пальцев денежку. — Ну... Можно сказать, что практически за две монеты я купила тебе машину. Их, конечно, продать безумно сложно, но у меня есть знающие люди.

— Мама! — Глеб смотрел на меня как на человека, упавшего с луны. — А Машин подарок, а твое кольцо, которое ты постоянно носишь, а то, что было надето у тебя на шее, когда была свадьба, а остальные империалы, которые, как я понимаю, в непонятном количестве хранятся в других банках... Откуда это?!

— Глеб... Я никогда не говорила тебе, но мы с тобой из очень древнего рода. Это незаконнорожденная ветвь нашего императора...

Он потерял терпение:

— Да, мама! Теперь я все понял. Сопоставил, проанализировал, вспомнил даты!.. И знаешь, для меня стало очевидно!

— Что? — Теперь уже был мой черед удивляться.

— А то, что из какого-то удивительного рода был наш Натаныч, который в память о вашей не укладывающейся в голове любви оставил тебе все свое состояние.

Из-за его слов на меня накатила волна смертельной тоски:

— Глеб, Глеб... Натаныч не то что не оставил мне своего состояния, он лишил меня такого... А это, — показала я на коробку. — Если бы только знал, кто на самом деле дал мне эти вещи... То ты бы сенсационный политологический материал написал.

— Ясно, — сказал Глеб, вставая, — снова диктатор. Африка тебе надоела, и теперь ты выдумашь что-нибудь другое. Давай остановимся на версии с Натанычем. Это, по крайней мере, звучит правдоподобно.

На том мы и порешили. И договорились не возвращаться к этому разговору до тех пор, пока я окончательно не приду в себя...

* * *

После свадьбы все стало как-то потихоньку налаживаться. Проходили дни, недели... В какой-то момент я поняла, что с меня сняли наблюдение, которое после обыска я ощущала повсеместно. Теперь во дворе больше не было незнакомых машин. Телефон не издавал странных звуков. Да и вообще чувствовалось, что я перестала интересоваться эти загадочные структуры, которые разрушили мою личную жизнь и лишили Россию великого будущего.

Я снова стала переводить свои турецкие тексты про соки. Начала видаться с подругами. И гуляла вместе с Машей по парку, разглядывая удивительные хрустальные деревья, на которые пролился ледяной дождь. Я была уверена, что это последствия климатических экспериментов Натаныча, о возможности появления которых он когда-то вскользь упомянул. Но теперь это уже не имело никакого значения.

Внешне я почти пришла в себя, хотя была очень худая и слабая. Но внутренне... Мне казалось, что в тот день, когда я последний раз летала в 1937 год, я оставила там душу. Вроде

бы я жила в 2010 году, но на самом деле меня не было в этой реальности. Я полностью принадлежала тому времени, которое, как сказал мой друг, я сама создала, когда первый раз переместилась в Зачатьевский.

Моя любовь в Сталину за прошедшие месяцы не только не утихла, а стала какой-то всепоглощающей и мощной. Я думала о нем постоянно, вспоминала то, что между нами было, представляла, как бы мы общались, если бы снова были вместе. Умом я понимала, что больше никогда не попаду в 1937 год, но в душе у меня жила неистребимая надежда на чудо, которое может враз вернуть мне мою любовь, жизнь, а также страну, ради которой я и затеяла когда-то эту патристическую эскападу. Любая негативная новость о том, что происходит в государстве, вызывала у меня отчаяние. Я представляла себе, как бы все могло случиться, запусти я итерационную программу, и мне становилось дурно от невозможности повернуть время вспять...

Как-то раз вечером, когда Глеб был на каком-то мероприятии, мы с Машей сидели на кухне и пили чай. Разговор все время перескакивал с одной темы на другую, и каким-то образом мы перешли на астрологию.

— Когда родишь, обязательно на ребенка гороскоп посчитаем, — сказала я, задумчиво водя ножом по поверхности стола. — Я умею. Это очень интересно. Можно таланты посмотреть, будущую профессию...

— Знаю, — Маша примерилась и разломилась ложкой толстый эклер. — Мне тоже астрология нравится. Только раньше я пользовалась какой-то дурацкой программой. Там не было всего того, что есть в вашем компьютере.

Никак не ожидая от нее склонности к чему-то потустороннему, я даже не обратила внимания на то, что она говорит про компьютер:

— А в чем разница? Что там было такое, чего в твоём расчёте не хватало?

— Ну у вас там можно синастрию смотреть на одном экране, натальную карту с транзитной совмещать, а мне приходилось все это по отдельности считать.

— Ты так хорошо разбираешься? — удивлённо посмотрела я на неё. — Училась где-то? Она засмеялась:

— Нет. Просто когда я увидела программу в том вашем старом ноутбуке, то так увлеклась, что тыкала, тыкала, ну и выучила, как это все работает.

— В каком ноутбуке? Который рядом с елкой лежал? — не поняла я.

— Ну не знаю, — Маша добила первую половину эклера и принялась за вторую. — Я помню, что пришла тогда к Глебу, а этот компьютер был на стуле в прихожей. Ну я и взяла его с собой.

«Странная она какая-то, — подумала я. — Пришла в гости. Забрала чужой компьютер. И теперь так просто об этом говорит. Постеснялась бы хоть. Надо выяснить, с какими мыслями она это делала, а то так живешь и не знаешь, что тут у тебя рядом творится».

— Маш, я не пойму, ты его так просто домой унесла что ли?

— Я спросила у Глеба, что это за комп такой толстый. Он сказал, что он очень старый. В нем только гороскопная программа есть. Я и попросила посмотреть. Ну а он, конечно, не захотел, чтобы я при нем на это время тратила, и сунул мне его, когда провожал.

«И Глеб тоже хорош. Отдал мой ноутбук без зазрения совести, — продолжала я удивляться. — А чего, интересно, он и телевизор мой ей не отнес, чтобы смотрела? Какие-то сумасшедшие дети. Хотя какая разница... Отдал, не отдал... Уже ничего этого нет».

— Ладно, все равно его украли. Да и USB-порт у него сгорел, — махнула я рукой. —

Теперь надо новую программу записывать. А мне она не нравится. К той я за много лет привыкла... Да еще у меня там такая база была. Все знакомые, всякие писатели, политики... Я туда ввела столько данных...

Маша доела эклер и облизнулась:

— Нет, вы не думайте, пожалуйста, что я его присвоила. Просто я забыла о нем, когда к вам переехала. И потом, он вполне нормальный. Все у него работает. Я знаю, потому что распечатывала с него гороскопы. Так что вы можете посмотреть. Я ничего в нем не сломала...

Тут до меня наконец дошло, что она сказала:

— Маша! Ты уверена, что у него USB-порт работал? — спросила я, чувствуя, что еще несколько секунд неизвестности — и меня снова увезут в Склиф. — Скажи мне быстро, где этот компьютер!

Она испуганно посмотрела на меня:

— Да я бы не взяла его никогда, если бы не Глеб. Он разрешил мне. А недавно я была дома, увидела его и, конечно, сразу обратно принесла. Он вообще какой-то непонятный у вас. Клавиша Enter у него фольгой покрыта...

Услышав про клавишу, я настолько резко вскочила из-за стола, что с грохотом уронила на пол табуретку.

— Где он сейчас?! — У меня стало темно перед глазами, и окружающая действительность заплясала северным сиянием. — Маша, ответь мне, где он!

Она захлопала глазами:

— Глеб сказал его рядом с елкой положить... Я и положила...

Мне показалось, что на антресоль я взлетела за долю секунды. Швырнув на пол какие-то рулоны старых обоев, я вцепилась руками в компьютер. А если это правда? Enter с какой-то фольгой... Работающий USB-порт... Это не может быть случайностью...

Ничего не сказав Маше, я убежала к себе в комнату и заперла дверь. Только бы это было так, только бы это произошло...

Я подсоединила ноутбук к розетке, нажала кнопку и стала ждать, когда загрузится старый Windows 98. Через некоторое время на экране появилась модная когда-то тема рабочего стола, и закрутился вентилятор мыши. Так. Где это может быть? Если Натаныч всегда пользовался программной папкой, то искать надо где-то там. Меня так трясло, что я не могла попасть указателем в иконки. Я открыла одну папку, другую, еще... Мне пришлось перерыть весь компьютер, и наконец в каком-то немыслимом месте я нашла два лиловых программных файла и текстовый документ под названием «Начни с этого». Я подвела к нему стрелку и, перестав дышать, дважды ткнула. На экране открылось длинное письмо, которое Натаныч сочинил еще до того, как отправился выключать жару в 1974 год.

* * *

«С пионерским приветом! Ты сейчас отсыпaeшьcя после свадьбы, а я решил сделать тебе подарок, поэтому всячески нервирую разговорами о том, что мне необходим Windows 98. Это полная ерунда! Для того чтобы лететь в 1974 год, это старье мне не понадобится. Но я по-прежнему уверен, что за мной следят, поэтому затеял этот идиотский спектакль. Причем заметь, я говорил с тобой на лестничной клетке! Может быть, хоть там меня не

прослушивают...

Знаешь, я долго думал, стоит ли отдавать тебе копии и отступать от своих жизненных принципов. Ведь я никогда не выдаю государственных секретов, а то, о чем мы говорим, попадает именно под это определение. Но... С другой стороны, ты и так уже посвящена в мои тайны, а значит, их надо охранять лишь от, так сказать, третьих лиц. И тогда мне пришла в голову забавная вещь. Почему бы не поставить на твои варианты систему защиты, аналогичную той, которая работает у меня? Конечно, это будет не такая серьезная «оборонная» программа, которую от вечного страха использую я, но... Я помню, ты свято веришь в то, что я гений. Поэтому, скорее всего, поймешь, что мои системы не смогут взломать никакие спецслужбы. А то, что я гений... Честно говоря, я в этом тоже не сомневаюсь, ведь в мире колоссальное количество ученых, но ни один из них до сих пор не изобрел машину времени. Так что же удивительного в том, что я мог создать непрошибаемые программы защиты?

Но вернемся к техническим вопросам. Я знаю, для тебя, как для гуманитария, читать эти тонкости — нож по сердцу, но ничего не поделаешь — придется. Итак, рассказываю, что получилось. Защита, которую я установил на обе программы, основана на твоих эмоциональных параметрах. Если они будут отклоняться от нормы на... не важно на сколько, то ничего работать не будет и, как ты догадываешься, система рухнет без возможности последующего восстановления.

Тут я хочу сделать небольшое отступление. На тот случай, если это письмо читаешь не ты, а мои горячо любимые структуры. Учтите, дорогие господа, вы можете заставить хозяйку этого компа запускать обе программы сколько угодно! У вас ничего не получится! Потому что как только вы со своими милыми лицами приблизитесь к этой ранимой даме, ее эмоциональные параметры вмиг всколыхнутся, а значит, как я уже объяснял, система обвалится. Даже если вы введете ей наркотики, подвергнете ее гипнозу или примените на ней последние разработки секретных служб, вы все равно не обеспечите ей именно такого «состояния души», какое необходимо для корректной работы. Можете попробовать — ничего толкового не выйдет...

Это было лирическое отступление. Так сказать, ликбез для суперграмотных. Теперь займемся нашими делами. Посмотри на клавишу Enter. Она покрыта медной фольгой. По сути это электрод, с помощью которого и будет считываться с тебя информация. Поэтому перед началом работы протри его спиртом (и палец заодно) и нажимай на него так, чтобы обеспечить максимальную площадь контакта.

Теперь о программах. Начнем с той, которая называется «Итерационная переделка мира». Не знаю, понадобится ли она тебе на тот момент, когда ты это читаешь. Ведь мне неизвестно, насколько гениален окажется твой Отец народов и сумеет ли он, как ты мечтала, повести страну к светлому будущему. Думаю, что ни шиша у него не получится, потому что здесь, в нашей реальности, он совершил ряд таких стратегических ошибок, которые никогда бы не сделал по-настоящему талантливый вождь. Но... Тебе, как я понимаю, уже виднее, что он там натворил в твоём дорогом 1937 году.

Но я все время отвлекаюсь. Надо быть серьезнее! Итак, перед тобой программа, с помощью которой ты можешь переделать мир. Сто раз подумай, прежде чем ее запускать! Я говорю так, потому что знаю все возможности машины времени. Максимум, что мы сможем сделать, — это проинспектировать ситуацию в 2010 году, но в будущее заглянуть нам не под силу. А значит, нажав кнопку, ты отправишь Россию в неизвестность».

Я перестала читать и вытерла слезы. Натаныч, Натаныч! Это письмо ты писал после моей гражданской свадьбы. Ты еще не летал в альтернативный 2010 год и даже не предполагаешь, что изобрел там аппарат для просмотра будущего. Я не отправлю Россию в неизвестность, я сделаю то, о чем мечтают миллионы. Проплакавшись, я снова углубилась в изучение письма.

«Тебе решать, как поступить с миром. Если ты на момент прочтения этого письма осталась такая же безбашенная, как раньше, то тебе надо будет сделать следующее. Открыть программу. Выбрать «да», когда она задаст тебе вопрос. Потом ткнуть в виртуальную клавишу. Подождать десять минут (именно столько будет запускаться итерационный процесс). Ну а потом понаблюдать, как программа сотрется, чтобы ни у кого, в том числе у тебя, не было соблазна воспользоваться ею снова.

После этого, возможно, в стране начнут происходить изменения. Я не случайно говорю «возможно». Потому что эта программа не гарантирует стопроцентного результата. На это у меня ума не хватило. Я не признавался тебе, но вероятность того, что в нашей стране наступит светлое будущее, равна 73,55 %. Для науки это нормально. А для государства не очень. Ну с этим ничего не поделаешь, поскольку я никак не могу понять, что надо сделать, чтобы добиться более высоких показателей».

Я снова прервалась. Ну конечно! Натаныч писал это письмо до того, как слетал в 1974 год. Он сказал, что именно там встретил какого-то товарища, который подсказал ему нужную идею. Если бы он решил записать мне программы после полета, то у меня в руках был бы инструмент, гарантирующий 99,98 процента. Как обидно. Но это лучше, чем ничего. Так что же дальше?

«Теперь переходим к самой приятной части моего послания. Не знаю, сколько именно ты не имела доступа к полетам в прошлое. А может быть, ты нашла это письмо случайно, когда считала гороскопы? Я преспокойно сижу у себя в квартире, и сейчас ты придешь и будешь мне рассказывать о том, что ты думаешь о моем скверном характере?.. Не верю. Потому что даже если бы ты полезла считать эти свои гороскопы до того, как со мной что-то случилось, я бы не рассказал тебе, что хранится внутри компа и почему клавиша Enter покрыта фольгой. А на ровном месте открывать ту папку, где я сохранил программы, тебе никогда бы не пришло в голову.

Но снова к делу. У тебя отличный лэптоп. Я починил ему USB-порт, подклеил крышку, подкорректировал систему, убрал из нее все лишнее, проверил на все существующие в мире вирусы... И знаешь, он проработает еще много лет, если, конечно, ты будешь использовать его только как машину времени. И... Нет, я не могу не отвлечься еще немного. Это действительно очень странный ноутбук. Не знаю, где ты его купила и почему я тогда не обратил на это внимания, но, видимо, тебе удалось приобрести какой-то экспериментальный американский вариант, который каким-то чудом попал на наш, так сказать, вторичный компьютерный рынок. Иначе я не могу объяснить такой высокой надежности работы, которую он обеспечивает.

Пришло время поговорить о технике безопасности. То, что не надо совать пальцы в розетку, ты знаешь, поэтому расскажу о машине времени. Запомни несколько правил,

которые ты никогда, ни при каких обстоятельствах не должна нарушать. Первое: не оставайся в прошлом дольше десяти часов сорока четырех с половиной минут. Лучше ставь таймер ровно на десять часов и будь спокойна. Второе: не делай перерыв больше чем в четыре дня пять минут и сорок секунд, иначе попадешь не к Сталину, а на Лубянку. И даже не думай летать туда, где ты уже была, то есть в те месяцы 1937 года, которые мы уже вводили в программу. Если ты это сделаешь, то сможешь встретить саму себя, а поскольку обе вы будете из одной реальности, то это, по моим предварительным расчетам, создаст временной парадокс, который изменит внутриклеточное давление, а следовательно, превратит тебя в неэстетичную лужу. Поэтому после 5 марта 1953 года ну или после того дня, когда в твоей реальности Отец народов умрет, не делай глупостей и прими как данность факт, что все люди смертны.

Да! Мы же еще не поговорили о координатах! Думаю, что моего прибора с лиловой кнопкой у тебя нет. Хотя, даже если он и есть, то никакого толку от него не будет. Это слишком сложная в работе вещь, чтобы ты могла с ней разобраться. Поэтому, как ни печально об этом говорить, но отныне в своих полетах ты будешь ограничена четырьмя точками: Зачатьевским мусорником, кремлевским кабинетом, дачной спальней и сочинским домом. Даже если твой драгоценный вождь захочет тебе показать Париж, Рим, Берлин и что там ему еще взбредет в голову, то придется это делать по-человечески и всего на несколько часов, так как ты все равно оттуда испаришься по зову таймера.

Но снова о безопасности! Учти: когда ты будешь в прошлом, никто не должен касаться клавиатуры, это для тебя может быть смертельно. Кроме того, нельзя допускать перерыва в электроснабжении компа. У твоего лэптопа в силу его древности очень слабые батареи, да, впрочем, будь они даже новые, это бы тебе не помогло. Поэтому придется что-то придумать для обеспечения бесперебойного питания машины времени в течение десяти часов. Теоретически ты можешь купить огромную аккумуляторную бандуру размером с холодильник, которая стоит кучу денег и заряжается больше суток, но это, по моему мнению, глупо. Лучше не торопись, а оборудуй себе на даче специальное место для полетов, где будет стоять автоматизированная система запуска дизель-генератора, дополненная UPS, которая сможет гарантировать тебе полную безопасность».

Я засмеялась. Натаныч! После твоих летних экспериментов с климатом всему Подмоскovie надо ставить дизель-генераторы с автоматизированной системой управления! Если бы ты знал, что тут натворил, то опять бы помчался к Косыгину, чтобы у нас ледяные дожди не шли. И что ты предлагаешь мне вместо дизеля?

«Ну а если тебе не удастся и ты хочешь лететь к своему драгоценному вождю прямо сейчас, то купи хотя бы маленький ИБП (источник бесперебойного питания), который охранит тебя от секундных падений напряжения, довольно часто случающихся как в Москве, так и в районе твоей дачи. Ну и, как говорится, молись, чтобы никто не опустил рубильник. Иначе от тебя останется молекулярная пыль.

Так, вот еще что. Ты, разумеется, помнишь, что для машины времени нужны электроды. Свои я паял сам, поэтому даже не знаю, продается ли в магазине что-то более-менее подходящее. Тебе надо, чтобы с одной стороны кабеля был USB-разъем, а с другой — два контакта произвольной формы. Думаю, хотя я это не проверял, можно воспользоваться шнуром, с помощью которого ты подключаешь свой фотоаппарат к ноутбуку. Обрежь у него

все лишнее, сними изоляцию, зачисти проводки и прочитай все то, что я написал тебе в конце письма, чтобы ты могла самостоятельно соорудить электроды... А после этого отправляйся куда тебе хочется.

Ну а теперь реплика под занавес! Сталин во время нашей встречи в Кремле сказал мне, чтобы я не только создал несколько резервных копий, а еще разработал систему уведомления, благодаря которой ты сразу узнаешь, где искать программы, если со мной что-то случится. Я не буду этого делать. Как не буду делать и других копий своих разработок. Возможно, я запишу несколько запасных вариантов для себя, но для тебя... Увы!

Скорее всего, тебя удивляет мое странное поведение, ты не понимаешь, почему я монополизировал машину времени и после всех разговоров о шпионах и секретных службах не обеспечил тебе беспрепятственный доступ к прошлому. Тебя можно понять. На первый взгляд я веду себя бессмысленно. Но на самом деле... На самом деле я сделал это намеренно. Мне представляется, что события будут развиваться примерно так. Меня хлопнут, ты будешь искать резервные программы, потом у тебя наведут шмон, и ты никогда больше не попадешь в Сталину. Для меня это был бы идеальный вариант. Почему? И как же ты не догадалась? Я родился в 1937 году, а в 1938-м мои родители были расстреляны. Я не знаю, чья именно подпись стояла под этим приказом, но совершенно очевидно, что в моей искалеченной судьбе виноват только один человек — твой теперь уже законный супруг Иосиф Сталин. И... Я считаю, что придумал довольно остроумный способ мести. Когда я увидел на твоей руке кольцо, которое, безусловно, что бы он там тебе ни рассказывал, было снято с трупа расстрелянной интеллигентки, я понял, что этого человека не исправит никакая альтернативная реальность. Где бы и с кем бы он ни находился, какую бы политику ни вел, он всегда останется кровавым тираном, которого я ненавижу... Я решил, что помогу тебе строить идеальное общество, но потворствовать вашей неземной любви буду только до тех пор, пока машина времени в моих руках, так, чтобы твой драгоценный вождь постоянно чувствовал зависимость от моей персоны...

Я так думал до сегодняшнего дня. Но потом, когда увидел тебя в свадебном платье, мне пришло в голову, что я не совсем справедлив. Несмотря на то что я, как ученый, не верю ни в какие потусторонние силы, все-таки у меня в душе живет некое представление о высшем разуме. И мне показалось, что будет более правильно, если судьбу вашего странного романа решит именно эта непостижимая сила. Я отдал тебе ноутбук с программами и решил, что если я не прав и Сталин на самом-то деле совершал все эти репрессии с благими намерениями и действительно от чистого сердца делал все возможное для развития СССР, то ему повезет. Случится чудо, у тебя не отберут этот комп, и ты продолжишь летать в прошлое.

Конечно, я не очень хорошо поступаю по отношению к тебе. Но думаю, что если ты никогда не прочитаешь это письмо, то простишь меня из-за того, что я гениальный ученый, живущий в своем непонятном тебе заоблачном мире. Ну а теперь, после того как ты изучила эту исповедь, ты несомненно простишь меня, так как я дарю тебе эту программу, которая вернет твою любовь! Что же касается России, которая, возможно, из-за моей вендетты останется без идеального строя, то... Даже не знаю, что сказать... Потому что, во-первых, я все равно не верю в то, что в альтернативной реальности из твоего замысла получится хоть что-то путное, а во-вторых, пойми меня правильно. Если Сталину действительно удастся что-то сделать, то мне будет трудно жить с мыслью, что рай, воцарившийся в обновленной Российской Федерации, создал мой злейший враг. Звучит глупо, но... Пусть это произойдет

только через мой труп. На этом я с тобой прощаюсь и желаю тебе всегда иметь правильные эмоциональные параметры, необходимые для корректной работы системы».

Далее следовали рекомендации по созданию электродов, алгоритм по установке программ и подробное описание того, что надо будет сделать, если этот компьютер начнет барахлить и мне придется перенести их в другой ноутбук.

Я встала из-за стола и, еле сдерживаясь, чтобы не разреветься, подошла к окну. Значит, дела обстояли именно так. Он мстил Сталину, а меня все это время держал в неведении... Это не укладывалось в голове. Хотя... Ведь я никогда не жила в том 1937 году, в котором родился Натаныч, и мне было трудно судить человека, который в общем-то стал жертвой этой системы. Я идеализировала и Сталина, и созданный им строй, и государство... Потому что это была иная реальность — реальность, в которой правил человек, которого я любила и который любил меня...

Итак, если все работает, то я попаду в 1937 год в тот момент, когда мы со Сталиным простились в гостиной. И все будет как раньше! Но... Он даже не успеет испугаться, что потерял меня. А я... Я провела без него несколько кошмарных месяцев, чуть не умерла от сердечного спазма, многократно хоронила себя и свою личную жизнь... Да! Скорее всего, Сталин не обманывал меня, когда сказал, что у него есть только один грех, в котором он исповедовался патриарху. Потому что высший разум оказался к нему благосклонен и решил не лишать его моей любви. Я же, как отметил мой законный муж, не была праведницей, за что и получила наказание в виде нескольких месяцев безумия... Неужели у меня хватит духу не рассказывать ему о финале этого письма? Странно... Но если он узнает о том, что тут натворил мой гениальный друг, то вряд ли в 1952 году скажет ему про премию. Или за много лет что-то еще изменится? Натаныч, живущий в параллельной реальности, все-таки изобретет машину времени и полностью реабилитируется в наших глазах?.. Или что-то произойдет во время нашего последнего разговора в 1952 году?..

Так перескакивая с одной мыли на другую, я наконец пришла к выводу, что действительно не могу не простить его, потому что, как он и сказал, у меня на столе стоял ноутбук, возвращающий мне мою любовь, и в нем был спрятан ключ, открывающий для России светлое будущее.

* * *

Я открыла дверь и пошла в комнату к Глебу, чтобы забрать маленький источник бесперебойного питания, через который он подключал компьютер. Мне очень не хотелось, чтобы Маша видела мою зареванную физиономию, но она мгновенно подлетела ко мне:

— Елена Григорьевна! Я же не сломала его! Вы посмотрели? Там все работает. Вы проверили гороскопную программу? Я даже не знаю, почему я тогда забрала его домой. Это помутнение, наверное, какое-то было! Да и Глеб еще сказал! Вы злитесь, да? Вы обиделись?

— Маша, — ответила я сквозь слезы. — Ты сделала такое! Такое! Если все это работает, то я тебе правительственную награду привезу за то, что ты этот ноутбук спасла...

Я вытащила из-под стола кубик UPS, утащила его в комнату, потом сбегала на кухню за пузырьком медицинского спирта и, отыскав пучок ваты, заперлась у себя.

Итак, приступим! После выполнения подготовительных действий передо мной

загорелся сиреневый прямоугольник с вопросом: «Вы действительно хотите изменить ход мировой истории?» И что мне ответить? Неужели я, зная то, как живут люди в параллельной реальности, буду сомневаться? Нет! Хватит нам ходить в аутсайдерах! У меня не дрогнет рука, чтобы вывести нас на первую ступень пьедестала! А остальным... Остальным просто не повезет, потому что в реальном, а не утопичном мире всегда кому-то достается лучшее, а кто-то ходит в неудачниках... Улыбнувшись, я нажала «Да» и десять минут наблюдала удивительно красивую заставку, в которой Натаныч, тяготеющий к природным катаклизмам, создал движущийся коллаж из видеосъемок всевозможных катастроф — от цунами до извержений вулканов. После этого из папки, в которой я работала, исчезло все, что касалось его итерационной разработки. И теперь в моих руках была только машина времени.

Из того, что я увидела, мне пришло в голову сделать два вывода. Во-первых, несмотря на мое жуткое физическое состояние, с эмоциональными параметрами у меня все было в норме. Об этом говорила вполне корректная работа программы. Ну и во-вторых, с этого момента начался новый период в истории Государства Российского. То есть с вероятностью 73,55 процента можно было утверждать, что отныне наша страна движется к победе здравого смысла, нерушимому патриотизму, процветанию и прочим прекрасным вещам!

Я облегченно вздохнула. За государство можно было больше не беспокоиться! Теперь я могла перейти к заботам о своей личной жизни. Для этого я, не став особенно церемониться, полезла на историческую антресоль, достала с нее не использовавшийся уже много лет паяльник. И, вспомнив о том, что в школе благодаря чьей-то ненормальной идее о введении ранней профориентации добросовестно занималась радиоэлектроникой, я в пять минут спаяла из фотоаппаратного шнура прекрасные электроды для временных перемещений.

Маша смотрела на это с плохо скрытым ужасом. Она уже не спрашивала меня, как я отношусь к ее выходке с ноутбуком, а только тихо вздыхала и один за другим ела сладкие яблоки, к которым в последнее время была равнодушна.

Не обращая внимания на ее традиционные немые вопросы, я с превеликим трудом привела себя в порядок, навела макияж на своем бледном лице и надела любимое сталинское платье, которое болталось на мне как на вешалке. Потом я посмотрела на свою растерянную невестку-героиню и сказала:

— Маша! Я иду спать. Пока мне трудно сказать, сколько именно продлится мой сон. Возможно, что я пролежу там до утра, но я запрещаю тебе входить в мою комнату, даже если прилетят марсиане. А когда придет Глеб, передай ему, что если он посмеет хотя бы постучать ко мне, то ему никогда не достанется то, что, по его мнению, оставил мне Натаныч. Все. Спокойной ночи!

После этого я зашла в комнату, забаррикадировала дверь письменным столом, поставила ноутбук на пол, подсоединила его к UPS, воткнула электроды, сделала все то, что было сказано в письме, выбрала из скромного именованного списка координаты дачи и задумалась.

Мы расстались со Сталиным в восемь утра. Он сказал, чтобы я вернулась сразу же на пять минут, а потом мы увидимся вечером в десять. Нет! Пять минут — это не разговор. В конце концов, подождут его дела. А если и не подождут, то я с ним вместе поеду в Кремль. Решено, я отправлюсь туда на час. А затем, если у него не изменились планы, я сразу, после того как вернусь сюда, перелечу в десять часов вечера. Все отлично! Я вбила время, выставила таймер и хотела занести в программу дату, как вдруг снова задумалась.

А какой же это был день? Точно помню, что за окном мела вьюга... Ну да, это же был

декабрь, и до его дня рождения оставалось примерно полторы недели... Или две? Почему я там никогда не смотрела на календарь?! Как можно было так халатно относиться к делу? А если я сейчас ошибусь и попаду на дачу к тому Сталину, который понятия обо мне не имеет? За час меня, конечно, не расстреляют, но тогда я уже точно никогда в жизни не окажусь там, где меня ждут!

Нервное напряжение приближалось к опасной черте. Меня колотило, как малярийную больную. В голове звенело. В отчаянии я поставила в окошках дату, которая, как мне показалось, была наиболее близка к дню нашей последней встречи, и, сжав электроды, с силой нажала на покрытый фольгой Enter...

* * *

В спальне никого не было. Неужели промахнулась? Я вскочила с пола и, пошатнувшись от накотившего на меня головокружения, схватилась за подоконник. В этот момент в комнату вбежал Сталин.

— Ты вернулась! — почти прокричал он и бросился ко мне.

Мы вцепились друг в друга, и я потеряла сознание.

Очнулась я в постели. Он сидел рядом и разглядывал меня так, будто бы я отсутствовала в 1937 году долгие месяцы.

— Неужели я тебя вижу? — сказала я и даже не стала сдерживать слезы. — Реальность не имеет смысла, если в ней нет тебя. Ты так на меня смотришь... Я, наверное, час перепутала. И тебе пришлось ждать. Да?

Он провел рукой по моим волосам, по привычке поправляя растрепавшуюся прическу:

— Ты не час перепутала. Ты ошиблась на три дня. Страна меня потеряла. Чтобы не было слухов, объявили о моей болезни. А я... Я был дезориентирован. Ничего не мог делать. Только сидел и ждал, когда ты вернешься. Я был уверен, что это произойдет.

— Ну, слава богу! — рассмеялась я сквозь слезы. — Значит, ты все-таки не такой святой. Тебе тоже пришлось страдать.

— А ты? — спросил он, разглядывая мою, мягко говоря, отощавшую фигуру. — Сколько ты провела в 2010 году?

— Несколько месяцев. Несколько месяцев я жила надеждой на чудо. И знаешь... Оно произошло!..

Потом я долго и подробно рассказывала Сталину обо всем, что случилось: про машину, которая сбила Натаньча; про то как он не оставил мне копий; про обыск в квартире; про институт Склифосовского и психиатра, к которому меня посылали; про потрясающую свадьбу детей, благодаря которой я не умерла; про Машу, которая спасла ноутбук; про то, как я запустила итерационную программу, и, конечно, про свою любовь.

— Мне осталось две минуты, — сказала я, посмотрев на часы. — У тебя сегодня рабочий день? Мне вернуться вечером в десять?

Сталин посмотрел на меня так, как это делал всегда, когда я умудрялась ляпнуть какую-нибудь глупость:

— Рабочий день? В десять вечера? Да в стране уже почти всенародный траур по мне объявили, а ты говоришь о какой-то работе! Немедленно, прямо сейчас приходи сюда. И обеспечь все возможное, чтобы больше никогда не пропадать из моей реальности!

Вернувшись домой, я быстро перекрутила время в ноутбуке, вернулась в 1937 год, и этот день мы провели совершенно безумно. Единственное, что Сталин сделал по работе, — это позвонил Молотову, сказал, что пришел в себя, просил назначить на завтра какое-то совещание и заявил, что после этого вечером все обязательно должны быть на премьере в Большом театре, чтобы народ воочию убедился, что глава государства не умер, а находится во вполне рабочем состоянии. А потом он сделал еще один звонок и распорядился, чтобы к трем часам на дачу привезли невероятные для зимы 1937 года его любимые палевые розы...

Мы снова переживали сочинский «медовый месяц», только теперь наши чувства полыхали во сто крат сильнее. Для нас было очевидно, что судьбу все-таки не изменишь, а значит, впереди не так-то много времени. Мы были ограничены 5 марта 1953 года. Но зато и он, и я понимали, что теперь нас не разлучат никакие секретные службы двадцать первого века, никакие войны двадцатого, никто не сможет помешать нам любить друг друга и строить великую страну, которая будет существовать в обеих реальностях.

* * *

Вечером 1937 года я сказала Сталину, что мне надо совсем немного времени на разговор с Глебом и Машей, после чего я снова вернусь, чтобы провести с ним еще десять часов этого упоительного дня. Он согласился, и я переместилась в утро 2010-го.

Когда я появилась на пороге кухни в прокуренном платье с огромным букетом в руках, Глеб встал из-за стола и замер, не мигая глядя на меня.

— Мама! Что происходит? — только и смог он выдать из себя. А Маша тихо охнула и схватилась за булку.

— Дорогие дети! — просияла я счастливой улыбкой. — Я решила купить бывшую квартиру Натаныха и переехать на девятый этаж. Я буду рядом с вами, но смогу наконец-то заняться своей личной жизнью.

— Опять диктатор? — обреченно спросил Глеб.

— Да, — улыбнулась я. — Это великий стратег, который дает 73,55 процента за то, что через каких-то шесть — десять лет Россия начнет преображаться и постепенно станет грандиозной и сверхмощной державой.

— И ты, я так понимаю, будешь принимать в этом деятельное участие? — осторожно прошептал Глеб.

— А что мне остается? — ответила я. — Ведь я жена богопоставленного вождя. А значит, кому, как не мне, вдохновлять его на строительство светлого будущего!

Больше книг на сайте - Knigolub.net